

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КИЕВСКОЙ РУСИ

Учебное пособие

Владимир 2020

ББК 67.3(2)41
УДК 340.15
Г72

Авторы-составители: И. Д. Борисова, А. А. Ошмарин

Рецензенты:

Кандидат юридических наук, доцент
зав. кафедрой публично-правовых дисциплин
Факультета права и управления
Владимирского юридического института ФСИН России
Д. А. Зыков

Доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры международного права
и внешнеэкономической деятельности
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
С. С. Новиков

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Государство и право Киевской Руси : учеб. пособие / авт.-
Г72 **сост.: И. Д. Борисова, А. А. Ошмарин ; Владим. гос. ун-т**
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2020. –
164 с. – ISBN 978-5-9984-1142-7.

Рассматриваются вопросы государственного и правового развития Киевской Руси в период IX – начала XII в. Содержит теоретический материал, практические задачи (казусы), задания и литературу для самостоятельной работы, глоссарий.

Пособие рекомендовано для студентов очной и очно-заочной форм обучения направления подготовки 40.03.01 – Юриспруденция, может быть использовано преподавателями вузов юридической направленности, а также всеми интересующимися историей государства и права России.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 56 назв.

ББК 67.3(2)41
УДК 340.15

ISBN 978-5-9984-1142-7

© ВлГУ, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Дисциплина «История государства и права России» – это базовая юридическая дисциплина, которая изучает процесс формирования и эволюции институтов государства, механизмов осуществления государственной власти, становление и развитие системы права Российского государства, отдельных её отраслей, институтов и норм. Это позволяет в дальнейшем успешно осваивать отраслевые юридические дисциплины. Важная цель изучения дисциплины – выявление особенностей и общих закономерностей возникновения, развития и смены типов и форм государства и права России.

Киевская Русь – важнейший этап в становлении и развитии государственности и правовой системы России, определивший их специфику и дающий возможность проследить истоки государственно-правовых явлений и институтов, их эволюцию и преемственность.

Пособие построено в соответствии с рабочей программой учебной дисциплины «История государства и права России» и раскрывает основные вопросы темы «Государство и право Киевской Руси», а именно – теории возникновения и объективные предпосылки генезиса Древнерусского государства, государственный и общественный строй Киевской Руси, формы и источники древнерусского права, становление и развитие отдельных институтов и отраслей права.

Теоретический материал составлен с учётом классических и современных точек зрения на актуальные и проблемные вопросы, связанные с происхождением и развитием государства и права Киевской Руси. В заключительной части приводится перечень научной и учебной литературы, в котором указаны основные источники, использованные авторами при написании пособия.

Изложенные в учебном пособии материалы призваны способствовать глубокому освоению соответствующих тем дисциплины «История государства и права России».

Глава 1. ГОСУДАРСТВО КИЕВСКАЯ РУСЬ

1.1. Теории возникновения государства Киевская Русь

В науке существуют несколько теорий происхождения государственности на Руси. Каждая теория выбирает из множества исторических фактов свои, выстраивает свою причинно-следственную связь, имеет свои объяснения в литературе, историографии, изучает свой исторический опыт, делает свои выводы и прогнозы на будущее. Б. В. Личман выделяет следующие теории.

Религиозно-историческая теория. В христианской историографии начало истории государства Киевская Русь связано с принятием им истинной веры – христианства православного толка. Тысячелетняя история Русской православной церкви (с 988 г.) – это одновременно начало и история Русского, Российского государства. Российское государство постоянно расширяло сферы влияния, территорию за счет приобщения к истинной вере иноверцев (басурман), проживающих на территории Восточной Европы и Северной Азии.

Христианская теория связывает возникновение Киева с пророчеством апостола Андрея Первозванного. После вознесения на небо Иисуса Христа его ученики (апостолы) разошлись по свету проповедовать новую веру. Апостол Андрей Первозванный (его первого позвал Христос в ученики) в I в. был в Восточной Европе. Поднимаясь в верховья Днепра, Андрей сделал остановку в районе сегодняшнего Киева, благословил окрестные холмы и сказал: «На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей».

Великие киевские князья, княгиня Ольга, а затем ее внук Владимир I приняли христианство. В 988 г. князь Владимир I начал крещение Руси. Согласно религиозному подходу это событие начинает отсчет исторического времени православного государства: Киевского – Московского – Российского.

В локально-исторической теории Восточная Европа и Северная Азия рассматриваются как единое пространство («месторазвитие»), заполненное сменяющимися друг друга локальными цивилизациями, государствами. Так, на протяжении тысячелетий на едином «месторазвитии» сменилось много государств: Скифское, Готское, Хазарское, Киевское, Золотоордынское и др. Все государства Восточной

Европы и Северной Азии были многонациональными, а политическое лицо государства, его название определял народ, становившийся во главе его.

Всемирно-историческая теория. В стенах Российской академии наук в XVIII в. родилась «норманская теория», согласно которой Киевское государство было создано норманнами-варягами. Родоначальниками этой теории выступали Г. З. Байер, кенигсбергский ученый-лингвист, а вслед за ним другой немецкий ученый – Г. Ф. Миллер, работавшие в Петербургской академии наук.

Против этого утверждения сразу же выступили русские ученые и в частности М. Ломоносов, которому императрица Елизавета Петровна поручила написать историю России. С тех пор борьба норманистов и антинорманистов не утихает.

М. Ломоносов подверг сомнению выводы Г. Ф. Миллера о создании государства варягами. Особое внимание Ломоносов уделил происхождению термина «русь». Если Миллер связывал термин с северными племенами русь = варяги = скандинавы = норманны, то Ломоносов возводил происхождение термина к наименованию южнославянского племени роксоланов, широко используя при этом данные топонимики. Он считал, что роксоланы вместе с готами (по Ломоносову, тоже славянами) пришли с берегов Черного моря к побережью Балтийского моря, получив там название «варяги».

Полемика между норманистами и антинорманистами обозначалась по основным вопросам: являлись ли варяжские князья основателями государства Киевская Русь? Термин «русь» является словом скандинавского или иного происхождения?

Норманисты единодушны в двух принципиальных вопросах. Во-первых, они считают, что норманны добились господства над восточными славянами путем внешнего военного захвата или с помощью мирного покорения (приглашения княжить); во-вторых, они считают, что слово «русь» норманнского происхождения.

Антинорманисты считают, что термин «русь» доваряжского происхождения и восходит к очень древним временам. В «Повести временных лет» есть места, которые противоречат легенде о призвании трех братьев княжить. За 852 г. есть указание о том, что при царствовании в Византии Михаила уже была Русская земля. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях речь идет о том, что

варягов княжить приглашали все северные племена, в том числе и русь. Советские исследователи М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев считают, что запись о призвании варяжских князей появилась в летописи позже, чтобы противопоставить два государства — Киевскую Русь и Византию. Автору летописи для этого потребовалось указать иностранное происхождение княжеской династии. Согласно исследованию А. А. Шахматова варяжские дружины стали называться русью после того, как перешли на юг. А в Скандинавии ни по каким источникам нельзя узнать о каком-то племени русь.

Наибольшей остроты дискуссия достигла в середине XIX в., когда в защиту норманской теории выступили датский историк, профессор Копенгагенского университета В. Томсен и русский историк, академик А. Куник. В работе В. Томсена «Начало русского государства» (1891 г.) были сформулированы основные аргументы в пользу норманской теории. После выхода в свет этой работы многие ученые пришли к выводу, что норманское происхождение Русского государства можно считать доказанным.

Вместе с тем ряд историков XIX в. стояли на позициях воинствующего антинорманизма. В частности, С. А. Геденов в своем двухтомном труде «Варяги и Русь» (1876) подверг критике взгляды норманистов и привел ряд доказательств местного происхождения термина «русь» и присутствия его в Восточной Европе с очень давних времен.

В настоящее время позиции норманистов и антинорманистов сблизились. Однако это сближение вовсе не является свидетельством утверждения истины. Как одна, так и другая концепции оказались тупиковыми. Кроме того, существуют еще и другие мнения. В. А. Мошин доказывает греческое происхождение названия «Русь». О существовании Руси как Тмутараканского княжества в IX в. пишут А. Н. Насонов, М. В. Левченко, А. Л. Монгайт. Протоиерей Лев Лебедев пишет: «... в IV — VII вв. происходило известное нам формирование первой русской государственности — культурно-политическое объединение племенных союзов полян и северян под общим главенством племени “рус” с княжеской династией кривичей». Этот вывод интересен тем, что корень «крив» соответствует сегодняшнему названию «русский» у соседей кривичей — латышей.

Возникновение Киевской Руси хронологически вписывается в процесс государствообразования, протекавший в VIII – X вв. на территориях Северной, Центральной и Восточной Европы. В первой половине IX в. образовалось Великоморавское княжество, на рубеже IX – X вв. – Чешское. В середине IX в. шло объединение польских племен, во второй половине X в. было создано Древнепольское государство. В IX в. сложилась государственность в Хорватии и на сербских землях, IX в. – время появления объединенного англосаксонского королевства, а X в. – Датского.

Однако в исторической науке не закончены дискуссии по вопросу, было ли Киевское государство первым государством восточных славян или у него были исторические предшественники.

Арабские историки ал-Истархи и ал-Балхи называли три таких объединения в VIII в.: Куябу (Киевская земля), Славию (Новгородская земля) и Артанию, или Арсанию. Одни историки (В. В. Мавродин) склонны видеть в Артании Рязань, другие (Х. Ловмянский, А. П. Новосельцев) – Ростов Великий, третьи (В. Л. Янин) – Таманский полуостров. Описываются еще более ранние образования во главе с Божем и Маджаком, возникшие в VI и даже IV вв.

Не вызывает сомнения существование названных политических образований. Все же скудность источников не позволяет с достоверностью судить, были ли они уже государствами или чем-то догосударственным, например племенными союзами.

Спорным остается вопрос о государстве Киевском при Дире и Аскольде. Существует мнение, что Дир и Аскольд – варяги, захватившие в 860 или 862 гг. Киев, в котором не было князя. В 866 г. они организовали смелый набег на Константинополь и захватили его.

Через два года после набега Аскольд заключает с греками мир и решает принять христианство. Патриарх Константинопольский Фотий по этому поводу пишет: «Не только болгарский народ переменил прежнее нечестие на веру во Христа, но и тот народ, о котором многие рассказывают и который в жестокости и кровопролитии все народы превосходит, оный глаголемый Россь... Однако ныне переменил языческое и безбожное учение... на чистую и правую Христианскую Веру»¹.

¹ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М. : Тип. Грачева и К., 1879. С. 2.

Согласно «Повести временных лет» объединение Древнерусского государства началось варягами с севера. За 859 г. в летописи есть сообщение, что племена славян на юге платили дань хазарам, а на севере чудь, славяне, меря и кривичи платили дань варягам.

Достоверность описываемого подтверждает сравнительный материал Западной Европы. В первой половине VIII в. норманны, или викинги (на востоке их называли варягами), совершали набеги на территории приморских стран. Они вымогали выкупы, или дани. Западные хроники свидетельствуют, что с 830 г. до конца века в Европе не было ни одного года без норманнского (северные люди) нашествия. Они завоевали целый ряд стран: Шотландию (847 г.), Англию (1066 г.), основали Королевство Неаполитанское (911 г.) и др. В 836 и 837 гг. викинги нападали на Фризию и каждый раз получали выкуп. В 845 г. норманны опустошили селения по берегам Сены до Парижа. Король Франции Карл Лысый вынужден был уплатить 7 тысяч фунтов серебра, чтобы спасти Париж от разграбления.

Видимо, как и на западе, в зависимости от норманнов были северные племена Восточной Европы и некоторые племена по торговому пути «из варяг в греки».

Далее летопись сообщает, что в 862 г. новгородцы изгнали варягов за море, но среди разноразличных племен, да и в самом Новгороде, мира не было и пришлось пригласить князя, «который бы владел и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси и пригласили трех братьев – Рюрика, Синеуса и Трувора. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус – на Белоозере, а Трувор – в Изборске.

После смерти братьев Рюрик стал княжить один, а своим дружинникам раздал Полоцк, Ростов, Белоозеро. Когда умер Рюрик (879 г.), воевода Олег вместе с малолетним сыном Рюрика Игорем подняли племена по торговому пути «из варяг в греки» на большой поход к югу. В походе участвовали меря, варяги, словене, кривичи, весь и в 882 г. захватили Киев. Это положило начало образованию Древнерусского государства с центром в Киеве.

В литературе существуют разные мнения об основах происхождения государства.

В XVIII в. В. Н. Татищев полагал развитие государственной власти из семейной. И в дальнейшем этой концепции придерживались

и норманисты, и славянофилы. Но, как считает В. Н. Паранин, такой ход государственного строительства на такой обширной территории и при великом множестве разноразличных народов представляется весьма сомнительным. И. В. Киреевский считал государственность естественным развитием народного быта. По его мнению, маленькие сельские общины сливались в большие – областные, племенные и т. д. А из них уже слагалось одно общее согласие Русской земли.

Л. В. Черепнин предложил концепцию государственного феодализма в Киевской Руси. Он исходил из того, что дань собиралась с крестьянского населения как феодальная рента. То, что не было феодальных вотчин, компенсировалось распределением дани среди дружинников как совокупного господствующего класса.

После 1917 г. в зарубежной литературе, как и в российской до-революционной, продолжало преобладать *либеральное направление* всемирно-исторической теории образования государства Киевская Русь. В основе ее лежала идея французских просветителей XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, Вольтера и других об общественном договоре как основе образования государства.

В то же время у части зарубежных историков норманская теория подверглась политизации. Неприятие западным обществом советского государства переносится и на историю. В 1930-е гг. норманизм приобретает антиславянскую направленность, доказывающую неспособность народов Восточной Европы самостоятельно создать свое государство, свою культуру. «Расцветает» расистская теория неполноценности народов.

Материалистическое направление становится официальным в советский период. В соответствии с историко-материалистической заданностью определение государства наполняется следующей трактовкой: «Государство никаким образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу, а является продуктом его длительного развития» (Ф. Энгельс).

Выстраивается следующая схема: племенные княжения (союзы племен), формирование Северного и Южного образований, Русское государство (Киевская Русь). Схема постоянно уточняется и детализируется. Так, государство возникает на восточнославянской основе, но со значительным участием чудских племен и скандинавских наемных дружин. Норманны появились здесь после того, как

социально-экономические, политические и духовные предпосылки создания государства в Восточной Европе уже сложились. В этой трактовке роль варягов-норманнов в образовании государства становится несущественной.

Советские историки (Б. А. Рыбаков, И. Я. Фроянов и др.), признав, что государственность – процесс не одномоментный, а итог длительного эволюционного развития, разошлись в определении места первоначального возникновения государства. Одни исследователи считали, что процесс становления Русского государства сначала развернулся на юге, и лишь позднее – на северо-западе (в связи с тем, что в 1930-е г. на Западе распространяется расистская теория неполноценности славянских народов, советское руководство отдает предпочтение теории первоначального происхождения государства на юге страны), другие – на первое место среди этапов формирования государственности ставят образование северного суперсоюза и только после этого – «грандиозного суперсоюза» с центром в Киеве. Однако все историки признают, что процесс объединения завершился походом князя Олега на Киев, победой северян и подчинением Южной Руси. Столицей объединенного государства стал Киев.

Марксистская теория происхождения государства сняла остроту обсуждения термина «русь». Термин «русь» имеет варяжское происхождение, но стал этнонимом собирательного характера. Утвердилось мнение, что используемые применительно к самым различным, чаще неродственным народам этнонимы «скифы», «киммерийцы», «гунны», «франки» и другие носят собирательный характер. Жители государства Киевская Русь по названию государства назывались русскими.

В отличие от многих исследователей И. Я. Фроянов выдвигает концепцию, по которой Русь, по крайней мере до конца X в., остается еще не государством, а племенным союзом, который является переходной к государственной организации формой, соответствующей этапу военной демократии. Дань он рассматривает не как вид феодальной ренты, а как военную контрибуцию, наложенную на покоренные племена в пользу государственной власти или её агентов, никак не соотнося ее с классовой эксплуатацией трудового населения. Само государство (со второй половины XI – XII вв.) вырастает на

общинной основе и принимает общинную форму «городских волостей-государств», князья и знать (как связанная с князьями, так и земская) в своей политической деятельности выражают в значительной мере интересы и потребности свободных членов общества таких государств (т. е. свободных горожан и свободных крестьян), причем союзы общин в этих государственных образованиях возглавляет торгово-ремесленная община главного города. Вассалитет (княжеский, боярский) и иммунитет носят дофеодальный характер.

На современном этапе эту позицию развивают В. В. Пузанов и А. Ю. Дворниченко.

Итак, как же отвечает на вопрос о роли норманнов в образовании Древнерусского государства современная наука, освободившаяся от идеологического давления?

1. Рюрик – вполне реальная личность, и известие летописи о нём не легенда, оно имеет достоверные основания, подтверждённые другими источниками. Присутствие скандинавов на Русской земле доказано археологами, проводившими раскопки в Ладоге, Изборске, Новгороде и обнаружившими относительно IX – X вв. огромный «варяжский» культурный пласт (оружие, предметы быта, культа и пр.). Найден и прототип Рюрика – датский конунг, предводитель викингов, Рерик Ютландский. Найти его помогли литературные памятники Древней Скандинавии, саги, географические и исторические сочинения северных авторов. Таким образом, скандинавы дали Руси княжескую династию.

2. Предполагается, что скандинавы (викинги и их дружины), обосновавшись уже в VIII в. в указанных опорных пунктах Северо-Западной Руси (Ладоге), в землях словен, установили тесные контакты с местной родоплеменной знатью. Отсюда они проложили путь на юг, в Византию («из варяг в греки») и в страны арабского Востока, совершая походы, бывшие своеобразным смешением разбойничьих набегов с торговыми предприятиями.

3. Скандинавы осуществляли в этих землях ещё один вид деятельности – наёмную военную службу у знати и местных князей. Рюрик тоже пришел в Новгородскую землю с дружиной и родом своим («пояша по себе всю русь»). О том же свидетельствует известие скандинавской саги о «Sine hus» и «Tru vaering» («дом свой» и «верное воинство»), превратившихся в пересказе летописца в

легендарных братьев Рюрика. Как увидим далее, «призвание» князя соответствует позднейшей новгородской традиции – приглашать на княжение князей из других земель, передавая в их руки военные функции и оставляя всю остальную власть в руках вечевой администрации.

4. С приходом Рюрика приток скандинавских дружин на Русь усилился, потомки Рюрика широко использовали их военную силу, силу нейтральную, для борьбы с родоплеменной знатью, объединяя под своей властью разноэтнические территории. Скандинавские дружины использовались русскими князьями в походах на Византию.

5. Скандинавы привлекались на дипломатическую службу. В качестве русских послов они появлялись не только в Константинополе, но и в столице императора франков (как о том свидетельствуют «Бертинские анналы»).

6. Из них формировался аппарат государственного управления, в том числе в системе взимания податей. Они дали начало поместному землевладению, получая за свою службу земельные пожалования князей. Миллер на этот счёт так писал в «Известии о дворянах российских»: *«Ещё Владимир, как о том пишет Нестор, овладев с помощью варяг киевским престолом, “избра из них мужей добрых и смысленых, и храбрых, и раздая им грады”. Сие было начало русского дворянства, или, паче сказать, российских поместий»*.

Одновременно шёл и процесс ославянивания норманнов. Дружинная верхушка постепенно сливалась с древними кланами новгородской знати, скандинавский язык растворялся в славянском языке. Ибо именно славяне составляли большинство народонаселения страны, богослужение со времени принятия христианства велось на славянском языке, поэтому он «при всём смешении народов сохранился в чистоте» (Г. Ф. Миллер).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие теории происхождения государственности на Руси выделяет профессор Б. В. Личман?

2. В чем суть религиозно-исторической концепции происхождения государства Киевская Русь?

3. В чем суть локально-исторической концепции происхождения государства Киевская Русь?

4. Когда в исторической науке появилась норманская теория происхождения Древнерусского государства? Кто был её автором? В чём её суть?

5. Что такое антинорманизм? Кто стал первым антинорманистом?

6. По каким вопросам обозначилась полемика между норманистами и антинорманистами?

7. Какую точку зрения высказали советские исследователи М. Н. Тихомиров и Д. С. Лихачев?

8. Когда, по мнению профессора Б. В. Личмана, дискуссия норманистов и антинорманистов достигла наибольшей остроты? С чем это было связано?

9. Как можно охарактеризовать современные позиции норманистов и антинорманистов?

10. По каким аспектам вопроса происхождения Древнерусского государства до сих пор не закончены дискуссии в исторической науке? С чем это связано?

11. Какие сведения о происхождении Древнерусского государства сообщают летописи?

12. Кто такой Рюрик и какую роль в образовании Древнерусского государства он сыграл?

13. Какую концепцию предложил Л. В. Черепнин? В чём её суть?

14. Как изменяется подход к трактовке происхождения Древнерусского государства в советский период? С чем это было связано?

15. Какую концепцию происхождения Древнерусского государства выдвинул И. Я. Фроянов? В чём её суть? Какие новые термины он вводит в историческую науку? Кто является сторонниками этой концепции в настоящее время?

16. Что говорит об образовании Древнерусского государства современная наука?

1.2. Объективные предпосылки возникновения Древнерусского государства

В ходе расселения славян на территории Восточной Европы закладывались предпосылки для формирования древнерусской народности и государственности. Но процесс этот был долг и неоднозначен. Особенностью восточнославянской колонизации яв-

ляется ее перманентный характер, что стало важным фактором, определившим последующую историю русского народа.

На протяжении I тысячелетия до н. э. славянские племена широко расселяются по Центральной Европе, в междуречье Буга и Днепра, на Западе их территория доходила до реки Лабы (Эльбы), на севере – до Балтийского моря, на востоке – до Сейма и Оки. На этих обширных землях обитало, вероятно, несколько сотен славянских земледельческих племён. В III – IV вв. вторжение германских племён готов разрушило их этническое единство, образовав племенные объединения западных, южных и восточных славян. Писатели VI в. (Иордан, Прокопий Кессарийский и др.) называют восточную ветвь славян антами, сообщая, что они занимают территорию от Днестра и Северного Донца, а также упоминают об антских поселениях на Дунае.

Выйти на мировую историческую арену славяне смогли, находясь на стадии родоплеменного строя, о чем красноречиво свидетельствуют источники. О многочисленных племенах антов и склавинов, вожди которых постоянно враждовали между собой, говорят византийские авторы VI – VII вв. Академик Б. А. Рыбаков утверждал, что племена восточных славян к этому времени именовались общим термином «славяне».

Как отмечает профессор А. Ю. Дворниченко, путь антов и склавинов к восточным славянам в плане общественного развития – это движение от военной демократии к вожеству².

Военная демократия – форма общественного объединения славян в VII – VIII вв., для которой было характерно участие всех мужчин племени в решении важнейших общественных проблем, особая роль народного собрания как высшего органа власти, всеобщее вооружение населения.

Процессы политогенеза у восточных славян изучает В. В. Пузанов. Его концепция заключается в следующем³.

Когда мы изучаем общество того периода, надо иметь в виду его родовой характер. Род (коллектив родственников, ведущих свое происхождение от общего зачастую легендарного предка) состоял из пар-

² Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времён до падения самодержавия : учеб. пособие. М. : Весь Мир, 2010. С. 103.

³ Пузанов В. В. У истоков восточнославянской государственности // Сандулов Ю. А. История России: народ и власть. СПб. : Лань, 1997. С. 8 – 48.

ных семей, на смену которым со временем приходили большие семьи, что свидетельствовало о приближении эпохи разложения родовых связей. Во главе рода стоял родоначальник, который совместно с главами семей управлял делами рода, а на войне предводительствовал отрядом сородичей. Для родовых объединений характерна жесткая, обусловленная традициями регламентированность жизни, общая собственность на основные средства производства, круговая порука, кровная месть. Последняя являлась не только средством защиты сородичей, символизируя неразрывность кровных уз, но и действенным средством поддержания общественного порядка в условиях отсутствия или слабости элементов публичной власти. Иными словами, род являлся в существенной мере самодостаточным социальным и производственным коллективом.

Несколько родов объединялись в племя, несколько племен – в племенные союзы, что усложняло общественную структуру, но до поры до времени не нарушало ее родового содержания.

Согласно концепции В. В. Пузанова, сколько-нибудь заметного имущественного неравенства у славян VI – VII вв. и у восточных славян VII – IX вв. ни по письменным, ни по археологическим источникам не прослеживается. Причиной такого положения следует считать господство коллективной (родовой и племенной) собственности, лежавшей в основе социально-экономических отношений того времени. Конечно, на определенном этапе, связанном с организацией грабительских походов на окрестные племена и страны, выделяются отдельные родовые и семейные коллективы, сосредоточивавшие в своих руках значительные богатства⁴.

Золото и серебро также рассматривались не столько в качестве средств обмена, сколько в сакральной перспективе: в них материализовывалось счастье и благополучие человека и его семьи, рода. Поэтому добываемые родовой знатью богатства не использовались ни для накопления капитала, ни для закабаления соплеменников. Они или раздаривались, выступая важным средством социального общения между людьми (дар налагал определенные обязательства на одаряемого, что вызывало необходимость отдариться), либо зарывались в землю, топились в реках, озерах, болотах, сохраняя за подобным «вкладчиком» и его родом свою магическую силу.

⁴ Сандулов Ю. А. История России: народ и власть. СПб. : Лань, 1997. С. 8.

По мнению В. В. Пузанова, общественная структура у склавин и антов VI – VII вв. и у восточных славян VIII – IX вв. была достаточно проста. Она сводилась в основном к оппозиции свой – чужой, свободный – несвободный. Родовые традиции регулировали отношения в обществе. Следует признать чрезвычайную действенность этих норм, являвшихся несущей конструкцией социальных связей. Регламентированность жизни была очень жесткой и обуславливалась, как и все общественные отношения и институты, внешней, сверхъестественной санкцией (считалось, что нормы, обычаи и тому подобное установлены либо богами, либо героями-родоначальниками и не могут нарушаться людьми). Поэтому права человека (сородича, конечно) защищались традициями, на страже которых стояла родовая организация. Не случайно рабом мог быть только иноплеменник, а первым источником несвободы был плен. Обращение в рабство сородича исключалось. По словам Маврикия Стратега, «племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе, их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране»⁵.

Институт рабства у славян рассматриваемого времени имел ещё патриархальный характер. По сведениям Маврикия Стратега, «находящихся у них в плену они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но, ограничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там на положении свободных и друзей». Подобное положение объясняется родоплеменным характером общежития славян, при котором рабы попадали в тот или иной родственный коллектив на положение младших домочадцев и работали в хозяйстве вместе со всеми, но, может быть, на наиболее тяжелых и непрестижных работах. Имелись рабы-слуги, рабыни-наложницы, выполнявшие работу и по хозяйству. Привлекались невольники и к участию в боевых действиях.

Градация в среде свободных у славян VI – VII вв. выражена слабо и не имеет ничего общего с системой господства-подчинения. Весь народ, «люди», обладает правом на участие в родовой и племенной собственности, представляет вооруженную силу (народное ополчение) и принимает непосредственное участие в племенном управлении

⁵ Сандулов Ю. А. Указ. соч. С. 8 – 9.

(народное собрание). Конечно, полного равенства, отмечает В. В. Пузанов, никогда не существовало в природе. Власть родоначальников и глав семей в архаичных обществах достаточно велика, что вытекало уже из половозрастного разделения труда, приводившего к ограничению прав женщин и детей. Общественное положение индивидов, а следовательно, и степень их влияния на дела племени также были различными. Высокий статус определялся как происхождением от знатных предков (героев, полубогов и т. п.), так и личными качествами человека, его удачей. Он приходил с возрастом, поскольку мудрость старцев, опиравшаяся на накопленный житейский опыт, уважалась. Наконец, богатство, которое со временем стало появляться у отдельных родов, также являлось средством повышения социального престижа. Об антагонизме между родоплеменной знатью и основной массой соплеменников не может еще идти и речи. Более того, свое высокое положение в обществе нужно было постоянно подтверждать конкретными делами. Неудача того или иного лидера в каком-либо деле могла оттолкнуть от него уважение соплеменников, означая в мифологизированном сознании последних потерю покровительства богов, счастья.

Имея личный авторитет, родоплеменная знать могла оказывать существенное влияние на дела племени, заседаая в совете старейшин. Но власть последнего не следует преувеличивать, поскольку каждый род являлся самоуправляющейся единицей, а важнейшие общеплеменные вопросы выносились на народное собрание.

Для ведения боевых действий выбирались военные предводители – вожди. Ими становились наиболее удачливые воины. Удача для вождя по воззрениям того времени значила многое, больше чем численность возглавляемого им войска. Не случайно славяне боялись не столько самой византийской армии, сколько удачливых полководцев. По этой же причине вождем могли сделать иноплеменника, если он обладал такой удачей.

Власть военного вождя, прежде чем перейти во власть короля или князя, проходит ряд этапов в своем развитии. Если вождь племени избирался на время боевых действий, то власть князя племенного союза имеет гораздо более сложный характер. Это уже постоянное должностное лицо, ведающее, помимо преобладающих по-прежнему военных функций, вопросами внутреннего строительства союза и

внешней политикой (разумеется, под контролем совета старейшин и народного собрания).

Трёхчастная система власти (народное собрание, совет старейшин, вождь) характерна была и для союза племен, но принимала более усложненный характер.

Во многом сходную картину наблюдаем у восточных славян и в VII – IX вв., у которых консервация традиционного быта была ощутимее, чем у большинства их южных и западных собратьев. Известные летописные племена – поляне, древляне, северяне, словене, кривичи, радимичи, дреговичи, вятичи и прочие – не что иное, как *племенные союзы*. Однако их структура не оставалась неизменной. По мере возрастания плотности населения усиливалась консолидация племен, приводившая к слиянию их территорий в «территорию всего народа» и появлению постоянной княжеской власти. По мнению И. Я. Фроянова, у восточных славян этот процесс в основном завершился в IX в., «показателем чего служит появление племенных средоточий, совпадающих, как правило, с летописными городами». Появление городов как координирующих военных, политических, административных и религиозных центров племенных союзов, равно как и постоянной княжеской власти, свидетельствовало об усложнении общественной организации, знаменуя вступление ее в высшую стадию родоплеменного строя.

Племенные союзы не были еще ни территориально-политическими образованиями, ни протогосударствами. Они целиком укладывались «в систему родоплеменных отношений» (И. Я. Фроянов). И возглавлявшие их князья, несмотря на рост общественного положения по сравнению с племенными вождями, являлись органом родоплеменного строя, не противостоящим народу и включенным в систему традиционных социальных связей. В народном сознании князья по-прежнему наделялись сверхъестественной магической силой, от которой зависело благополучие племенного объединения. Эта сила могла передаваться как по родовой линии, так и посредством насильственного завладения через убийство ее обладателя. В последнем случае она переходила на убившего, и он становился князем (Л. Я. Штернберг). Вот почему, например, власть, добытая путем физического устранения правителя-соперника, в глазах населения считалась вполне законной. Ввиду таких воззрений наследственность

власти появляется первоначально применительно к отдельному роду, за которым закрепляется право поставлять правителей, что, несомненно, связано с представлением об особых свойствах, передающихся в нем.

Князь мог и избираться, но опять же, если не было каких-либо экстремальных условий, из представителей одного рода. Родовой принцип предусматривал преимущество дяди перед племянником, старшего брата – перед младшим. Этим и объясняется наследование столов не от отца к сыну, а от брата к брату, распространенное в Киевской Руси.

Вместе с тем в рассматриваемое время наблюдались и новые черты в характере княжеской власти. Это выражалось в том, что помимо прежних функций военного предводителя князь все больше расширяет свои права в сфере внешней политики, управления, суда и религии, входивших в компетенцию родоплеменных органов самоуправления. «Но тут еще, – по словам И. Я. Фроянова, – нет узурпации, насильственного отторжения прав у своих соплеменников. Перед нами добровольная передача прав, обусловленная усложнением социально-политической организации общества. Следовательно, рано еще говорить о разрыве между народом и княжеской властью».

Трудно сказать, имела ли при восточнославянских князьях VIII – IX вв. постоянная дружина. Для первых Рюриковичей она несомненна, но с преобладанием варяжского элемента. Видимо, князья племенных союзов формировали временные дружины из молодежи, которые потом распускали по окончании военных предприятий. Широкомасштабные боевые действия, несомненно, велись силами всего народа. Не случайно о дружинах при восточнославянских князьях, за исключением Рюриковичей, не упоминается в летописях.

Несмотря на расширение своих прав, княжеская власть VIII – IX вв. находилась по-прежнему в органичном единстве с двумя остальными элементами трехчленной структуры власти родоплеменного строя, каждый из которых, взятый в отдельности, не был самодостаточным. Правя в согласии с советом старейшин (последующие «старейшины» и «старцы градские» русских летописей), князь являлся органом власти народа, которому и принадлежала верховная власть.

Дальнейшим шагом в развитии общественной организации было формирование *суперсоюзов*, или союзов племен. Не вмещаясь уже «в

скорлупу родоплеменного быта», эти образования непосредственно предшествовали государственному этапу исторического развития. «Являясь крупными соединениями племен с противоречивыми тенденциями и сепаратистскими устремлениями, они без начатков публичной власти, способной подняться над узкоплеменными интересами, немыслимы». Однако «в атмосфере господства родоплеменных отношений она... не могла не принять форму главенства одного союза племен над остальными...» (И. Я. Фроянов). Важной и едва ли не коренной причиной их появления стал внешнеполитический фактор. По широко распространенному в историографии мнению два таких союза союзов – северный во главе со словенами и южный (так называемая «Русская земля») во главе с полянами – являлись непосредственными предшественниками Киевской Руси, возникшей якобы в результате объединения их Олегом в 882 г. в единое государство.

«Русская земля» в Среднем Поднепровье для VIII – первой половины IX в., по мнению В. В. Пузанова, это научная фикция. Ядром древнерусской государственности эта область стала позднее, после утверждения в ней Олега.

Иначе обстоятельства складывались в северной части Восточной Европы, которая в то время более активно включалась в систему международных связей, в отличие от Среднеднепровского региона. Подвергшись притеснениям со стороны варягов, проживавшие здесь славяно-финские племенные союзы объединились и изгнали обидчиков за море. Мы не знаем, было ли это следствием образования суперсоюза под главенством одного из племен или просто союзная военная акция в условиях, когда варяжская угроза вынуждала на время позабыть о межплеменной розни. Как бы там ни было, союз этот был недолговечен, и по изгнании общего противника начались усобицы, побудившие бывших союзников, по свидетельству летописца, искать князя-посредника на стороне. Дальнейшая консолидация племен как на севере, так и на юге проходила при прямом участии варяжского элемента и не без влияния со стороны «степи».

Попытки проникновения на южные берега Балтики норманнами предпринимались давно, но говорить о сколько-нибудь широкой экспансии на севере Восточной Европы можно не ранее чем с конца VIII в. – начала «эпохи викингов». Эффективно противостоять отважным воителям в то время не могли вооруженные силы франков, гер-

манцев, арабов и других сильных и сведущих в военном деле народов. Еще сложнее было это делать разрозненным восточнославянским и финским племенным союзам, намного уступавшим варягам в военно-организационном отношении. На юге Восточной Европы сильные позиции занимал Хазарский каганат, будучи наиболее мощным объединением в регионе. Не удивительно, что первые столкновения с вышеозначенными противниками закончились не в пользу славян и финнов.

Сказание о призвании варягов донесло до нас отзвуки ожесточенной борьбы на севере Восточной Европы, сопровождавшейся попытками местных племен сплотиться против насильников. В результате военных действий, объектом которых, вероятно, были и конкурирующие отряды соплеменников, победителем вышел конунг Рюрик со своей дружиной. Энергичными усилиями ему удалось объединить ряд восточнославянских и финских племенных союзов под своей властью. Вполне возможно, что враждовавшие между собой варяжские группировки активно входили в союзные отношения с местными племенами.

В нашем случае союзники Рюрика (вероятно, словене) должны были занять первое место в иерархии образованного суперсоюза после самих русов. Сходный вариант мог потом иметь место и в Среднем Поднепровье.

Рюрик со своими соратниками преследовал определённые цели: прииск новых данников и объектов грабежа; прочное утверждение на торговых путях с целью сбыта награбленного на рынках Византии и стран Востока (особенно ценилась челядь (рабы), которая тогда являлась основной статьёй русского экспорта и добывалась у побежденных народов).

Его преемник, Олег, продолжает ту же политику, но еще с большим размахом, в чем ему содействуют входившие в суперсоюз туземные объединения, которые также были не прочь поживиться за чужой счет. Овладев верхним течением Волги, далее на юг варяги продвинуться не могли в силу противодействия со стороны Хазарского каганата, сумевшего распространить свое влияние до владений Волжской Булгарии включительно. Поэтому северные воители устремили свои взоры на Днепровский путь, который им уже был известен, но использовался на порядок менее интенсивно, чем Волжский. Завладев рядом опорных пунктов по Днепру (по летописи —

Смоленском и Любечем), Олег со своей варяго-русской и славяно-финской ратью подошел к Киеву, где к тому времени успели «свить гнездо» другие варяги, возглавляемые Аскольдом и Диром (по летописи). Неважно, каким путем (вполне вероятно, что военная хитрость, описанная в Повести временных лет, действительно имела место), но Олег утвердился в Киеве, который только с этого времени начинает выходить на первую роль среди восточнославянских городов, собственно как и поляне среди других племен.

Последующая история наполнена драматическими событиями, связанными с попытками Киева распространить свою гегемонию на окрестные племена. Процесс этот был длительным и протекал далеко не мирно и не гладко. Только ко времени правления Владимира (980 – 1015 гг.) можно говорить о его завершении в общих чертах и сложении грандиозного суперсоюза (Киевской Руси), охватившего большую часть территории Восточной Европы.

Отношения «матери городов русских» к подвластным племенам проходят в своем развитии ряд этапов – от установления даннической зависимости до утверждения киевской власти на местах посредством назначения туда наместников. Первый этап характеризуется «прямым наездничеством», военным грабежом, зафиксированным, как видно из ряда примеров, определенной таксой. О какой-либо интеграции племен в единое целое говорить вряд ли приходится. Не случайно летописец не видит разницы в характере зависимости северян и радимичей от Киева и хазар. По-видимому, более или менее прочно контролировались лишь земли на узкой полосе вдоль Днепровского пути. Но даже здесь проживавшие племена, не говоря уже о более отдаленных, приходилось периодически покорять заново.

Первые киевские князья до Святослава включительно – типичные норманнские конунги – предводители викингов. Военная добыча, дани, возможность выгодного сбыта на мировых рынках составляла главнейшую их заботу. Киев для них – временная резиденция, разбойничье гнездо, откуда удобно делать набеги и торговать награбленным. В эти процессы постепенно включается и полянское общество, не освободившееся еще окончательно от скорлупы родового быта. Норманны, оторванные от своего этнического массива, вынуждены были искать союзников в восточнославянской среде, и таковыми в силу расположения центральной варяжской резиденции стали поляне,

не менее заинтересованные в союзе с мощной военной организацией. Постоянные грабительские походы, переход фактически на военную организацию быта содействовали ускорению деструкции полянских родоплеменных структур и формированию земли-волости (города-государства), пришедшей на смену племенному союзу, что свидетельствовало о вступлении процесса генезиса государственности в решающую стадию. Это, в свою очередь, активизировало ассимиляционные процессы в норманнской среде, все большее число представителей которой вливалось в состав местного общества. Формирование новой общности, основанной не на родоплеменных, а на территориально-общинных принципах, явственно обозначившееся во второй половине X – начале XI в., привело к важным переменам в отношениях киевлян с князьями и подвластными племенами.

Собственно новый порядок начинается с князя Владимира, перенесшего центр тяжести в княжой деятельности с организации дальних грабительских походов на упрочение власти Киева над восточнославянскими племенами. С этой целью он, помимо мероприятий военного характера, назначает наместников на места, проводит религиозную реформу. К этому времени в основном и заканчивается формирование суперсоюза племен вокруг Киева. Относительное единство земель держалось на силе киевских полков, этническом родстве, общности геополитических интересов, единстве княжеского рода и церковной организации, сходстве общественного устройства и ментальности. С этого момента торжествует принцип родового старейшинства при занятии княжеских столов, который согласуется и с определенной иерархией земель, входивших в этот союз.

Однако центробежные тенденции давали о себе знать. Процесс оформления волостей-государств играл здесь катализирующую роль. Не случайно с XI в. в источниках этноплеменные термины заменяются территориальными, а с конца XI – начала XII в. на смену принципу княжеского родового старейшинства приходит принцип ряда с вечем, всенародного призвания. Когда эти процессы набрали силу, и без того непрочное объединение распалось на независимые волости-земли (города-государства). Только теперь, когда к двум появившимся ранее элементам государственности (публичная власть и налогообложение в виде дани) прибавился третий и последний – «размещение населения на территориальной основе», можно говорить, что «складывание государства на Руси в главнейших его чертах завершилось» (И. Я. Фроянов).

Таким образом, норманны не могли создать у нас государственности. В период их наиболее активного присутствия в Восточной Европе ни они, ни восточные славяне таковой не имели. Начало формирования территориальных объединений – городов-государств – приходится на вторую половину X – начало XI в. В качестве же организующей военно-политической силы норманны не только способствовали возвышению ряда местных племенных объединений, что привело к доминированию полянской общины, а потом и Киевской волости над остальными восточнославянскими землями, но и во многом придали масштабность этим процессам, катализировав интеграционные явления на огромных пространствах Восточной Европы. Эта масштабность явилась результатом взаимодействия многих факторов, важнейшим из которых, на наш взгляд, было наложение двух колониционных потоков на территории Восточной Европы – славянского и скандинавского. Будучи различными по силе и конечным целям, они, несмотря на временную гегемонию в отдельных регионах скандинавов, привели к господству восточнославянского элемента. Соединение же военных сил, опыта и мобильности варягов с мобильностью и нерастроченной энергией молодого восточнославянского этноса дало поразительные результаты. Однако свет государственности освещает и скандинавов и восточных славян уже за пределами так называемого «норманнского периода» русской истории.

X – начало XI в. – важный рубеж в истории Руси. Это время глубокой деструкции родоплеменных структур, начало кристаллизации новых общественных отношений, в основе которых лежали общинно-территориальные связи. Формирование восточнославянской государственности вступало в свою решающую стадию. На смену роду и парным семьям приходили большесемейные коллективы, объединяющиеся в общины-верви, что приводило к изменению в системе отношений собственности. Родовому землевладению наследовало владение больших семей и вервей, а общеплеменному и общесоюзному секторам земель – владение всего народа. До этого времени известны и зачатки частно-вотчинного хозяйства, появляющегося у Рюриковичей и ориентировавшегося на лесные промыслы и, вероятно, скотоводство. Все это приводило к усилению имущественной и социальной дифференциации в обществе, хотя доминирование большесе-

мейной и вервной форм собственности выступало здесь сдерживающим фактором (И. Я. Фроянов). Не случайно на археологическом материале имущественное и социальное неравенство в сельской местности в X в. не прослеживается. Иначе обстояло дело в крупных городах, где скапливались богатства, добываемые грабительскими походами, сбором дани с «примученных» племен и тесно связанной с ними внешней торговлей, которые концентрировались в руках князей, дружинников, знати, отдельных семей. Сюда же стекались и обездоленные элементы – «убогие» и «нищие», выпадавшие вследствие распада родоплеменных отношений из традиционной системы социальных связей.

Все-таки роль богатства для этого времени, как и для предыдущего, не стоит преувеличивать. Добываемое князьями тут же тратится на дружину, общественно-полезные нужды, повышение общественного престижа (организация пиров, дарений, милостыни). От них не отставала старая и нарождающаяся новая знать.

Общественная структура по сравнению с предшествующим периодом усложняется. Более широкие и развитые формы приобретает рабство. Контингент невольников (челяди) по-прежнему рекрутировался из иноплеменников посредством набегов на окрестные племена и народы. Несмотря на известную имущественную дифференциацию и различный общественный статус, свободное население представляло собой еще единую группу «людей», противостоящую несвободным.

На вершине социальной лестницы находились киевские князья, власть и значение которых возрастали по мере формирования Киевской Руси и ликвидации либо сведения до ранга простых наместников многочисленных племенных князей. Это не значит, конечно, что Рюриковичи становились феодальными монархами.

Но со временем ситуация изменялась. По мере консолидации племенных союзов вокруг Киева, сопровождавшейся уничтожением или сведением на положение рядовой знати местных князей и заменой их в важнейших племенных центрах киевскими наместниками, сила племени, персонифицировавшаяся ранее в племенных князьях, переходила в глазах населения на изведший их княжеский род. Таким образом, все большее число субъектов формирующегося суперсоюза

(Киевской Руси) видели в Рюриковичах законных князей, сконцентрировавших в себе ранее разрозненную силу племен. Видимо, этим отчасти объясняется тот факт, что только за Рюриковичами закрепилось право на занятие княжеских столов на Руси. Не в последнюю очередь поэтому и к присланным из Киева князьям-наместникам местное общество относилось двояко: с одной стороны, как к представителю не совсем желанной власти киевско-полянской общины, а с другой – как к своему князю, сменившему прежнего туземного и сосредоточивавшего в себе силу местного племени, а потом и государства. И в случае необходимости оно оказывало ему деятельную помощь в борьбе с киевским князем. По той же причине в качестве наместника желателен был князь, а не «княж муж». «Свой» князь приносил не только надежду на ослабление зависимости от Киева. С ним в землю приходила удача, счастье.

Удача для князя значила многое, если не все в то время. Сложившийся в глубокой древности сакрально-магический взгляд на князя в существенной мере проявлялся и в X в., и даже позднее, когда языческое содержание стало рядиться в христианские одежды. Это явление имело всеобщий характер. От князей как потомков богов или героев тесно зависело, по понятиям того времени внутреннее благополучие племени, а потом земли. Неурожайные годы, мор и другие стихийные бедствия в глазах населения являлись признаком неугодовности князя богам, растраты им магической силы, что могло закончиться для него изгнанием, а порой и смертью. Хорошие же урожаи, благосостояние населения, богатая военная добыча, напротив, свидетельствовали об «удаче» князя и также относились населением на его счет. Отмечая много общего в представлениях о князе в X в. по сравнению с предыдущим периодом, нужно назвать и различия. Династия Рюриковичей утвердилась «на костях» местных племенных династий, возглавила огромный межплеменной союз с центром в Киеве. Поэтому в глазах населения она должна была обладать значительно большей сакральной силой, чем князья простых племенных союзов. Иными были и черты публичной власти, концентрировавшейся в руках киевских князей.

На первый взгляд, в их функциях много общего с князьями племенных союзов. Однако изменяются масштабы деятельности и в су-

щественной мере ее содержание. Противоречивость переходной эпохи порождала и противоречивый характер власти киевского князя. С одной стороны, он — князь полянской общины и его интересы во многом совпадают с ее чаяниями. Приискивая новых данников, организуя их эксплуатацию посредством даней, он опирается на силу полянского ополчения и заботится об упрочении господствующей роли Киева среди других восточнославянских племенных центров. Вместе с тем как князь союза союзов он защищает от внешних врагов не только Киевскую землю, но и территории других субъектов суперсоюза, а организуемые им дальние грабительские походы выгодны не только ему самому, дружине, полянам, но и остальным участникам военных действий. Дипломатические договоры заключаются князем от всей земли Русской, а при взимании дани с греков, организации греческой торговли учитываются интересы как Киева, так и других городов.

С ростом союза союзов усложняются религиозные обязанности князя, эволюционировавшего от жреца — организатора массовых жертвоприношений дружиной и полянами до инициатора крупных реформ, касавшихся всех восточнославянских земель (языческая реформа Владимира, принятие христианства).

Распад родоплеменных отношений приводил к усилению социальной напряженности в обществе. Крушение традиционных структур выбрасывало массы населения из привычной системы социальных связей, что приводило к появлению люмпенизированных элементов («нищих», «убогих», «сирот» и т. п.), вело к росту преступности («разбоев»). Глубокие структурные преобразования в обществе порождали новые явления, выходявшие за рамки обычно-правовых норм, и перед которыми прежние формы социальной защиты зачастую оказывались бессильными. В этих условиях возрастают судебные prerogatives князя, появляются элементы законотворческой деятельности. Важным этапом здесь был период правления Владимира, который предпринимает усилия по восстановлению «внутреннего мира»: ужесточает борьбу с преступностью (разбоями), а «нищих» и «убогих» берет под свою защиту и покровительство.

Однако prerogatives княжеского суда, собственно как и масштабы законотворчества, не следует переоценивать. В условиях господства обычного права действие княжой власти было направлено на те стороны юрисдикции, которые выпадали из сферы родового, а по-

том общинного механизма правозащиты и которые были наиболее опасны для общественного мира. Соответственно под особую опеку князя попадали и лица, не защищенные системой традиционных социальных связей (выпавшие из родовых или общинных структур), в том числе и дружинники.

Оформление суперсоюза, становление новых территориальных связей, усложнение социальной структуры общества повышало роль князя как правителя. Начинает формироваться княжеский аппарат управления. От периодических назначений посадников по наиболее важным стратегическим центрам Владимир переходит к целенаправленной раздаче городов в управление мужам «смысленны и храбры», которых затем в главнейших центрах Руси сменили его сыновья. Важная роль в организации княжеской администрации отводилась дружине.

Дружина в X в. постоянно окружала князя, находилась на его содержании и при его очаге. С ней князь добывал мечом серебро и злато, советовался по вопросам войны и мира, важным общественным делам, обращался к народу, предавался увеселениям в окружении скоморохов и наложниц; словом, делил радости и горести. Будучи первоначально норманнской по преимуществу, среднеднепровская дружина быстро превратилась в одно из орудий русо-полянской эксплуатации примученных племен. Распад родоплеменных структур содействовал скорейшей ее интеграции в местную систему социальных связей и ослаблянию, что нашло осмысление и в легенде о Кожемяке, победившем грозного печенежина и ставшем княжим мужем, и в былинных циклах и в сообщении летописи о «нарубании» Владимиром лучших мужей из словен, кривичей, чуди, вятичей для несения службы в воздвигнутых пограничных городах. И хотя приток норманнов и при Владимире и при Ярославле оставался значительным, они включались уже в сложившуюся социально-политическую структуру, хотя и придавали ей известный колорит и своеобразие.

Конечно, дружинные отношения отличались от ушедших в прошлое родовых и нарождавшихся общинных, поскольку строились на личных, договорных началах. Вместе с тем дружинник далеко не всегда порывал со своими прежними социальными связями. Поэтому нельзя ни отождествлять дружинную организацию с общинной, ни противопоставлять ее второй как некое самодавящее целое. Дру-

жина была включена в социально-политическую систему тогдашнего общества, обеспечивая вместе с князем (и другими общественными институтами) нормальное ее функционирование. Вместе с князем она приобретала и некоторые черты публичной власти, из нее же выходили первые представители княжеской администрации, начало становления которой пришлось на рассматриваемое время.

Роль князя и дружины в социально-политической жизни Руси X в. была велика, но не всеобъемлюща. Трансформация общества, построенного на родоплеменной основе, в общество, основанное на территориально-общинных связях, не привела к отмиранию традиционных институтов власти, таких как совет старейшин и народное собрание. Конечно, они наполнялись постепенно новым содержанием, хотя и выступали еще в привычной родоплеменной оболочке.

Активная роль совета старейшин в управлении в X в. не вызывает сомнений. Наряду с боярами (выделявшийся высший дружинный слой, облаченный административными функциями) и дружиной старейшины выступают как советники князя, без которых он не может принять сколько-нибудь важных решений. Круг их полномочий достаточно широк. Вместе с князем они участвуют в организации «треб» кумирам, являясь инициаторами человеческих жертвоприношений. В качестве советников они выступают и в обсуждении вопроса о выборе новой веры, дав вместе с боярами совет об испытании вер на местах, что пришлось по душе и князю, и людям. Старцы озабочены поддержанием общественного мира и обороноспособности земли, стоят на страже традиций. С требованиями старцев, выражавших волю народа, вынуждены были соглашаться и князь и епископы.

Как наиболее уважаемые люди старейшины выступают от лица земли перед князьями, на них же падает первый удар противника.

Естественно, что к мнению «старцев» прислушивались не только князья, но и население, проникнутое глубоким уважением к родоплеменной знати и памяти предков.

Однако сила и князя и знати заключалась в народе, в «людях». Простые общинники, как ранее соплеменники, доминировали на полях сражений в составе народного ополчения, «воев», превосходя по военной силе княжескую дружину. Народное ополчение этого времени, синтезировав в себе лучшие качества и прежнего славянского войска и ударных дружин викингов, превратилось в отличную боевую

машину, достоинства которой отмечали даже искушенные в военном деле византийцы. Всеобщая вооруженность народа, хорошие боевые качества его военной организации позволяли ему не оставаться безучастным свидетелем политической жизни. Важнейшим органом участия «людей» во власти являлось народное собрание – вече.

Мысль о прекращении вечевой деятельности в X – первой половине XI в., с последующим возрождением, вызванном ростом политического значения городов (высказанная в свое время Б. Д. Грековым и популярная в литературе), основана на неполном привлечении источников и предвзятой идее становления раннефеодальной монархии Рюриковичей, выражавшей интересы господствующего класса феодалов. Еще менее обосновано мнение, что народное собрание «как высшая форма самоуправления стало пережитком уже к XI в.» (С. В. Думин, А. А. Турилов). Как показали исследования последних лет, проведенные И. Я. Фрояновым и его школой, ситуация была иной и в первом и во втором случаях.

Конечно, вече, как и восточнославянское общество, не оставалось неизменным на протяжении конца IX – начала XI в., пережив значительную эволюцию. По мере распада родоплеменных связей и интеграции племенных территорий в общую территорию народа, консолидирующими центрами которой являлись города, наблюдается эволюция веча как общеплеменного собрания к вечу как собранию жителей старшего города земли. Окончательно это произойдет лишь во второй половине XI – начале XII в., когда завершится в основном процесс формирования древнерусских городов-государств. В рассматриваемый же период вече переживает переходную стадию развития и испытывает на себе воздействие со стороны нарождающейся публичной власти, имевшей, как уже отмечалось, во многом внешний характер. В силу этого прерогативы веча в «примученных» землях по мере усиления зависимости от Киева и особенно после появления в них киевских наместников должны были сокращаться. По мере превращения наместников в орган местной княжеской власти, становления городов-государств и освобождения их из-под власти Киева роль веча опять возрастала. Оно эволюционировало в высший орган власти нового независимого политического образования. Следовательно, вечевое устройство Руси X – начала XI в. нужно рассматривать дифференцированно, в зависимости от ранга народного собра-

ния. Одно дело – вече союза племен и другое – киевское, выражавшее волю правящей общины формировавшегося суперсоюза. Как бы там ни было, эволюция происходила на всех уровнях.

Способ управления в примученных племенных союзах до появления киевских наместников оставался во многом прежним, но центр политической жизни все основательнее перемещался в старшие города.

Распад родоплеменных связей, явственно наметившийся во второй половине X в., закладывал основы для формирования городских общин на новых, территориальных началах. Самые первые симптомы этого процесса наблюдаются в Киеве и Новгороде, выступивших в 969 – 970 гг. в споре со Святославом уже не столько от имени племенных объединений, сколько от лица формирующихся старших городских общин. Характерна и терминология летописца: Святослав «посади Ярополка в Кыеве, а Ольга в Деревех»; Владимира же «пояша Новгородци». Если учесть, что в событиях, последовавших за смертью Игоря, «кияне» выступают достаточно активной силой, можно полагать, что формирование города-государства здесь к исходу первой половины X в. сделало заметные успехи. Видимо, синхронно развивались указанные процессы и в Новгороде. Именно поддержка «новгородцев» позволила потом Владимиру сесть на «злат стол» киевский. Другие области восточнославянского мира в большей или меньшей степени отставали здесь от двух вышеуказанных центров.

К концу X – началу XI в. процесс формирования города-государства на территориальной, а не родоплеменной основе зашел достаточно далеко, о чем свидетельствуют новгородско-киевские события 1015 – 1019 гг. Ярослав Владимирович, будучи в Новгороде наместником великого князя киевского, своего отца, прекратил выплату дани стольному городу и, наверное, не без ведома новгородцев. Готовясь к неизбежной войне, он сосредоточил в городе множество представителей буйной варяжской вольницы, которые «насилъе творяху новгородцем и женам их». Задетые за живое, горожане избили обидчиков «во дворе Поромони». В ответ Ярослав обманным путем иссек часть новгородцев. Не ясно, как бы разворачивался конфликт далее, если бы не полученные в ту же ночь вести из Киева о смерти Владимира и злодеяниях Святополка, начавшего избивать братьев. Наутро смиренно и покаянно Ярослав просил на вече у горожан прощения и помощи в борьбе со Святополком.

Более сложный характер имело киевское вече, эволюционировавшее от народного собрания племенного союза полян до верховного органа власти грандиозного союза союзов племен, от племенного собрания до собрания общины старшего города. Покоренные северными полками, приведенными Олегом, поляне были обложены данью, однако их главный город – Киев стал резиденцией русского князя. Пришельцам нужны были союзники для организации грабительских набегов на окрестные племена и народы, и ими стали поляне. По крайней мере, уже во времена Игоря они занимают видное место в войске сразу после варягов и «руси» и, что видно из описанного Константином Багрянородным сбора полюдья, не платят дани. Договор 944 г. с Византией заключался и «от всех людей Руское земли», тогда как в договоре 911 г. на этом месте фигурировали подвластные Олегу норманские дружины («иже суть под рукою его сущих Руси»). Видимо, к 40-м гг. X в. поляно-норманнский союз был уже устоявшейся реальностью. Частые военные экспедиции, концентрировавшие в Киеве не только материальные богатства, но и наиболее воинственные элементы из Восточной и Северной Европы, способствовали ускорению распада родовых связей, что, в свою очередь, активизировало ассимиляционные процессы. Можно полагать, что киевская община формировалась на полиэтничной основе с преобладанием поляно-варяжского элемента и раньше других, за исключением, может быть, новгородской, освободилась от пут родоплеменного строя. Не случайно термин «поляне» рано исчезает со страниц летописи, заменяясь «киянами».

Самостоятельная позиция киевской общины, свидетельствующая об определенной степени ее зрелости, просматривается вскоре после смерти Игоря. Именно «кияне», а не дружина, приняв «игру» княгини Ольги, на требование древлян (сватавших овдовевшую княгиню за своего князя Мала) внести их в город в ладье, притворно отвечают: «Нам неволя; князь наш убит, а княгини хочется за ваш князь...» На киевлян же ссылается она, требуя от древлян для сопровождения к новоиспеченному жениху «нарочитых» мужей: «Да ввелице чести пойду за ваш князь, еда не пустять мене люди Киевьсьии». Конечно, перед нами пусть красивая, но легенда, занесенная в летопись много лет спустя реальных событий. Однако определенные исторические реалии, свидетельствующие о роли киевлян, из

нее все же извлечь можно. Не случайно именно «вой многы и храбры», т. е. народное ополчение, довершает разгром древлянской земли. В условиях консолидации киевской общины должна была возрасти и роль народного собрания, эволюционировавшего из племенного в городское.

Активная роль народа и веча прослеживается и после смерти Владимира в борьбе его сыновей за великое княжение. Святополк Окаянный утвердился в Киеве во многом благодаря раздаче богатств народу и уходу от Бориса воев и отцовской дружины. Ярослава в Киеве, как мы видели, посадили новгородцы. Но и киевляне, разуверившись в Святополке, наведшем на Русь поляков и печенегов, отступили от него и приняли сторону более удачливого князя, став ему надежной опорой. Характерны в этом плане события 1024 – 1026 гг., когда Мстислав Владимирович, князь-богатырь, победивший в знаменитом поединке касожского вождя Редедю, подошел с войсками к Киеву (в отсутствие там Ярослава), то «не прияше его Кыяне». Даже на голову разбив на Листвице Ярослава и союзный ему варяжский отряд Якуна, Мстислав не предпринял больше попыток утвердиться в столице. Думается, мы не ошибемся, если скажем, что решающую роль здесь сыграла позиция горожан, с которой вынужден был считаться победитель, согласившийся на мировую с братом. Ярослав же, как и в событиях 1015 – 1019 гг., выглядит довольно пассивно. Убежав с поля битвы к новгородцам, он «несмеяше ... в Кыевити, донележе смиристася». В свою очередь, Мстислав опирался на северян, которые в отличие от киевлян его приняли и оказали помощь в борьбе с противником.

Как видим, известий о решающей роли народа в политической жизни Руси конца X – начала XI в. немало, особенно если учесть фрагментарность летописных сведений об этом периоде в целом. Позиция летописца-христианина, стремившегося перенести на князя византийско-христианские представления о сущности верховной власти, не в состоянии затушевать реальную историческую картину. Можно также предположить, что за всеми упоминавшимися коллективными действиями горожан, когда они «не прияша», «возопиша», «послаша», «рекоша» и так далее, стояло вече. Другого механизма коллективного волеизъявления тогда просто не существовало.

Когда историки, ссылаясь на «редкое» упоминание вече в источниках (это не совсем так, как мы видели) и на созыв его якобы в экстремальных условиях, отрицают за народным собранием функции верховной власти, они грешат против исторической истины. Между тем вече по своему характеру не являлось повседневным или периодическим органом, собираясь по мере надобности для принятия наиболее важных решений, для которых требовалось всеобщее согласие. Собираться чаще не было необходимости, поскольку и в родоплеменном обществе и в приходящем на смену ему территориально-общинном действовал эффективно институт самоуправления, решавший основную массу вопросов обеспечения жизнедеятельности того или иного социального организма на низовых уровнях. Кроме того, существовала княжеская власть со своим нарождавшимся административным аппаратом, земская администрация – «старцы градские» (старейшины), «тысяцкие», «сотские», «десятские». Князь и знать пользовались огромным авторитетом и доверием, не понятным прагматичному сознанию современного человека. Поэтому, если дела обстояли хорошо, врага не пускали в свои пределы, походы давали обильную добычу, данники исправно платили дань, нивы были тучными, голод и мор не посещали землю, значит князь, бояре и старцы были угодны богам, и вмешиваться по пустякам в их дела народу было незачем. В этой связи, например, умолчание летописи о непосредственной санкции народа на крещение по византийскому образцу, вполне возможно, отразило реальное положение дел. Санкционировав решение об испытании вер на местах, киевская община, таким образом, решила вопрос в принципе, согласившись принять новую религию. А какую именно принять, это уже дело князя, бояр и старцев, наделенных соответственными качествами, отсутствующими у простого человека. Поэтому, следуя их примеру, народ пошел к купели. Доверию немало способствовало и осквернение по приказу князя кумиров, оставшееся для исполнителей без последствий, что не могло не повлиять на языческое мировоззрение очевидцев. Не случайно крещение в полянской земле прошло мирно, что и понятно, поскольку оно преследовало целью сохранить и укрепить власть Киева над примученными племенами, в чем заинтересованы были и нарочитая и простая чадь.

На отношения народа и князей, а соответственно и на активность веча в плане выбора князя оказывало влияние и господство одного княжеского рода, члены которого были связаны тесными родственными узами. Поэтому на борьбу сыновей одного отца за киевский стол киевляне смотрели как на соперничество законных наследников, в котором побеждал тот, на чьей стороне была «удача», «счастье» (т. е. Бог). Отсюда порою проистекала пассивность горожан. Кроме того, в условиях совместной эксплуатации примученных племен отсутствовали условия для частых конфликтов между населением и князем, а следовательно, и поводы для вмешательства вечевого собрания.

Таким образом, вече являлось органом верховной власти, не предполагавшем периодичности созывов. Со временем по мере становления древнерусских городов-государств и освобождения их из-под власти Киева, с усложнением междукняжеских отношений, вызванным разрастанием «Рюрикова племени», неизбежно должна была возрасти активность вечевых собраний, упорядочиваться их деятельность. Основы же русского народоправства, являвшегося несущей конструкцией государственного строя домонгольской Руси, берут истоки в демократизме древних славян и в своеобразии общественно-политической ситуации, сложившейся в X – начале XI в. в Восточной Европе.

В итоге в начале XI в. перестраивается древнерусское общество на территориальных началах, в основном завершается распад родоплеменных отношений, вследствие чего происходит переход от консолидированного вожества к городам-государствам.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Как происходит расселение славянских племен в I тысячелетии до н. э.? С чем это было связано? Когда они осуществляют выход на мировую историческую арену?
2. Что говорит профессор А. Ю. Дворниченко об общественном развитии славян в этот период?
3. Что такое военная демократия?
4. Что такое род? В чем суть этой формы общественной организации?

5. Существовало ли у восточных славян в VII – IX вв., по мнению В. В. Пузанова, имущественное неравенство? С чем это было связано?

6. Насколько сложной, по мнению В. В. Пузанова, была общественная структура у восточных славян?

7. От каких факторов зависел статус члена рода?

8. Какие органы власти управляли родом?

9. Кто такие вожди? Какие функции они выполняли? Как изменялись эти функции с течением времени?

10. Что такое союзы племен и племенные союзы?

11. Какие причины, по мнению И. Я. Фроянова, приводят к появлению постоянной княжеской власти?

12. Как происходило преемство княжеской власти?

13. Как происходило объединение племен на севере Восточной Европы? Какую роль в этих процессах сыграли норманны?

14. Какие цели преследовал Рюрик?

15. Какую политику проводил после смерти Рюрика Олег?

16. Какие этапы можно выделить в эволюции взаимоотношений Киева и подвластных племен?

17. Какую политику проводили первые киевские князья (до Святослава включительно)? Как в этот период развиваются процессы политогенеза?

18. Почему В. В. Пузанов считает, что с князя Владимира начинается новый порядок?

19. Как В. В. Пузанов отвечает на вопрос о создании государства на Руси варягами?

20. Что такое города-государства? Когда они появляются на Руси?

21. Какие изменения происходят на Руси в X – начале XI в.? Как это влияет на процессы политогенеза?

22. Как усложняется общественная структура на Руси в X – начале XI в.?

23. Какую роль играла дружина на Руси в X – начале XI в.?

24. Какую роль играл совет старейшин на Руси в X в.?

25. Какую роль играло вече на Руси в X – начале XI в.? Проиллюстрируйте это конкретными примерами.

1.3. Государственный строй Киевской Руси

Изучение вопроса следует начать с пояснения необходимых терминов.

Государственный строй – это система социальных, экономических и политико-правовых отношений, выражающих наиболее устойчивые свойства и взаимоотношения элементов внутренней организации государства. Государственный строй характеризуется определенной формой правления, системой центральных и местных органов власти и управления (их структурой, компетенцией, порядком образования), национально-территориальным устройством государства, политическим режимом.

Форма правления – структура и правовое положение высших органов государственной власти, а также установленный порядок взаимоотношений между ними.

Политический режим – совокупность методов и приемов осуществления государственной власти.

Государственное устройство – организация данного государства, внутреннее деление его территории на те или иные составные части, правовое положение этих частей.

Механизм государства – это целостная иерархическая система государственных органов и учреждений, практически осуществляющих государственную власть.

Чтобы определить форму правления Древнерусского государства, необходимо рассмотреть его механизм. На верхней ступени иерархической лестницы в системе государственных органов стоял великий киевский князь. Фигура князя родилась из племенного вождя, но князья периода военной демократии были выборными. Став главой государства, великий князь начинает передавать свою власть по наследству. В 1054 г. Ярослав Мудрый установил «лествичный» принцип наследования: освободившийся престол передавался не старшему сыну, а старшему в роду (брату, а если его не было – старшему племяннику). Таким образом, сын мог рассчитывать на наследство только после смерти более старших родственников, что нередко приводило к запутыванию ситуации и вызывало междоусобную войну. Обычно князьями являлись мужчины, но известно и исключение – княгиня Ольга.

В X в. и местные племенные князья заменяются младшими членами рода Рюриковичей – наместниками великого киевского князя. Уже сыновья Владимира Святославича, а затем и внуки расселись на местных княжеских столах. Правда, связь между отдельными землями, которые стали называться уделами, была ещё чисто механической, ибо единого народа русского в государстве этом не сложилось, не было выработано ещё надёжных связей не только экономического характера, но даже психологического, нравственного. Христианство, принятое в 988 г., распространялось медленно, отвоёвывая позиции у язычества, даже в начале XII в. не все славянские племена были крещёны (вятичи, к примеру). Связь осуществляли князья и их дружины, периодически наводившие порядок там, где в этом возникала необходимость, а также представители княжеской власти, периодически отчитывавшиеся перед своим государем.

Уже в X в. киевские князья, заимствуя у могущественных соседей – Византии и Хазарского каганата – идею величия монаршей власти, стали величать себя *каганами* («хакан-рус»). С принятием христианства и церковью, возглавлявшаяся митрополитами-греками, стала переносить на русского князя византийские понятия о государе, поставленном от Бога.

Л. П. Белковец и В. В. Белковец выделяют следующие функции киевских князей⁶.

Во-первых, *организация дружины* (или её найма) и военных ополчений для борьбы с внешними врагами, с внутренними усобицами для сбора дани и внешней торговли, распространения власти на новые племена. С принятием христианства церковь стала формировать у русских князей представление о том, что они поставлены не только для внешней защиты страны, но и для установления и поддержания внутреннего общественного порядка.

Функция регулятивная, направленная на достижение социальной стабильности в обществе, становится постепенно одной из важнейших. Князья не только применяют военную силу во время восстаний, но и пытаются гасить конфликты мирными средствами: раздачей денежных средств нуждающимся, организацией бесплатных «столов», помощью сиротам и вдовам, законодательным ограничением своеволия ростовщиков и пр.

⁶ Белковец Л. П., Белковец В. В. История государства и права России : курс лекций. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2000. С. 10.

Со времени Владимира I источники особенно подчеркивают важность *судебной функции* князя. Князь был высшей судебной инстанцией, доступной населению, высшей справедливостью в обществе. Но он же являлся организатором всей системы судопроизводства, которая функционировала на основе княжеского законодательства («уставов» и «уроков»). Князья назначали штрафы за проступки и преступления, сообразуясь с обычным правом, устанавливали размеры вознаграждения должностным лицам, создавали местную администрацию.

Издревле князья выполняли ещё одну функцию – *сбор налогов* с подвластного населения. Древним способом сбора налогов на Руси было *полюдье*, своего рода военные экспедиции, проводившиеся князьями, как правило, два раза в год – весной и осенью. Однако строгого порядка в этом деле поначалу не существовало, и князья наведывались за данью чаще двух раз в год, всё зависело от их доброй воли. После смерти Игоря, поплатившегося за жадность, Ольга упорядочила сбор дани, установив *уроки* – размеры взимаемой дани и *погосты* – особые места, и учредила особых чиновников для сбора налогов. Единицей обложения становится двор (*дым*), «становища и ловища».

В то же время власть князя не являлась абсолютной. При князе действовал совет, куда входили приближенные великого князя, верхушка его дружины – князьи мужи, «старцы градские», а также потомки бывшей родоплеменной знати («нарочитая чадь») – старейшины городского населения, высшее духовенство. Хотя официально совет при князе считался совещательным органом, его влияние на политику князя было весьма ощутимым.

Власть великого князя опиралась на вече – народное собрание всех свободных жителей города. *Вече* у славян, как и у германцев, возникло в глубокой древности. Правда, данные о нём так скудны, что вряд ли возможно достаточно определённо говорить о его функциях и организационных формах. Были ли вечевые собрания продолжением племенных сходов или они сразу зарождались как городские собрания – на этот вопрос вряд ли можно ответить. Можно думать, что вечевые собрания созывались князем крайне редко ввиду процедурной сложности, ведь надо было собрать в одном месте дружину, родоплеменную знать, свободных жителей города, а затем принять на этом сборе какие-то важные решения. Свое мнение вече высказы-

вало криком. На вече обсуждались такие общественно важные вопросы, как объявление войны и заключение мира, организация обороны, кандидатуры князей и посадников, земельные и финансовые дела, денежные сборы и т. д. На вече по звону колокола сходилось все взрослое свободное мужское население города и прилегавших к нему поселений.

По мере развития феодализма на Руси для выработки совместных решений стали созываться феодальные съезды (снемы) – личные встречи Рюриковичей, предпринимаемые для урегулирования разногласий и совместного решения вопросов внутренней и внешней политики, обсуждения законодательства, вопросов землевладения, статуса удельных княжеств, изгнания со столов нерадивых, провинившихся, нарушивших «крестную грамоту», заключали союзы. Съезды могли быть общерусскими и местными (локальными).

Первый достоверно известный съезд Рюриковичей – Городецкий (1026/1027) – состоялся между Ярославом Мудрым и Мстиславом Тмутараканским. Братья заключили мир на условиях признания старшинства Ярослава и раздела Русской земли по Днепру. Особо известен съезд 1097 г. в Любече, фактически узаконивший политическую раздробленность своим решением, что каждый князь «держит отчину свою».

Роль снемов в государственном управлении Киевской Руси трактуется диаметрально противоположно: от признания съездов высшим органом власти страны (В. Т. Пашуто⁷) до их оценки как архаической процедуры, не оказывавшей реального воздействия на политический строй (Б. А. Рыбаков⁸, А. П. Толочко⁹).

Что касается распорядительно-исполнительной деятельности (управления), то в Древнерусском государстве первоначально действовала десятичная (численная) система управления, пришедшая из родоплеменного периода. По мере формирования государственного механизма начальники воинских подразделений – десятские, сотские, тысяцкие – стали возглавлять соответствующие звенья государства.

⁷ Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 26.

⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII – XIII вв. М. : Наука, 1982. С. 449.

⁹ Толочко П. П. Власть в Древней Руси. X – XIII века. СПб. : Алетейя, 2011. С. 51.

Численная система постепенно была вытеснена дворцово-вотчинной. Центром управления становился княжеский двор. Княжеские дружинники отрывались от двора и оседали на своих землях. Основными административными представителями князя на местах были княжеские тиуны. Они стали играть основную роль в административно-финансовой и судебной организациях. Тысяцкий вошел в состав княжеских слуг, постепенно превращаясь в воеводу, начальника всех вооруженных формирований княжества, сотники превратились в представителей городских властей. Возникают при дворе своего рода ведомства по управлению определенными отраслями хозяйства. Наиболее влиятельными лицами сделались дворецкий, конюший (обеспечение войска конным составом), чашник (отвечал за продовольствие). Со временем князь поручает этим лицам какие-либо сферы управления, так или иначе связанные с их первоначальной деятельностью, предоставляют им для этого необходимые средства. Так личный слуга становится государственным деятелем, администратором. На места посылались представители центральной власти – посадники и волостели.

Анализ структуры государственного механизма Киевской Руси показывает, что Древнерусское государство по форме правления являлось ограниченной монархией. Несмотря на высокое место в иерархической структуре государственных органов, великий князь киевский пока еще не стал государем в буквальном смысле слова.

В советское время эта форма правления именовалась раннефеодальной монархией, под которой понималась наиболее ранняя исторически сложившаяся разновидность ограниченной монархии периода феодализма, при которой:

- монарх правит совместно с советом из наиболее богатых и знатных представителей формирующегося класса феодалов;
- господствуют отношения сюзеренитета-вассалитета между главой государства и крупными феодалами;
- в центре складывается дворцово-вотчинная система управления, а на местах – система кормлений;
- для решения наиболее важных вопросов созываются феодальные съезды.

Многие современные учёные считают, что Киевскую Русь нельзя назвать не только раннефеодальной монархией, но и государством. Так, А. Ю. Дворниченко говорит о трансформации сложного вожества в гражданскую общину (полис, город-государство). Хотя был возможен и вариант перехода к централизованному государству, но в силу ряда причин – природных условий, мощной общинной организации, всеобщего вооружения населения – он не был реализован.

Государственный строй древнерусских княжеств представляет собой неустойчивое равновесие между двумя элементами государственной власти: монархическим в лице князя и демократическим в лице веча.

По государственному устройству Древнерусское государство было относительно единым, унитарным, так как подчинялось воле одного монарха. Однако форма государственного устройства Древней Руси была своеобразной и в то же время типичной для феодализма. Даже в период расцвета она не стала до конца централизованным государством. Каждый удельный князь в своей земле и в международных отношениях держал себя относительно независимо. Во взаимоотношениях между удельными князьями действовало договорное начало. Великого князя Киевского удельные князья обычно называли отцом, но это было не более как почетное звание без всякого реального содержания. То есть на деле это была конфедерация удельных княжеств. Как пишет И. Н. Кузнецов, «сформировавшееся к середине X в. Государственное образование, получившее название “Киевская Русь”, представляло собой конгломерат племенных территорий («городовых областей»), объединенных Киевом на основе конфедеративного союза»¹⁰.

Характер политического режима Киевской Руси был неоднозначен. В нем видно сочетание демократических черт (вече, единый и равный для всех социальных групп населения суд, народное ополчение и т. д.) с недемократическими (определенный авторитаризм великого князя, использование элементов принуждения).

¹⁰ Кузнецов И. Н. История государства и права России : учеб. пособие. М., 2007. С. 70.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что понимает современная юридическая наука под государственным строем?
2. Кто стоял во главе государственного строя в Древнерусском государстве?
3. Как осуществлялось замещение княжеской власти в Древнерусском государстве?
4. Что такое лествичный порядок престолонаследия? В чём его сильные и слабые стороны?
5. Какие функции выполнял князь в Древнерусском государстве?
6. Можно ли сказать, что Древнерусское государство – это абсолютная монархия? Почему?
7. Кто такие наместники и посадники? В чём между ними разница?
8. Кто входил в состав Совета при князе? Какие функции выполнял Совет?
9. Что такое вече? Какую роль оно играло в управлении государством?
10. Что такое сномы? Какие функции они выполняли? Назовите наиболее известные из них.
11. Что такое десятичная (численная) система управления? Когда она возникает? В чём её суть?
12. Что такое дворцово-вотчинная система управления? Когда она возникает? В чём её суть?
13. Что такое кормление?
14. Как в советское время называлась форма правления в Древнерусском государстве? Каковы её признаки?
15. Что говорит А. Ю. Дворниченко о форме правления в Киевской Руси?
16. К какой форме государственного устройства можно отнести Древнерусское государство? Почему?
17. Что можно сказать о государственном режиме Киевской Руси?

1.4. Общественный строй Киевской Руси

В части особенностей *правового положения населения* и его отдельных слоев существует немало разногласий относительно места и роли различных социальных групп в обществе и системы взаимоотношений между ними, но есть и достаточно ясные позиции. Так, очевидно разграничение населения по степени свободы: все население делилось на свободных (князья, бояре, представители духовенства и купечества, земледельцы-общинники, ремесленники и др.), полужависимых (закупы, рядовичи) и обельнозависимых (холопы) людей. Критериями разграничения этих групп в Русской Правде были:

- право распоряжаться своей личностью (жизнью, здоровьем);
- право иметь собственность;
- право свободного перемещения;
- право быть истцом и ответчиком в суде.

Категория свободных людей, в свою очередь, подразделялась на привилегированных и непривилегированных. Не вызывает сомнений усиливающаяся дифференциация общества и выделение правящего слоя, который группируется в основном в рамках княжеской *дружины*. В советское время данная категория носила название феодалов. К привилегированному свободному населению в соответствии с Русской Правдой относились князья («великие», «светлые»), бояре, княжьи мужи, огнищане, княжеские тиуны, огнищные конюхи, а также «лучшие», «лепшие» люди, «нарочитая чадь» и др.

В исследовательской литературе имеются расхождения в вопросе об эволюции состава этой группы. Если одни подчеркивают этнически неславянские (как правило, скандинавские) истоки дружинного слоя, лишь постепенно пополняющегося представителями славянской племенной верхушки (И. Д. Беляев), то другие видят процесс формирования знати как результат внутреннего разложения славянских общин, с незначительной долей иноплеменного элемента (С. В. Юшков).

В. В. Мавродин отмечает три пути формирования этой группы: перерождение старой родоплеменной знати в феодалов, оседание на землю княжеских дружинников-воинов и втягивание в феодальную среду зажиточных членов общины («лучших людей», «старой чади»).

Б. Д. Греков делит бояр на два слоя: бояр княжеских (это высшие члены двора князя, часть из них – пришлого происхождения) и бояр земских («старцы», «лучшие», «старейшие», «нарочитые» люди

каждого данного места, туземная знать). Источники разграничивают «больших бояр» и «меньших бояр», положение и происхождение которых было, очевидно, неодинаковым. Греков обращает внимание на тот факт, что если княжеские дружинники и могли некоторое время существовать на доходы от даней, то могущество местной знати, земских бояр, появившихся в процессе расслоения сельской общины, т. е. в земледельческой среде, основывалось на владении землей, а не на «сокровищах».

Привилегированный статус этой группы, как отмечают А. В. Воронин и Р. К. Гайнутдинов¹¹, заключался в праве участия в совещаниях с князьями, получении от них различных государственных должностей, как правило, с передачей «в корм» определенных территорий или части полученной князем дани, присутствии на княжеских пирах, обеспечении вооружением и т. д. В юридическом отношении привилегии выражались в повышенной (двойной) уголовной ответственности за убийство представителей этой группы (ст. 1 ПП) и особом порядке наследования земли – при отсутствии сыновей они могли переходить дочерям (ст. 91 ПП).

Если в отношении элиты древнерусского общества сложились более или менее ясные представления, то совершенно иная ситуация с непривилегированными слоями населения. Разногласия существуют буквально по всем позициям: источники формирования, степень свободы и зависимости, система внутренних и внешних связей, место и роль в социальной структуре, отношения с государством, уровень жизни – все эти вопросы весьма неоднозначно трактуются в исторической литературе.

По мнению ряда исследователей, наиболее загадочной фигурой Древней Руси является *смерд*. Одни видят в смердах, составляющих большинство сельского населения, свободных земледельцев-общинников, обязанности которых по отношению к князю (государству) ограничивались лишь уплатой налогов и выполнением повинностей в пользу государства (С. А. Покровский¹²), другие, напротив, рассматривают их в качестве людей зависимых, угнетенных (Л. В. Черепнин¹³).

¹¹ Рубаника В. Е. История государства и права России : учеб. для бакалавров / под общ. ред. В. Е. Рубаника М. : Юрайт, 2014. С. 171.

¹² Там же. С. 172.

¹³ Там же.

И. Я. Фроянов вообще считал их сравнительно небольшой группой бывших пленников, государственных рабов, посаженных на землю. Наряду с этими «внутренними» смердами он выделяет также группу «внешних»: покоренные племена, платившие дань.

Причины расхождений, по мнению А. В. Воронина и Р. К. Гайнутдинова, во многом связаны с очевидной двойственностью статуса смерда. В случае смерти бездетного смерда его наследство («задница», «статок») переходило князю. С одной стороны, смерд нес обязательства по договорам, имел право участия в судебном процессе, с другой – имелись признаки юридической неполноправности: штраф за его убийство равнялся штрафу за убийство холопа (5 гривен). По-видимому, сложность выявления статуса смерда связана с тем, что при сохранении на протяжении довольно длительного времени единого названия этой социальной группы ее положение постоянно менялось. Возможно, первоначально это земледелец-общинник, затем – государственный данник.

Несколько лучше определена в Русской Правде категория *закупа*. Статьи 56 – 62, 64 Пространной Правды содержат в себе так называемый «Устав о закупах», изданный Владимиром Мономахом после подавления восстания 1113 г. в качестве одной из мер, направленных на смягчение социальных противоречий в Древнерусском государстве. Эти статьи определяют правовое положение закупа как одной из категорий феодально-зависимого населения Киевской Руси XI – XIX вв.

Большинство советских исследователей – историков и правоведов – полагают, что закупничество как одна из форм феодальной зависимости в качестве своей основы имеет долговое обязательство. Личная зависимость должника от кредитора возникала в связи с получением первым у второго денег либо вещей («купы»).

Правовое положение закупа характеризовалось тем, что они представляли собой промежуточную группу между свободным и не-свободным населением. Закуп характеризуется как неполный холоп, причем в статьях Русской Правды (56, 61 и пр.) он прямо противопоставлялся не холопу вообще, а полному («обельному») холопу. Так же как и закуп, последний впервые упоминается только в Пространной Правде. Упоминание о закупах в других источниках относится лишь к началу XII в.

Согласно нормам Русской Правды, определяющим правовое положение закупов, последние до полной отработки долга проживали во дворе владельца, работали в его хозяйстве и пользовались его инвентарем.

Устав свидетельствует о применении к закупам сложной системы эксплуатации, стремлении феодалов во что бы то ни стало воспрепятствовать их выходу из долговой кабалы и вновь обрести свободу, о робких попытках законодателя принять меры к известному ограничению произвола феодалов над закупками, особенно царившего до восстания 1113 г. Превращение закупов в рабов, как об этом свидетельствуют нормы Русской Правды, было довольно широко распространено. Кредитор пользовался любым случаем, чтобы обратить закупа в полного холопа.

Статья 56, в которой впервые появляется упоминание о закупках, подтверждает основное правило о превращении беглых закупов в полных холопов, вместе с тем это и нововведение, вызванное восстанием 1113 г. и явившееся не чем иным, как декларативной уступкой правящих феодальных кругов. Это нововведение устанавливает случаи дозволенной законом отлучки закупа, не угрожающей ему превращением в полного холопа. Ими были отлучка для принесения жалобы на своего господина либо отлучка с целью поисков денег для выплаты «купы».

Статья 64 содержит постановление о том, что превращение закупа в полного холопа могло наступить и в случае совершения кражи. Закуп превращался в полного холопа независимо от размера украденных ценностей.

Статьи 57 и 58 регламентируют ответственность закупа за «погубление» господского имущества – плуга, бороны, коня, скота. Если до восстания 1113 г., очевидно, во всех без исключения случаях подобного рода закуп нес безусловную ответственность, то законодательство Владимира Мономаха приняло определенные меры к ее ограничению: закуп не платит за хозяйское имущество, если оно пропадает без него, когда господин пошлет его на свою работу, либо если его похитили из хлева. Во всех остальных случаях, перечисленных далее в этих статьях, ответственность за пропажу господского имущества по-прежнему нес закуп.

Статьи 59 – 62 говорят о последствиях, вытекающих из договора о закупничестве в случаях нарушения его со стороны господина. Статья 59 устанавливает ответственность господина за незаконное изъятие его со стороны господина.

Статья 59 устанавливает ответственность господина за незаконное изъятие у закупа его имущества.

Статья 60 обязывает господина возвратить за купу деньги, взятые с последнего сверх суммы долга.

Статья 61 запрещает продажу закупа в полные холопы без наличия к тому предусмотренных в законе оснований.

Статья 62, узаконивая физическое наказание закупа его господином при наличии вины закупа, в то же время устанавливает ответственность господина за нанесение побоев за купу в нетрезвом виде и «без вины». Эта часть статьи, несомненно, носит декларативный характер. Дело в том, что закуп не обладал необходимыми средствами для того, чтобы доказать свою обиду (что господин нанес ему побои в нетрезвом виде и «без вины» с его стороны). Поэтому эта статья является ярким свидетельством декларативного, но далеко не всегда эффективного законодательства Владимира Мономаха о закупах.

Наконец, среди статей о закупах мы встречаем статью 63 о холопе, устанавливающую ответственность господина, если его полный холоп украдет чью-либо лошадь. Статья устанавливает безоговорочную ответственность холоповладельца за холопа-вора (как и ст. 120 и 121).

Таким образом, Устав о закупах в целом рисует картину тяжелого, бесправного положения этого разряда населения в Древней Руси, граничащего с холопским состоянием.

Внесенные в Русскую Правду в результате народного восстания 1113 г. статьи о некотором ограничении произвола феодалов по отношению к закупам в действительности не применялись.

Б. Д. Греков указывает на то, что «массовое разорение смердов – одно из важнейших условий, порождавших закупничество и другие формы феодальной зависимости», что «закуп – зависимый человек, находящийся в тяжелых условиях зависимости»¹⁴. Появление Устава о закупах явилось прямым результатом напряженной борьбы трудящихся масс в Древнерусском государстве.

¹⁴ Греков Б. Д. Грозная Киевская Русь / Б. Д. Греков. М. : Алгоритм, 2012. С. 57.

Другой не вполне ясной фигурой Русской Правды являются *рядовичи*. Большинство современных историков считает, что рядовичи в Киевской Руси – это люди, находившиеся в зависимости от господина по «ряду» (договору) и близкие по своему положению к закупам. Так, штраф за его убийство равнялся штрафу за убийство смерда. Напротив, Л. В. Черепнин полагал, что на Руси не было особой категории рядовичей, выдвинув гипотезу о том, что термин этот в Русской Правде использовался для обозначения рядовых смердов и холопов.

По-видимому, и закупы, и рядовичи отличались не столько положением, сколько способом приобретения своего статуса и могут быть отнесены к полурабам – своего рода временным холопам. В отличие от полных рабов они сохраняли право вернуть свободу в случае выполнения взятых на себя обязательств.

Но, пожалуй, нет во всей социальной структуре раннесредневековой Руси более противоречивой категории населения, чем *холопы* – люди, право владения которыми у господ ничем не было ограничено.

Статьей 110 открывается последний раздел Пространной Правды, посвященный регламентации правового положения холопов (ст. 110 – 121). Этот раздел получил в литературе наименование «Устав о холопах». Его появление относится ко времени княжения Владимира Мономаха.

В целом Устав о холопах говорит о серьезных сдвигах, происшедших к началу XII в. в социальных отношениях древнерусского общества. Отражая начавшийся процесс сближения холопов с феодально-зависимым населением, Устав о холопах дополняет и иллюстрирует общую картину развития феодальных отношений. Феодалы широко применяют труд холопов в сельском хозяйстве. Часть холопов наделяется некоторыми средствами производства и прикрепляется к земле. Начинает стираться различие между холопами и другими группами феодально-зависимого населения. В то же время известная часть холопов (тиуны, ключники и пр.) начинают играть заметную роль при дворах князей и бояр. Перемены, произошедшие в фактическом положении холопов, незамедлили найти отражение и в феодальном праве. Законодательство встало на путь некоторого расширения правоспособности и дееспособности холопов, признания за ними некоторых гражданских и имущественных прав и т. д. Так, раба, состоявшая в связи со своим господином и имевшая от него детей, после

его смерти вместе со своими детьми обретала свободное состояние (ст. 98); рабам уже разрешалось заниматься торговлей (ст. 119).

Таким образом, если Устав Владимира Мономаха о закупах явился актом самозащиты социальных верхов от народного гнева, то Устав о холопах отразил рост боярского землевладения и юридически закрепил возникшие на Руси новые социально-экономические отношения в связи с начавшимся превращением холопов в феодально-зависимых, крепостных крестьян, поскольку рабский труд стал изживать себя. Эти новые серьезные социальные сдвиги, произошедшие в социальном положении холопов, означали важный шаг на пути развития и становления крепостного права.

О серьезных изменениях, произошедших к началу XII в. в социальных отношениях Древней Руси, говорят статьи 110 и 111 Пространной Правды.

Статья 110 содержит указание на важнейшие источники полного холопства. Она различает три таких источника: а) самопродажа в рабство в присутствии свидетелей; б) женитьба на рабыне без договора с ее господином; в) поступление в ключники без договора.

Содержащийся в данной статье перечень источников холопства признать исчерпывающим отнюдь нельзя, ибо наряду с ними сама Русская Правда указывает и на другие источники: несостоятельность (ст. 54 – 55), побег закупа от своего господина (ст. 56), уличение закупа в краже (ст. 64), рождение от рабыни. Главным источником холопства являлся плен, о котором в Русской Правде ничего не сказано, хотя на это имеются многочисленные указания в летописях.

Статья 111 развивает положение предыдущей статьи и указывает на многообразие источников установления форм феодальной зависимости. Она говорит о «вдачах», т. е. о должниках, взявших ссуду («дачу») натурой и по своему положению близко примыкавших к закупам. Должник, своевременно не погасивший долг, вначале рассматривался как холоп. Это правило в первую очередь относилось к должникам – крестьянам, бравшим ссуду деньгами или натурой у феодалов либо зажиточных общинников по договору («ряду»).

Статья 111 специально отмечает, что долг, взятый хлебом, не превращает должника в холопа, а подлежит или возврату, или отработке в течение установленного законом максимального срока. Если должник не дослужит года, т. е. срока работы, обусловленного дого-

вором, то он обязан возратить долг. Но если он отработает свой срок, то возвращать долг не обязан и может считать себя свободным от обязательств.

Статьи 112 – 115 Пространной Правды тесно связаны между собой: каждая из них регулирует различные случаи одного и того же отношения, вытекающего из бегства холопа от своего господина. Поскольку бегство холопов подрывало устои феодального общества и шло вразрез с политическими и экономическими интересами феодалов, законодатель устанавливает ответственность как самих холопов-беглецов, так и лиц, укрывавших либо способствовавших их побегу.

Статья 112 предусматривает полное возмещение стоимости беглого холопа (5 гривен) или рабыни (6 гривен), которое взыскивалось в пользу господина холопа или рабыни с лица, содействовавшего побегу.

Статья 113 предписывает господину уплатить за поимку его беглого холопа лицу, задержавшему последнего, вознаграждение в размере гривны («переем»). В том случае, если лицо, задержавшее беглого холопа, упустит его, то он в свою очередь обязан возместить господину стоимость беглого холопа за вычетом переемной гривны.

Статья 114 говорит о случае обнаружения беглого холопа самим господином. В этом случае господин обращается к посаднику, который обязан предоставить в его распоряжение своего агента («отрока»), чтобы с его помощью связать беглеца. За оказанную услугу господин платит отроку 10 кун, но за поимку уже не платит. Однако если господин вторично по своей небрежности упустит из своих рук беглого холопа, то он никаких претензий никому в таком случае предъявить не может.

Статья 115 особо оговаривает, что в случае добросовестного неведения о том, что человек, которому третье лицо окажет какую-либо помощь (укажет путь или даст у себя временный приют), является холопом, никакой ответственности с его стороны не наступает. Ответчик, державший чужого холопа, не зная о его холопстве, приводится к присяге, которая называлась очистительной.

Таким образом, в приведенных статьях содержится четыре различных варианта исхода дела при бегстве холопа.

Статья 116 (ср. ст. 117) говорит о том, что если холоп путем обмана (хитростью), выдавая себя за свободного человека, возьмет в долг у кого-либо деньги, то господин этого холопа обязан или запла-

тить долг кредитору, либо отказаться от своих прав на холопа. Кредитор, который заведомо знал, что вступал в сделку с холопом, терял право иска против его господина.

Статья 117 (ср. ст. 116) свидетельствует о некотором расширении правоспособности холопов в XII в. Эта статья устанавливает ответственность господина за долги холопа, которому он поручил вести торговлю от имени господина. В этом случае сделки, заключенные холопом, рассматриваются как сделки самого господина, за которые он и должен нести ответственность. Сделки, совершенные холопом по поручению господина, признавались действительными.

К статье 117 непосредственно примыкает статья 119. Если холоп, говорит эта статья, находясь в бегах, приобретает какой-нибудь товар, то при выдворении его обратно господину поступают приобретенные им вещи, ибо собственности у холопа не должно быть. Вместе с тем на господина такого холопа переходят и все долги холопа, сделанные им в бегах.

В статье 118 содержится постановление закона о различных последствиях, вытекающих из факта покупки чужого холопа в зависимости от того, был ли приобретатель введен в заблуждение и по неведению приобрел чужого холопа, либо он заведомо знал, что приобретает чужого холопа. В первом случае холоп возвращался своему господину, а покупщику возвращались уплаченные деньги под присягой, что он купил такого холопа по неведению. Закон тем самым гарантировал интересы добросовестного приобретателя, который по неведению незаконно купил беглого или украденного чужого холопа. Во втором случае покупатель терял свои деньги.

Статья 120 предусматривает ответственность за кражу, совершенную беглым холопом. В данном случае господин сбежавшего холопа обязан заплатить за унесенное его холопом имущество по урочной цене, т. е. лишь возместить стоимость украденной вещи.

Статья 121, как и предыдущая, говорит о краже, совершенной холопом. Господин холопа-вора обязывался по своему выбору либо заплатить за него, либо отречься от него и выдать истцу со всеми другими участниками кражи, за исключением их жен и детей, если таковые не были соучастниками преступления. Не трудно заметить, что эта статья в равной степени стоит на страже интересов и господина

холопа-вора, и потерпевшего от кражи, совершенной холопом. Владельцу холопа закон в таких случаях предоставлял действовать соответственно своей выгоде. В том, что господин не обязан выдать истцу вместе с холопом-вором и его соучастниками их жен и детей, мы опять-таки видим стремление максимально оградить интересы владельцев холопов, ибо выдача с мужем невинной жены и детей только увеличила бы убытки хозяина.

Сравнительно небольшую количественно, но очень значимую в структуре социальных отношений группу составляли *ремесленники*. Они делились на несколько категорий. Это, во-первых, деревенские ремесленники (кузнецы, гончары и др.). Они, как правило, заготавливали сырье и обрабатывали его. Вторая группа – дворцовые, вотчинные, в том числе монастырские, ремесленники (кузнецы, оружейники, ювелиры, седельники, гончары, кирпичники, каменщики и др.). Наконец, наиболее многочисленная группа – свободные городские ремесленники. Б. А. Рыбаков насчитывает среди них 60 специальностей. Они преобладали по численности в составе городского населения, составляли значительную силу в городском ополчении, участвовали в городском управлении, иногда даже имели своих представителей в высших органах власти.

Особую социальную группу городского населения составляли купцы. Наиболее видное место занимали среди них купцы и гости, торговавшие с другими городами внутри страны и с иноземными государствами; это – купеческая верхушка. Они объединяются в товарищества – «братчины». Купечество, опираясь на свое экономическое могущество и богатство, играло немалую роль в политических делах; его большой вес находит отражение в том, что на общественной лестнице купечество занимает одно из первых мест (вслед за князьями и боярами). Купцы, как и ремесленники, участвовали в городском ополчении. Они пополняли ряды русского боярства.

Ряд историков полагают, что уже в домонгольский период возникли ремесленные объединения, аналогичные гильдейским цеховым организациям западноевропейских городов (М. Н. Тихомиров¹⁵), однако каких-либо прямых сведений об этом в источниках нет, а косвенные очень скудны и противоречивы.

¹⁵ В. Е. Рубаника. Указ. соч. С. 176.

С конца X в. начинает формироваться еще одна привилегированная группа – *духовенство*. Политика поддержки Церкви государством (выражалась, в частности, в предоставлении судебного иммунитета (права монастырей самим вести расследование и вершить суд за определенные преступления, совершенные на его территории, с соответствующим получением судебных пошлин, освобождении монахов от всех видов общегосударственных податей и др.) и постепенное укрепление ее позиций на Руси создавали основу для сосредоточения в руках Церкви весьма значительных богатств и возможности участия в политической деятельности. Особенно отчетливо это проявлялось в Новгородской земле, где архиепископ («владыка») фактически управлял городской казной и нередко выступал в роли своего рода третейского судьи.

Таким образом, в Киевской Руси в IX – XII вв. происходит социальная дифференциация населения и формируются сословные группы.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что являлось основанием деления древнерусского общества на группы?
2. На какие группы делилось население Древнерусского государства?
3. Кто входил в состав свободного привилегированного населения? Как происходило формирование этой группы? Какими привилегиями они обладали?
4. Какие существуют в науке точки зрения на правовой статус смерда?
5. Опираясь на статьи Русской Правды, охарактеризуйте правовой статус смерда.
6. Кто такие закупы? К какой категории населения они относились? Почему?
7. Опираясь на статьи Русской Правды, охарактеризуйте правовой статус закупа.
8. Кто такие рядовичи? Как определяет их статус Русская Правда?
9. Кто такие холопы? Опираясь на статьи Русской Правды, охарактеризуйте их правовой статус.
10. Каковы были источники холопства?
11. Каков был статус городского населения?

Глава 2. ПРАВО КИЕВСКОЙ РУСИ

2.1. Источники права

С чего начиналось право Древнерусского государства? Как и у других народов, один из главных источников права у славян – *обычай*. Обычаи, или устойчивые правила поведения, формируются уже на этапе догосударственного развития, в условиях родоплеменных отношений. Когда часть обычаев превращается в норму поведения и общины или их старейшины начинают принуждать к исполнению этих норм своих нерадивых или выбивающихся каким-либо другим образом из общинной жизни сочленов, можно говорить о появлении *обычного права*. Обычное право выражается в юридических действиях (фактах), в их однообразном повторении (скажем, община при любых обстоятельствах защищает каждого общинника круговой порукой). Оно выражается также в юридических сделках или судебных актах (применение кровной мести за убийство родича) и в словесных формулах (в законе, пословицах): «Вор ворует, мир горюет»; «Муж крепок по жене, а жена по мужу» и т. п.

Обычное право весьма консервативно, оно часто долго соседствует с правом публичным в условиях, когда уже складывается государство и все институты права. На Руси долго считали, что поступать по старине, значит, поступать по праву. «Что старее, то правее», – говорит пословица. В то же время обычное право, не будучи закреплено в законе, способно изменяться вместе с жизнью. К древнейшим нормам обычного права восточных славян относились *кровная месть, круговая порука, умыкание невесты, многожёнство, особая словесная форма заключения договора, наследование в кругу семьи* и др. Часть их мы обнаруживаем в древнерусском законодательстве уже в качестве норм публичного права, часть их видоизменяется, некоторые утрачиваются. Кровная месть, к примеру, запрещается в XI в. и заменяется денежным штрафом.

Второй источник права Киевской Руси – это *собственное законотворчество* раннефеодального государства в первые десятилетия его существования, обобщавшее судебную практику. О том, что таковое имело место, узнаем из текстов договоров Руси с Византией, могущественным южным соседом державы Рюриковичей. Русская летопись донесла до нас тексты трех таких договоров: 911, 944 и 971 гг. Догово-

ры регулировали торговые, союзные и военные отношения между двумя государствами, устанавливали разные виды наказаний за преступления (убийство, кражи, увечья), совершённые на чужой земле, разрабатывали процедуру возмещения убытков, выкупа пленных, наследования и др. Эти памятники демонстрируют довольно высокий уровень права не только Византийской империи, но и Руси, выступавших в них как равные партнеры. В текстах договоров 911 (ст. 5) и 944 (ст. 6) гг. прямо указывается на существование уже к этому времени *закона русского* (в первом случае) и *устава и закона русского* (во втором), на основе которых законодатель разрешает спорные вопросы.

Третий источник древнерусского права – *право византийское*, его *рецепция* (усвоение), а через него – частично и *права римского*. Принятие христианства Русью (988 г.), усвоение христианской культуры, более тесное общение с Византией и другими странами произвели настоящий переворот во всех сферах правовой жизни Древней Руси. Обычное право во многом прямо противоречило учению о христианской морали и церковному праву и должно было подвергнуться пересмотру. С христианством на Русь пришла церковь со своими каноническими законами, своими служителями, начиная с митрополитов-греков и кончая духовными лицами менее высокого ранга, которые составили образованную элиту общества, стремившуюся к усовершенствованию русского права.

На протяжении двух последующих столетий, XI и XII, Русь, как прилежная ученица, усваивала чужое право, приспособлявая его к условиям местной жизни. На Русь в это время хлынул поток переводной греческой литературы как светского, так, главным образом, религиозного содержания: евангелия, псалтыри, жития святых, хроники, апокрифические сочинения и прочие, составлявшие круг чтения средневекового русского читателя. В этом потоке немаловажное значение занимали *кодексы* византийского права, которые стали изучаться и применяться и в законотворчестве, и в судебной практике. Первыми пришли сборники церковного права: *Номоканон* (законы и правила) Иоанна Схоластика, *Номоканон* патриарха Фотия. Переводы их получили на Руси название *Кормчих книг* (сборники канонических и юридических установлений). Из сводов светских законов Византии на Руси хорошо знали *Эклога* (отбор) императоров Льва Исавра и Кон-

стантина Компронима, *Книги законные*, содержавшие законы земледельческие, уголовные и др.

Под влиянием византийского права уже в XI в. все членовредительные и болезненные наказания уступили место денежным штрафам, произошли серьезные изменения в семейно-брачном праве, появились нормы в праве, защищающие честь и достоинство личности, и др.

Переворот, произведенный в древнерусском обществе и праве христианством и византийским правом, сказался в первую очередь на положении церкви и церковных людей. Это нашло отражение в *церковных уставах*, принятых русскими князьями. До нас дошли: Устав князя Владимира, Устав князя Ярослава, уставы новгородских князей Всеволода и Святослава и др. Они содержат положение о *церковной десятине*, которую со времен Владимира Святого русская церковь получала из казны на содержание; церковные люди *освобождались* уставами от всяких сборов и частично от юрисдикции княжеского суда; церковь получила *право надзора за правильностью мер и весов, совершения брачного союза* и др. Уставы, таким образом, позволяют выяснить отношения государства и церкви, помогают восстановить правовые нормы, не нашедшие отражения в Русской Правде. Это ценный источник изучения права.

Однако главный источник, по которому мы изучаем древнерусское право, представляет собой уже упомянутая выше *Русская Правда* – первый кодифицированный законодательный акт Руси, которая вобрала в себя и обычное право, и право византийских источников, и законотворческую деятельность русских князей XI – XII вв.

Краткая редакция Русской Правды была обнаружена В. Н. Татищевым в 1738 г. и издана А. Шлецером в 1767 г. Пространную редакцию ввел в науку В. В. Крестинин, опубликовав её в 1788 г. Сокращённая редакция впервые была определена как особая обработка Правды и издана Н. В. Калачовым (1846). Вслед за публикациями отдельных текстов памятника появилось их сводное издание, выпущенное И. Н. Болтиным в 1792 г.

Значение Русской Правды, как отмечают А. В. Воронин и Р. К. Гайнутдинов¹⁶, для понимания характера социально-экономической и правовой систем Древней Руси стало основанием

¹⁶ Рубаник В. Е. Указ. соч. С. 162 – 170.

для создания огромного массива как публикаций текста, так и исследовательской литературы.

В то же время, несмотря на большое число работ, посвященных этому своду законов и норм Древней Руси, многое в нем продолжает оставаться неясным и спорным – происхождение, вопрос о времени и истории составления, состав, участники составления и др. Прежде всего это связано с тем, что первоначальный текст Русской Правды до нас не дошел: она известна лишь в более поздних списках. Под списком в данном случае понимается рукописная копия первоначального текста или его редакции. Им обычно присваиваются названия, связанные с наименованием летописи, местом находки, лицом, нашедшим тот или иной список (Академический, Троицкий, Карамзинский и др.). Самым ранним является так называемый Синодальный (по названию Синодальной библиотеки, где он хранился), датируемый концом XIII в.

Всего таких списков, дошедших до нас в составе различных летописей и юридических сборников, разумеется, рукописных, более ста. Большинство из них относятся к XV – XVI вв. (только три имеют более раннее происхождение).

Все списки объединены в три текстологические группы: Троицко-Синодальная группа (сохраняют состав, наиболее близкий к первоначальному, архетипному тексту), Мусин-Пушкинская группа (Пространная редакция имеет добавочные статьи и соединена с другими нормативными актами) и Карамзинская группа (имеют место значительные вставки в текст Правды с расчётами).

Ряд исследователей относит древнейшую часть Правды к VII в. Основанием для этого служат статьи о мести, выкупе, рабстве, суде послухов (категория свидетелей). С этим можно согласиться, если понимать, что речь идет не о времени появления самого документа, а о времени существования подобных обычаев (зародились они, скорее всего, еще раньше). Основная часть сборника, по мнению большинства исследователей, связана с именем Ярослава Мудрого (первая половина XI в.), его сыновей (вторая половина XI в.) и Владимира Мономаха (первая четверть XII в.). Сборник дополнялся и позднее, что отразилось как на его редакциях, так и на разнообразии сохранившихся списков.

Характер изложения в тексте Русской Правды (нет прямой речи от имени князей, сами они упоминаются в третьем лице), переработка отдельных статей в сторону постепенного обобщения правил, разнообразие статей в разных списках позднейших редакций, приписки-комментарии к некоторым статьям и другое – все это приводило ряд историков (М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич) к мысли о том, что она представляет собой «ряд сборников, составленных частными лицами из княжеских уставов, обычного права и частью – византийских источников».

Согласно другой, более распространенной сегодня концепции Русская Правда – акт официальный. Этот вывод делается прежде всего на том основании, что в самом ее тексте содержатся указания на князей, принимавших или изменявших закон (Ярослав, его сыновья Ярославичи, Владимир Мономах).

Для большинства исследователей Русская Правда – светский судебник, созданный светской властью и охватывающий области, подведомственные исключительно светским органам. Как правило, он не вторгается в сферу церковной юрисдикции, регулирующей особыми уставами. Однако В. О. Ключевский на основании частого включения Русской Правды в церковные сборники и отсутствия судебного поединка как средства доказательства (поскольку осуждался церковью) считал её «...кодексом, выработанным в среде духовенства для удовлетворения потребностей порученной ему широкой юрисдикции по недуховным делам, которой подчинены были так называвшиеся церковные люди».

Списки Русской Правды содержат часто весьма значительные различия, настолько значительные, что исследователи выделяют несколько ее *редакций* – групп текстов с существенным и целенаправленным изменением формы выражения и содержания как в целом, так и в их структурных и композиционных частях. Так, С. В. Юшков предлагал выделить шесть редакций Русской Правды. Однако большинство учёных делят Русскую Правду на три редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную.

В составе Правды Краткой редакции (сокращенно *Краткая Правда*) выделяют древнейшую часть (ст. 1 – 18), обычно называемую Правдой Ярослава, или Древнейшей Правдой, или Правда роськая, и Правду Ярославичей с дополнительными статьями (ст. 19 – 41). Кроме

того, в нее входят два самостоятельных установления: Покон вирный (ст. 42) и Урок мостникам (ст. 43).

Правда Ярослава отражает систему взаимоотношений лично свободных людей внутри дружины, «мира» или другого социального коллектива, что дает возможность отнести ее возникновение к ранней, еще догосударственной языческой истории Руси. Ее нормы – это обычаи, санкционированные в качестве правовых норм государством. В *Правде Ярослава* практически нет земледельцев, зато явно присутствует челядь – патриархальные рабы.

Чаще всего время создания Древнейшей Правды относят к 1016 г. (Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, Р. Л. Хачатуров) на том основании, что вся Краткая Правда входит в состав Новгородской Первой летописи под 1016 г. В этом сюжете излагаются события новгородского восстания против варягов, находившихся на службе у княжившего тогда в Новгороде князя Ярослава. Последний жестоко отомстил новгородцам, но, получив вскоре извещение о смерти отца, князя Владимира, вынужден был обратиться к новгородцам с просьбой о помощи в организации похода на Киев. После победы над братом Святополком, заняв киевский стол, Ярослав щедро расплатился с новгородскими участниками похода «и отпусти их всех домой и дав им правду и устав списав, тако рекши им: по сей грамоте ходите...». Далее следует текст Краткой Правды: «А се есть Правда Руская: Убиет муж мужа...».

Но не все согласны с такой датировкой. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов обращал внимание на то, что из текста Древнейшей Правды не видно, чтобы новгородцы получили какие-то привилегии, поэтому, по его мнению, нет оснований относить ее к этому времени. Он предлагал ограничиться более общим определением времени составления – не позднее 1054 г., временем смерти Ярослава.

Правду Ярославичей рассматривают как отдельный от Древнейшей Правды законодательный акт, принятый князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом вместе с боярами. При этом они явно более активны в своей законотворческой деятельности, внося существенные изменения в традиционные нормы.

Возникновение Правды Ярославичей большинство исследователей относят ко второй четверти XI в., поскольку связывают ее с посмертной деятельностью сыновей Ярослава, который умер в 1054 г. В то же время

смерть одного из составителей Правды Святослава наступила в 1076 г. М. Н. Тихомиров, например, считал, что Правда Ярославичей была принята во время съезда князей в Вышгороде в 1072 г. по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба в новую церковь. В противоположность такому подходу А. А. Зимин относил составление второй части ко времени жизни Ярослава – периоду между 1036 и 1054 гг.

Неоднозначны и представления об объеме законодательства Ярославичей. А. А. Зимин включал в него ст. 19 – 41 Краткой Правды, Л. В. Черепнин – 19 – 40 (за исключением 29 и 30), М. Н. Тихомиров и С. В. Юшков – 19 – 27. Во многом трудность определяется тем, что весь текст Краткой Правды (включающей соответственно и Правду Ярослава, и Правду Ярославичей) помещен в одном месте – под 1016 г.

С Древнейшей Правдой связывают традиционно и заключительную часть Краткой Правды – *Покон вирный* и *Урок мостникам* (С. В. Юшков, А. А. Зимин, Л. В. Черепнин), датируя ее временем княжения Ярослава (1020-е или 1030-е гг.).

Формирование Краткой Правды как относительно целостного сборника законов происходит, по-видимому, в период от середины XI в. до 30-х гг. XII в.

Пространную редакцию, возникшую после 1113 г., связывают с именем Владимира Мономаха и разделяют на две части: Суд Ярослава (ст. 1 – 52) и Устав Владимира Мономаха (ст. 53 – 121). В ее основе лежат текст Краткой Правды, но более ранний, чем сохранившийся в списках XV в., и Устав Владимира Мономаха, а также других киевских князей конца XI – XII вв.

Этот памятник представляет собой несомненный шаг вперед в развитии права по сравнению с Краткой Правдой. В частности, в нем заметно стремление к определенной систематизации: выделяются несколько связанных по смыслу групп статей. Так, по мнению Л. В. Черепнина, ст. 1 – 46 являются отражением правового кодекса, принятого на княжеском съезде в Любече в 1097 г., ст. 47 – 52 – результат творчества князя Святополка Изяславича, покровительствовавшего ростовщикам; к Уставу Владимира Мономаха исследователи относят ст. 53 – 66 о долговых обязательствах и кабальных отношениях; ст. 67 – 73 и 75 – 85 Л. В. Черепнин выделял в самостоятельный устав, регулирующий социальные отношения в вотчинах, а ст. 90 – 95, 98 – 106 –

в устав о наследстве. Последняя часть Пространной Правды (ст. 110 – 121) представляет собой устав о холопстве, обычно датируемый XII в. Статьи 74, 86 – 89, 107 – 109 посвящены обеспечению судебно-административного аппарата, а ст. 96 – 97 – лиц, ведавших делами общественного характера.

Создание Пространной Правды в целом большинство исследователей относит к первой четверти XII в., связывая его с восстанием в 1113 г. в Киеве и вокняжением Владимира Мономаха. Однако поскольку этому противоречит тот факт, что о самом князе в Правде говорится в третьем лице (что, по-видимому, могло быть лишь после его смерти в 1125 г.), М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин полагали, что она была составлена в связи с другим восстанием – в Новгороде в 1209 г.

Сокращенную редакцию, как правило, рассматривают в качестве переработки Пространной редакции, созданной в середине XV в. Однако М. Н. Тихомиров определял Сокращенную редакцию как самостоятельный памятник, созданный ранее Пространной редакции.

Изучение Русской Правды началось едва ли не с момента ее публикации, причем особое внимание на начальном этапе уделялось выявлению сходства правовых норм с законодательством других стран и народов. Так, М. В. Ломоносов видел в ней заимствование права у северных народов, Н. М. Карамзин – сходство «с древними законами скандинавскими». Соглашаясь с идеей такого сходства и выводя его из общего источника – германского права, И. Ф. Эверс в то же время подчеркивал местный, русский характер норм, называя Правду Ярослава «самым древним законодательным памятником, каким только могут хвалиться новейшие народы». М. Т. Каченовский, напротив, исходя из общей посылки скептического отношения к источникам ранней российской истории, доказывал невозможность создания памятника такого уровня ранее XIII в.

В. И. Сергеевич впервые выделил Сокращенную Правду как самостоятельную редакцию, отнеся ее примерно к XIII в., и предложил деление памятника на статьи, меньшие по объему и включающие каждая только один случай (казус), начинающийся словами «аже», «аще», «но» и т. д. В результате в Краткой Правде у него оказалось 50, а в Пространной – 155 статей. Однако такое деление не было воспринято последующими исследователями.

Если досоветские исследователи рассматривали Русскую Правду главным образом как юридический памятник, выясняя его роль в становлении сословного строя в России и степень использования в нем иноземного права (немецкого, скандинавского, византийского), то советская (марксистская) историография видела в ней источник, подтверждающий формирование классового общественного строя и соответствующего такому строю эксплуататорского государства.

Создателя классической для советской исторической науки концепции российского феодализма Б. Д. Грекова Русская Правда интересовала в первую очередь как доказательство становления вотчинного феодального хозяйства на Руси как «имения, окруженного крестьянскими мирами-вервями, враждебно настроенными против своего далеко не мирного соседа-феодала». А представление Б. Д. Грекова о незначительности или даже вообще отсутствии какого-либо влияния неславянского права на Русскую Правду стало фундаментальным принципом всей последующей советской историографии.

Рассматривая Краткую, Пространную и Сокращенную Правды не как редакции одного источника, а как три взаимосвязанных, но отдельных памятника, М. Н. Тихомиров подчеркивал зависимость этапов создания Правды от развития классового движения на Руси. В соответствии с таким подходом Краткая Правда явилась ответом на антифеодальные крестьянские восстания 1068 – 1071 гг., Пространная – на восстание 1209 г. в Новгороде, Устав Владимира Мономаха – на восстание 1113 г.

Особенностью взгляда С. В. Юшкова являлось стремление доказать новаторский характер Русской Правды по отношению к предшествующему обычному праву. Если большинство исследователей, как правило, говорили о включении в Правду Ярослава в основном уже действовавших ранее обычаев, то, по мнению Юшкова, «это нормы не старого, давно сложившегося обычного права, а нормы нового феодального права, которые могли появиться только в результате ломки старых норм, а эта ломка могла быть проведена только законодательным путем». Такой подход определялся общей концепцией исследователя о существовании дофеодального периода в истории Киевской Руси (IX – X вв.), переход от которого к феодальному и вызвал необходимость в новом законодательстве.

Сохраняя принципиальную позицию о Русской Правде как о законодательстве складывающегося феодального общества, А. А. Зимин делал акцент на ее взаимосвязи со становлением государства, естественно, феодального. Отсюда стремление исследователя обращать внимание не только на классовую борьбу как основу для формирования Русской Правды, но и на укрепление древнерусской государственности. Так, в Правде Ярославичей он видит желание князей противостоять тенденциям к раздроблению.

В некотором смысле подведением итогов развития советской историографии стали работы Л. В. Черепнина. Он нарисовал длительный и разносторонний процесс становления и развития древнерусского законодательства как законодательства феодального. Его возникновение он связывал с «уставом и законом русским» конца IX – начала X в. как «прототипом позднейшей Русской Правды», являющимся уже «законом классового общества». Следующим этапом, по его мнению, стало внедрение его в жизнь, дополнение княгиней Ольгой в середине X в. и создание «Устава земленого» в конце X в. Владимиром как ответ на усиление классовой борьбы. Древнейшая Правда у него выступала как своего рода «договорный акт, оформленный на собрании “воев”... имевшем полномочия веча», вызванный к жизни социальной борьбой 1015 – 1016 гг. Последующие статьи и редакции Русской Правды, согласно Л. В. Черепнину, появлялись как отражение стремления к «урегулированию столкновений в среде господствующего класса и подавлению выступлений народных масс». Л. В. Черепнин здесь начинает отходить от традиционного для советской историографии представления о феодальном государстве как об исключительном защитнике интересов господствующего класса и обращает внимание на его регулирующую функцию, где оно пусть и вынужденно, но принимает во внимание потребности иных, в том числе и низших, слоев общества, стремится найти договорные формы отношения как с населением в целом, так и с отдельными его группами.

Очевидно, что историографическая ситуация создает немало проблем для понимания многих правовых процессов на Руси, однако при всех существующих спорах и разногласиях сделанные исследователями выводы позволяют сформировать общее представление о правовой системе Древнерусского государства.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какой источник права появляется одним из первых у восточных славян? Что он собой представляет?
2. Что такое обычное право? Чем оно отличается от обычая?
3. Когда появляется княжеское законотворчество?
4. Что такое рецепция права? Как она повлияла на развитие древнерусского права?
5. Кем из князей были приняты первые церковные уставы? Какие нормы они содержали?
6. Как называется первый кодифицированный законодательный акт Руси?
7. Из каких редакций состоит Русская Правда? Кем и когда они были обнаружены и введены в научный оборот?
8. Что такое список Русской Правды? В какие группы они объединены?
9. Какие существуют в науке точки зрения на время происхождения Русской Правды?
10. Какие существуют в науке точки зрения на статус Русской Правды среди других источников древнерусского права?
11. Из каких частей состоит Краткая Правда?
12. Из каких частей состоит Пространная Правда?
13. Какие ученые занимались исследованием Русской Правды? Как изменялись подходы к её изучению с течением времени?

2.2. Развитие гражданского права

Вещное право

Под вещным правом понимается совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с принадлежностью объектов материального мира субъектам (*в объективном смысле*); юридически обеспеченная возможность лица осуществлять непосредственное господство над принадлежащей ему вещью в определённом объёме правомочий и требовать защиты этой возможности от любого нарушения (*в субъективном смысле*).

Центральным институтом вещного права является институт собственности. Русская Правда и другие источники не знают единого общего термина его обозначения. Причина, очевидно, заключается в том, что содержание этого права было тогда различным в зависимо-

сти от того, кто был *субъектом* и что фигурировало в качестве *объекта* права собственности. Хотя в зачаточном виде, но уже начинает различаться собственно собственность (в её экономическом смысле) как «состояние принадлежности» тех или других объектов собственности определённому субъекту, так и зачаточное «право собственности», возникавшее при регулировании фактически существующих отношений собственности действующими на то время нормами права.

Распределение вещей на движимые и недвижимые ещё не нашло в Русской Правде чётко определенного юридического оформления, однако статус движимости уже был определённым образом разработан и, как удостоверяет анализ статей Правды, довольно подробно. Движимые вещи носили общее название «*имения*» (того, что можно взять, «имати»). Для обозначения принадлежности вещи использовались притяжательные местоимения: мой, твой, его и т. д. В качестве объекта «имения» фигурируют одежда, оружие, кони, другой скот, орудия труда, торговые товары и пр.

Право частной собственности на них было полным и неограниченным. Собственник мог ими *владеть* (фактически обладать ими), *пользоваться* (извлекать доходы) и *распоряжаться* (определять юридическую судьбу вещей) до их уничтожения, вступать в договоры, связанные с вещами, требовать защиты своих прав на вещи, получать доходы от имущества и др. Таким образом, можно говорить, что собственность на Руси – весьма древний институт, считавшийся во времена Русской Правды объектом полного господства собственника.

Законодатель довольно чётко различал право собственности и право владения: собственник (ст. 13 – 14 Краткой Правды) имел право на возвращение своего имущества из чужого незаконного владения на основе строго установленной процедуры; различал при этом древнерусский законодатель уже и владение правомерное и неправомерное: виновному в незаконном овладении вещью, кроме обязанности возвратить вещь её законному собственнику, назначался ещё и дополнительный штраф в 3 гривны – за причинённую его действиями «оби́ду».

Можно предполагать, что субъектами права собственности в указанное время были все свободные люди (физические лица). В определенной мере к субъектам права собственности возможным будет отнести и закупа, поскольку известное постановление Правды от-

носителю права закупа отлучиться со двора своего хозяина ради отыскания (в т. ч. и заработка) средств для уплаты долга, дает основания считать, что имущество закупа выступало обособленным, так как он мог им распоряжаться по своему усмотрению.

Субъектами права собственности не могли выступать обельно-зависимые лица — челядь и холопы; однако относительно последних следует заметить, что такая их категория, как ролейные холопы, будучи «посаженными на землю», могли в отличие от обельных холопов иметь в своей собственности определенное движимое имущество, в то время как земля оставалась собственностью их хозяина.

Что же касается таких категорий населения Руси, как изгои, прощеники, пущеники, задушные люди и тому подобное, то принадлежность их или, наоборот, исключенность из круга субъектов права собственности в каждом частном случае определялась особо.

За причиненный имуществу ущерб назначался штраф. Возвращение вещей требовало свидетельских показаний и т. д. Причем можно утверждать, что охрана частной собственности усиливается от Краткой Правды (КП) к Пространной: если в первой величина штрафа зависела только от вида и количества украденного скота, то в последней (ст. 41 — 42) она определяется и местом совершения преступления (украден ли скот из закрытого помещения или с поля). Устанавливались и правовые привилегии усиленной защиты права собственности субъектов, которые представляли собой приближенных к князю лиц (ст. 1 КП).

Гораздо сложнее обстоит дело с *собственностью недвижимой* и в первую очередь с земельной собственностью. В Русской Правде ей посвящено всего несколько статей (ст. 34 КП, ст. 70 — 72 ПП), в которых устанавливается штраф в 12 гривен за нарушение земельной или бортной (пчельника) межи. О том, кому принадлежит земля (князю, феодалу или крестьянину), закон молчит, лишь упоминаются лица, которые жили на этих землях: тиун боярский (ст. 1), боярские холопы (ст. 46), боярские рядовичи (ст. 14). Большой размер штрафа вызвал предположение ряда исследователей о феодальном владении, скорее всего, княжеском. Но есть и другое мнение, что это могла быть межа любого конкретного индивидуального хозяйства или общих владений деревни, а значительный размер штрафа — лишь показатель уважения законодателем прав землевладельца. Существует также точка зрения,

что ст. 70 – 77 Пространной Правды отображают борьбу общины против «обояривания» и «окняжения» земли.

Можно предположить, что всякое владение имело свои четко определенные границы, утвержденные верховным собственником – князем, и знаки этих границ были неприкосновенными для других лиц, будучи защищёнными правовой нормой.

Известные на сегодня источники удостоверяют наличие в рассмотренный период также индивидуального крестьянского хозяйства, однако конкретно они указывают лишь на существование сел, погостов, вервей, весей – сельских населённых пунктов с компактными формами владения. Вероятно, что это соседские общины с индивидуальной формой собственности, дворовыми наделами и периодическими переделами пахотной земли.

Тем не менее Русская Правда в первой своей редакции не знает недвижимости как предмета сделок между живыми или на случай смерти, из-за земли ещё не возникало споров. Отношение к ней поначалу, как считал М. Ф. Владимирский-Буданов, было не юридическое, а фактическое. Землю занимали для скотоводства или земледелия, пользовались ею, пока она не истощалась, и переходили на другой участок. Первый же, по восстановлении производительных сил, становился достоянием другого лица. Существует также предположение, что поскольку каждое отдельное лицо было членом общины (или рода), именно община выступала в качестве юридического лица, в том числе и в праве владения землей. И лишь со временем в результате войн, выделения богатых общинников, дружинников и торговцев, появления капиталов личное начало одолевает общинное, и появляется индивидуальная собственность на землю.

Это мнение не является, однако, единственным. Ряд учёных, напротив, полагают, что укрепление общинных порядков последовало за индивидуализацией хозяйства и явилось результатом фискальной политики Московского государства.

Как бы то ни было, можно смело утверждать, что в XII в. земельная собственность существовала в виде княжеского домена, боярских и монастырских вотчин, общинной и семейно-индивидуальной собственности. Княжеский домен представлял собой конгломерат земель, принадлежавших лично князю. Князь через своих управляющих взимал там оброки, накладывал другие повинности,

распоряжался землями по собственному усмотрению. Известия о княжеских землях датируются уже X в.: княгине Ольге принадлежали сёла Олжичи, Будутино; Владимир владел селом Преславиным и населенным пунктом Берестово.

С конца X в. начинается и формирование домениальных владений удельных князей, чему в значительной мере оказывало содействие реформирование Владимиром порядка престолонаследования, вследствие которого все виднейшие древнерусские земли передавались в управление сыновьям великого князя. По определению П. П. Толочко, владения эти, конечно, были условными, их мог отобрать или заменить великий киевский князь в любой момент, но в то же время эти владения порождали и вотчинные претензии.

Большое значение имел фонд государственных земель, обложенных данью. Формировались они путем «окняжения» и военных захватов. Государственные земли охранялись на Руси веками и были важным источником пополнения казны.

Князья раздавали земли под условием службы, но условные держания могли быть не только в системе «князь – боярин», но и в самой боярской иерархии («боярин – боярин»). Княжеская раздача земель сопровождалась получением иммунитетов (права на совершение определенных, независимых от прямой воли князя действий в этих владениях) – в сфере судебной, финансовой, управления.

Очевидно, уже тогда существовали и внутрифеодальные договоры о земле и нормы, регулировавшие землевладельческие отношения. Но о том, как они выглядели, можно судить только по более поздним источникам.

Стоит обратить внимание на тот факт, что земельная собственность в Древней Руси начиная с XX в. большинством отечественных историков связывалась преимущественно с *феодализмом*.

Как отмечают А. В. Воронин и Р. К. Гайнутдинов¹⁷, в досоветской отечественной и современной историко-юридической науке феодализм рассматривается как характерная для западноевропейского Средневековья договорная система политико-юридических и военных связей среди знати (*феодалов*), основанная на предоставлении сюзереном (сеньором) пожалований своим вассалам в основном в форме земли и труда в обмен на политический и военный контракт службы,

¹⁷ Рубаник В. Е. Указ. соч. С. 177 – 181.

скрепленный присягой. Поскольку подобный контракт мог заключаться (и заключался) неоднократно, но уже на более низких уровнях иерархии (в такой системе вассалы «верхнего уровня», сохраняя свой вассалитет по отношению к вышестоящему сюзерену, сами, в свою очередь, становились сеньорами в отношении других (следующего уровня) вассалов (и так могло происходить несколько раз) – подобная система вошла в историческую литературу под названием *феодальной лестницы*), собственность на землю оказывалась раздробленной между всей группой совладельцев, сособственников, права на землю низших участников феодально-иерархической структуры оказывались разделены с высшими. При этом низший и самый многочисленный слой социальной структуры – крестьяне – исключались из числа признанных законом собственников земли (монополия на владение фео-дом признавалась лишь за военно-рыцарским сословием).

Однако, рассуждают А. В. Воронин и Р. К. Гайнутдинов¹⁸, возникнув как корпоративное совладение, фео-д постепенно все более приобретал черты индивидуально-семейной собственности с неограниченными правами прижизненного распоряжения со стороны конечного владельца-вассала. Конечно, определенные обязательства по отношению к сеньору сохранялись, однако с XII – XIII вв. баланс собственности радикально изменился в пользу первого: его платежи стали фиксированными, наследник при условии уплаты традиционного платежа вступал во владение фео-дом беспрепятственно, согласие сюзерена на отчуждение фео-да стало чисто формальным актом. Иными словами, фео-д все больше становился частной собственностью его владельца.

Формой организации сельскохозяйственного производства в этом случае являлись *поместья*. Некогда свободная сельская община превращалась в зависимую, а нередко и крепостную, в результате чего традиционные формы общинного землевладения оказывались средством контроля феодалов над крестьянством. Обладание правом собственности на земли общины (независимо от способа приобретения этого права: будь то насилие или «добросовестная» передача) позволяло организовать выполнение крестьянами полевых и домашних работ в хозяйстве господина – *домене* – и несение различных натуральных повинностей с помощью передачи им в пользование

¹⁸ Рубаник В. Е. Указ. соч. С. 178.

определенных участков земли, обработка которых, в свою очередь, обеспечивала средства существования крестьянской семьи. Верховная власть в данной местности позволяла феодалам облагать крестьян произвольными поборами, однако объем их, как правило, ограничивался установившимися обычаями. Со стороны своего господина крестьянин получал защиту от насилий чиновников и частных лиц, тягот военной службы, освобождение от старых долговых обязательств. Поэтому нередким был добровольный переход под власть феодалов свободных земледельцев, державших свои земельные участки на началах феодального права, т. е. за обязательство несения известных повинностей.

Организация пользования землей крестьянами в рамках поместья, как и раньше, строилась на общинных началах: принадлежавшая всей деревне земля делилась на мелкие участки, которые и распределялись между отдельными членами общины; в большей части общин производились периодические переделы земли; пастбище для скота было общим, ведение хозяйства каждого крестьянина подчинялось тем правилам, которые вырабатывались на общинных собраниях.

Такая форма феодализма порождала политическую раздробленность, окончательно сложившуюся в европейских государствах к IX в. Отсюда возникла *теория «феодальной революции»* X – XI вв., резко оборвавшей непрерывное развитие сохранившегося и после германского завоевания рабовладельческого строя и в течение одного столетия установившей феодальный порядок. Сторонники этой теории связывают феодальную революцию не с варварскими вторжениями или переворотом в аграрных отношениях, а с раздроблением государственной власти, которое нашло свое наиболее яркое внешнее выражение в массовом росте замков как центров политической власти и господства феодалов во всех странах Западной Европы. Эта теория рассматривает процесс возникновения феодализма как кратковременное событие, совершившееся за три-четыре десятилетия.

Естественно, что создание мощных централизованных государств в XV в. рассматривается как завершение феодализма, а следовательно, и Средневековья. Хотя, по мнению ряда западных историков, даже современность содержит в себе немало принципов феодализма, понимаемого как контрактная система отношений. Феодализм, как они утверждают, был встроен в систему обычного европейского

права и его основные принципы, типа опеки и брака, наследования и конфискации, продолжали существовать даже после того, как базирующаяся на них система военной службы исчезла. Причем особенно важно их сохранение в Англии, которая в XVII – XIX вв. распространила свою власть на значительную часть мира. Везде, где англичане обосновывались, они устанавливали свою систему обычного права и, таким образом, утвердили феодальные принципы во всем мире. Весь английский конституционализм, считают они, существенно феодален, поскольку основан на теории контракта в управлении. Даже Декларация независимости США XVIII в. в этом случае оказывается классическим образцом феодального неповиновения ввиду того, что принявший ее Конгресс, перечислив тиранические действия короля, объявил колонистов больше не связанными преданностью ему. Таким образом, и либерализм XIX – XX вв. обязан базисными предпосылками феодализму. Суммируя взгляды сторонников этой концепции, можно отметить, что феодальные идеи являются одним из основополагающих устоев современной западной цивилизации, сочетая полномочия власти со свободой посредством контракта.

В марксистской и основанной на ней советской историографии период Средних веков определяется как эпоха возникновения, развития и упадка феодального способа производства, основанного в первую очередь на феодальном частном землевладении, которое может существовать лишь в сочетании с мелким индивидуальным крестьянским хозяйством. Основная масса работников-крестьян при этом находится в той или иной форме зависимости от феодала-землевладельца и подвергается с его стороны эксплуатации, которая выражается в феодальной ренте (отрабочная, натуральная, денежная) и осуществляется с помощью различных средств внеэкономического принуждения – насилия. Поскольку подобные отношения продолжали господствовать во многих государствах и после XV в., то становится понятным стремление историков-марксистов продлить существование Средневековья.

Иными словами, в рамках первого подхода феодализм оценивается как система отношений в среде знати, элиты средневекового общества, в марксистской терминологии – система внутриклассовых отношений. Сторонники второго подхода стремятся увидеть главную особенность феодального строя во взаимоотношениях между знатью и низами, т. е. в отношениях межклассовых.

При всех различиях подходов можно, однако, отметить и очевидное сходство – признание значимости для характеристики этого периода аграрных (поземельных) отношений. Добавив к этому господство монополии, этой важнейшей черты средневековых отношений, можно определить основные признаки экономической системы этой эпохи, позволяющие ограничить данный период XVI столетием.

В отечественной историографии представление о средневековой Руси как феодальном государстве стало формироваться с начала XX в. благодаря в первую очередь трудам Н. П. Павлова-Сильванского. Однако если Павлов-Сильванский рассматривал русский феодализм в традиционных категориях западноевропейской науки, относя его преимущественно к удельному периоду, то со становлением марксистской историографии в СССР он начинает представляться в качестве феодальной общественно-экономической формации.

Одним из наиболее дискуссионных в советской исторической науке оказался вопрос о характере *собственности* на землю на Руси. Во многом расхождения объясняются различием в понимании категории «частная собственность»: одни рассматривали ее преимущественно в юридическом аспекте принадлежности определенным лицам, а другие в соответствии с марксистским подходом видели в ней прежде всего отношения между классами, основанные на присвоении и эксплуатации человека человеком.

Родоначальник марксистской концепции российского феодализма Б. Д. Греков, воспитанный, однако, на традициях досоветской исторической науки, исходя из «юридической» трактовки и полагая, что Древняя Русь полностью тождественна ее западноевропейским аналогам, рисовал картину крупного частнофеодального владения – *вотчины*, находящегося в полной собственности землевладельцев-бояр.

Однако более глубокое изучение источников показало явное несоответствие между предложенной Грековым схемой и реальностью раннесредневековой Руси. Не обнаружив здесь частных боярских владений и стремясь одновременно спасти идею русского феодализма, Л. В. Черепнин выдвинул концепцию государственно-феодальной частной собственности. Согласно этой концепции земля принадлежала не отдельным феодалам, а всему их совокупному классу, представителем которого выступало государство, обеспечивающее

перераспределение полученной от крестьян-земледельцев ренты. Такое понимание заметно более точно соответствовало марксистскому подходу.

Сближаясь с Б. Д. Грековым в «юридической» трактовке частной собственности и не находя в древнерусской действительности крупных частнособственнических владений, И. Я. Фроянов сделал прямо противоположный Л. В. Черепнину вывод об отсутствии феодальной собственности на Руси даже в XII – XIII вв. По его мнению, «господствующее положение в экономике Руси XI – начала XIII в. занимало общинное землевладение, среди которого вотчины выглядели словно островки в море»¹⁹.

По мнению А. В. Воронина и Р. К. Гайнутдинова, именно на основе некоего синтеза идей Черепнина и Фроянова можно попытаться найти ответ на вопрос о природе собственности на Руси. Если отказаться от стремления дать обязательно классовую ее характеристику, то вывод о верховной государственной собственности на землю при одновременном сохранении права на нее за земледельческими общинами (для Средневековья вообще характерны отношения совладения) выглядит вполне удачно отображающим картину существовавших отношений.

А. А. Горский отмечает, что отношения господства-подчинения, сложившиеся на Руси, назвать феодальными нельзя, так как они не тождественны сеньориальному строю с развитой вассально-ленной системой (классическая модель феодализма)²⁰. На Руси формируется военно-служилый слой во главе с князьями, получающий доход тремя способами: через распределение в системе государственных доходов; благодаря отправлению должностей в государственном аппарате; от собственных земельных владений, жалуемых князьями за службу. Горский подчёркивает, что здесь нужно говорить, в первую очередь, о функционально-сословном, а не экономическом факторе.

Основными способами приобретения права собственности на вещи были:

а) раздача князем земель за службу и для службы;

¹⁹ Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 317.

²⁰ Горский А. А. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. 2008. Т. 69. № 4. С. 24 – 25.

- б) освоение свободных земель («заимка»);
- в) прямой захват общинных земель («окняжение» и «обояривание» земли);
- г) гражданско-правовой договор (купля-продажа, дарение, мена);
- д) наследование;
- е) приплод.

Самым древним способом приобретения права собственности на землю была *заимка* – завладение свободной землей без строгого определения границ (а «куда соха, топор и коса ходили») владения. Главным же основанием существования права собственности на землю стали *давность владения* и *труд* (мы увидим это далее в нормах Псковской судной грамоты). Позднее к заимке прибавляются другие способы: прямой *захват* общинной земли, княжеские *раздачи* земель дружинникам, тиунам и церкви и, наконец, *купля*.

Как отмечает профессор В. Е. Рубаник²¹, подходы древнерусского законодателя к *защите права собственности* существенно различались в зависимости от того, что именно должно было выступать объектом защиты – движимость или недвижимое имущество. Главная цель механизма защиты права на собственность – это обеспечить её возврат законному собственнику и уплату штрафа в качестве компенсации на причинённую обиду.

Обязательственное право

Обязательство – это правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определённое действие (передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п.) либо воздержаться от определённого действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

Обязательственное право было достаточно хорошо развито в Киевской Руси. В Русской Правде были закреплены два вида обязательств (по основаниям возникновения): обязательства из договоров и обязательства из правонарушений (деликтов). Им посвящены статьи с 47 по 55 Пространной редакции. Отдельные упоминания договоров мы находим в ст. 37 – 38, 96 – 97, 110 ПП.

²¹ Рубаник В. Е. Зарождение отечественной традиции правового регулирования отношений собственности: право собственности в Русской Правде // Вопросы экономики и права. 2011. № 10. С. 12 – 22.

Все статьи этого раздела отсутствуют в Краткой редакции. Их возникновение относится, очевидно, к концу XI – началу XII в.

С. В. Юшков выделяет ряд характерных особенностей, присущих обязательствам того периода²²:

1) обязательства из причинения вреда (из деликтов) сливались с понятием преступления и именовались «обидой»;

2) обязательства вели к установлению прав не на действия обязанных лиц, а на личность (например, договор закупничества);

3) обязательство падало не только на обязанное лицо, но и на членов его семьи (как правило, на жену и детей);

4) система обязательств из договоров была весьма несложной, число договоров – незначительным;

5) лица, не исполнившие обязательств, превращались в холопов.

Существовавшая в Киевском государстве система договоров была весьма проста вследствие слабого развития гражданского оборота. Законодательству того периода известно несколько договоров: купли-продажи, займа, поклажи и личного найма.

Порядок заключения договоров обычно был устным и сопровождался рядом символических действий: рукобитием, связыванием рук, символической передачей вещи и т. п. В ряде случаев требовалось присутствие свидетелей. Изредка, по-видимому, использовалась и письменная форма заключения договоров (о недвижимости). При невыполнении обязательств должник отвечал имуществом или свободой.

Договор мены не упоминается ни в тексте Русской Правды, ни в других источниках того периода. Однако, как отмечает С. В. Юшков, мы не можем сомневаться в его существовании, так как мена является древнейшим из договоров и предшествует появлению купли-продажи. Видимо, здесь действовали нормы обычного права, поэтому мы не можем установить ни условий его заключения, ни прав и обязанностей сторон.

Больше данных мы находим о *договоре купли-продажи*. Большая часть статей посвящена купле-продаже холопов (ст. 32, 38, 110, 118 ПП). Для признания договора заключённым, необходимо было при-

²² Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. Т. 1. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 544 с.

существование свидетелей (послухов) и самого холопа (ст. 110 ПП). Также по смыслу статьи необходима была символическая передача монеты – ногаты – продавцу для признания договора действительным.

К. А. Неволин, трактуя ст. 37 Пространной редакции, отмечал, что купля-продажа обязательно должна была совершаться при свидетелях. Другой точки зрения придерживается М. Ф. Владимирский-Буданов, согласно которой наличие свидетелей было рекомендательной нормой, необходимой для того, чтобы избежать неблагоприятных последствий покупки краденой вещи, а не императивной. Так, например, при покупке коня необходимо было присутствие пятенщика, который «клат пятно» на покупаемую лошадь и взимал за это специальную пошлину.

Что же касается покупки краденых вещей, то этому посвящено несколько статей. Если кто покупал краденого холопа, не ведая о том, что он украден, а затем это обнаруживалось, то собственник («первый господин») брал своего холопа, а покупатель получал заплаченные за холопа деньги, но только после того, как присягал, что он не знал о краже холопа. Если же он покупал заведомо краденого холопа, то этот недобросовестный покупатель лишался этого права.

Добросовестный приобретатель краденых коня, скотины, одежды мог себя очистить простым свидетельством двух свидетелей или мытника, подтверждавших, что он купил данные вещи у определенного лица – виновника кражи, на которого переносилась ответственность. Но если он был не в состоянии указать, у кого он купил вещь, но все же утверждал, что он ее купил, а не украл, то факт покупки мог быть подтвержден присягой свидетелей. После этого собственник вещи берёт разысканную путём свода украденную вещь, но не может претендовать на возвращение того, что с ней пропало. Добросовестный приобретатель, поскольку он не знает, у кого купил и кто является виновником кражи, остаётся без возмещения убытков. Но если в конце концов он узнает, кто являлся виновником кражи, то он мог взыскать с него деньги, уплаченные за проданные вещи. Настоящий же собственник получает деньги за пропавшие вещи, а князю идёт продажа.

В Русской Правде отсутствуют какие-либо нормы, связанные с куплей-продажей недвижимости.

Довольно подробно регламентируется *договор займа*, что является показателем постепенного развития элементов товарно-денежных отношений в Киевской Руси. Анализ статей Правды показывает, что в Древней Руси существовало несколько видов займа:

- простой (бытовой) заём;
- заём, совершаемый купцами без послухов;
- закупничество – заём с самозакладом.

В статьях 47, 50, 51, 52, 53 и отчасти в ст. 55 говорится о так называемом простом займе, имевшем место между кредитоспособными людьми в случаях, когда они занимали друг у друга деньги, жито, мед и пр. Простой заем заключался обязательно в присутствии свидетелей-послухов (ст. 47, 50 и 52 ПП). Присяга свидетелей, по ст. 47 и 50, являлась основным условием для признания действительности договора займа. При этом, однако, ст. 52 содержит следующее исключение из общего правила, установленного ст. 47 и 50: если долг не превышал трех гривен кун, а у заимодавца нет свидетелей, то в случае возникновения спора заимодавец должен был идти к присяге. Но при долге свыше трех гривен кун свидетели были обязательны, ибо в противном случае закон лишал заимодавца возможности получить долг.

Заключение договора займа для должников влекло за собой уплату процентов, именовавшихся различно в зависимости от предмета займа (ст. 50 ПП):

- «резом», если брались взаймы деньги;
- «присыпом» – жито;
- «наставом» – мёд.

Размер узаконенных процентов был чрезвычайно велик и колебался в зависимости от срочности договора займа: на год (годовые проценты), на треть года (третные) и на один месяц (месячные). В соответствии с точным смыслом ст. 51, которая была робкой попыткой законодателя снизить размер процентов, месячный процент при краткосрочном займе не ограничивался, а устанавливался в соответствии с соглашением заимодавца с должником. Размер же годового процента определялся этой статьей «в треть», «на два третий», т. е. 50 %. По смыслу ст. 51 месячный рост допускался лишь при краткосрочных займах.

Широкие возможности для ростовщических операций предусматривала и ст. 50. Эта статья устанавливала общее правило, согласно которому срок взимания процентов при займе денег, хлеба, меда ничем не ограничивался («Кто отдает деньги в рост или мед в настав, или хлеб в присып, тому надлежит представить свидетелей; и как он при них договорился, так ему и брать рост»). Статья же состоит на страже интересов кредиторов и является показателем дальнейшего обнищания народных масс. Взимание непомерно высоких процентов в Киевском государстве превратилось в одну из самых жестоких форм эксплуатации социальных низов со стороны феодалов и особенно со стороны ростовщиков.

Эксплуатация торговой верхушкой и ростовщиками городских низов путем взимания с населения непомерно высоких процентов была одной из причин классовых столкновений. В этом отношении весьма примечательным является вспыхнувшее в 1113 г. в Киеве мощное восстание городских низов, своим острием направленное против торгово-ростовщической верхушки города. Приняв меры к подавлению этого грозного восстания и придя к власти, князь Владимир Мономах был вынужден провести ряд мер, направленных к сглаживанию противоречий. В этих целях в Уставе Владимира Мономаха была сделана попытка ограничения процентов. Об этом свидетельствует ст. 53, открывающая вторую часть Пространной Правды. Законоположение, закрепленное в этой статье, было выведено на съезде в селе Берестове после смерти Святополка и упомянутого нами восстания 1113 г. Постановления ст. 53 изменяют порядок взимания процентов, существовавший ранее. Согласно смыслу статьи заимодавец, дважды получивший третной процент, мог рассчитывать только на возвращение отданной в долг суммы, т. е. мог получить не более 200 % с отданной под процент суммы (два реза и возврат «истого», т. е. капитала, отданного в рост (два реза, т. е. 50 + 50 % и «истое» 100 %)). Если же он возьмет и в третий раз, т. е. получит трижды по 50 % («три реза»), то в дальнейшем лишается права требовать отданную им под проценты сумму. При этом рост предусматривался до 10 кун с гривны в год, т. е. 20 % (10 кун из расчёта 50 кун в гривне – 20 %). Но при всем этом ст. 53 лишь в очень незначительной степени смягчила жестокие условия взимания процентов, которые были установлены ранее. Статью 53 надо расценивать как чисто

декларативную уступку киевских феодалов, на которую они вынуждены были пойти после грозного восстания 1113 г., своим острием направленного против феодальной эксплуатации, закабаления, обнищания и разорения трудящихся масс города и деревни, кроме всех прочих бед опутывавшихся тонкой сетью ростовщических махинаций. Поэтому законодательство Владимира Мономаха может быть расценено не иначе, как политический маневр, направленный на смягчение классовых противоречий. Это признавали даже некоторые представители дворянско-буржуазной историографии, в частности А. Е. Пресняков. Последний пришел к выводу, что законодательство Мономаха «имело целью ввести в определенные рамки обострившуюся классовую борьбу и, поскольку оно ограничивает эксплуатацию меньшей братии, должно быть названо актом самозащиты социальных верхов перед напором раздражения черного люда»²³.

Статьи 48, 54 и 55 говорят о том, что наряду с простым займом в Киевском государстве существовал еще и особый вид договора займа, совершаемый между купцами («гостями») без свидетелей. Феодальный закон брал под особую защиту крупных купцов, принимавших участие в оптовой и внешней торговле и составлявших наиболее зажиточную верхушку городского населения.

Статья 48 свидетельствует о зачатках купеческих товариществ на вере, когда купцы ссужали своим сотоварищам деньги для ведения мелкой торговли в одном городе либо для ведения оптовой торговли в других городах. В статье выражено стремление феодального государства к развитию торговли путем облегчения форм торговых сделок между купцами. Если простой заём по общему правилу совершался при послухах, то при займе между купцами присутствия свидетелей не требовалось: присяга займодавца признавалась достаточной, чтобы без свидетелей решить дело в его пользу. Здесь закон явно оказывает покровительство купеческим организациям и купцам – кредиторам, дававшим деньги в «куплю» либо в «гостьбу» без особых свидетелей сделки.

В статьях 54 и 55 Русской Правды проводится достаточно четкое различие между разными видами несостоятельности должников в зависимости от наличия и степени злонамеренности последних.

²³ А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси. СПб, 1909.

Статья 54 различает два рода несостоятельности и в зависимости от ее причин устанавливает для должника различные юридические последствия:

а) несостоятельность, произошедшая не по вине самого должника, под действием непреодолимой силы (пожара, кораблекрушения, истребления имущества неприятелем): в таком случае следует обязательная рассрочка долга на несколько лет;

б) несостоятельность, возникшая по вине должника (пьянства, расточительности): в этом случае должник отдавался во власть кредитора, которому предоставлялось право либо отсрочить уплату долга, либо продать должника в рабство. В целом, ст. 54 предоставляет некоторые льготы обанкротившимся купцам, исключая случаи злого банкротства.

Статья 55 предусматривает конкретный случай несостоятельности, когда неплатежеспособный должник находился в долгу сразу у нескольких кредиторов. В этом случае обанкротившийся должник выводится своими кредиторами на рынок («на торг») и с публичного торга продается в рабство. Из вырученной от его продажи суммы удовлетворяются претензии кредиторов в порядке конкурса. На первое место закон ставит интересы князя, вслед за ним – интересы крупных иноземных или иногородних купцов, а остаток суммы подлежал разделу между остальными займодавцами.

Статьи 54 и 55 отражают, таким образом, одну из самых важных особенностей обязательственного права той эпохи – обязательства из договоров имели своим последствием установление прав на обязанное лицо. Мы видим здесь, что последствием договора займа было право кредитора на личность должника. Несостоятельный должник продавался на торгу в рабство и терял свободное состояние. А если учесть при этом, что действие ст. 54 распространяется не только на обанкротившихся купцов, но и, по мнению ряда исследователей, на любых должников, то не трудно понять, что продажа несостоятельных должников в первую очередь имела место в отношении должников-крестьян («смердов»), некогда свободных общинников, бравших ссуду у феодалов либо у зажиточных общинников. Тем самым долговая кабала способствовала процессу закрепощения крестьянства. Об этом красноречиво свидетельствует наличие в Киевской Руси института «закупничества».

Среди группы статей Русской Правды об обязательствах лишь одна, а именно ст. 49 в Пространной редакции, говорит о *договоре поклажи*, т. е. хранения чужих вещей. Это находит свое объяснение в сравнительно слабом еще развитии товарооборота в Киевской Руси. Из точного смысла статьи вытекает, что закон рассматривал поклажу как личную дружескую услугу, как благодеяние, имеющее скорее нравственное значение, чем обязательственное. Вследствие этого лицо, взявшее на хранение чужие вещи, по мнению законодателя, заслуживало особого доверия. Именно этим можно объяснить тот факт, что договор поклажи заключался в устной форме без свидетелей. В случае обвинения приемщика лицом, отдавшим на хранение свои вещи, в утайке этих вещей либо части их приемщик очищался от обвинения с помощью присяги.

Статей, в которых регламентируется *договор подряда*, в Русской Правде не так уж много. Говорит лишь о плате мостникам за сооружение и ремонт моста (Урок мостникам) и лекарю за лечение раны; более поздние списки содержат упоминание о плате портному. Наконец, в Карамзинском списке имеется статья, дающая возможность установить размер вознаграждения за годовую работу «женки с дщерью», а именно по гривне на лето.

Статьи о работе ратая (пахаря) и пастуха могут также относиться к найму: здесь идет речь о работе исполу, т. е. из части урожая («орание») или из части стада («приплода»). Точно так же и статья, говорящая о тиунстве: тиунами могли стать не только за денежную плату, «ряд» мог содержать и другие условия.

Можно, очевидно, говорить и о существовании в Древнерусском государстве договоров перевозки, а также комиссии. Русская Правда в ст. 54 упоминает о купце, который мог пропить, проиграть или испортить чужой товар, данный ему то ли для перевозки, то ли для продажи. Отчетливо виден договор комиссии в следующей статье, где иностранный купец поручает русскому продать на местном торге свои товары.

Что касается обязательств из деликтов, то, как уже было сказано, в Русской Правде ещё не существовало отличия гражданско-правового обязательства от уголовно-правового. Четкие границы между ними будут определены позднее в процессе формирования отраслей гражданского и уголовного права. В древнерусском законода-

тельстве обязательства из деликтов влекут ответственность в виде штрафов и возмещения убытков. Укрывающий холопа должен вернуть его и заплатить штраф (ст. 11 КП). Взявший чужое имущество (коня, одежду) должен вернуть его и заплатить 3 гривны штрафа (ст. 12 – 13 КП).

Наследственное право

Под наследственным правом понимается совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения, связанные с переходом наследственного имущества в случае фактической или юридической смерти наследодателя к его родственникам и/или лицам, указанным в завещании и в законе (наследникам).

Институт наследования в Древней Руси возник одновременно с появлением и упрочением института частной собственности. Первоначально порядок наследования регулировался нормами обычного права, ограничивавшими круг наследников лишь членами данной семьи (рода). В более позднюю эпоху светское законодательство провозглашает свободу завещательных распоряжений. Глава семьи по своему усмотрению мог завещать свое имущество одним членам семьи, а других лишать наследства.

В Русской Правде закреплены две формы наследования: по закону и по завещанию (ряду). В историко-правовой науке дискуссионным оказался вопрос о сущности завещания в эпоху Киевского государства. Одни (П. Беляев, М. Ф. Владимирский-Буданов) считали, что термин «ряд» используется не для обозначения завещательного распоряжения (завещания), в соответствии с которым наследодатель может изменять размеры долей наследников или вовсе лишать кого-то наследства, а обозначает распределение имущества между законными наследниками. Другие (К. А. Неволин, В. И. Сергеевич) писали о безусловной свободе завещания. Большинство современных учёных (С. Г. Трифонов и др.) сходятся во мнении, что общий принцип наследования, зафиксированный в Русской Правде, означал приоритет наследования по завещанию. Поэтому были возможны четыре варианта распоряжения наследственной массой:

- 1) разделить имущество в равных долях между всеми детьми;
- 2) распределить имущество в неравных долях;
- 3) отстранить кого-то из детей от наследования;
- 4) отстранить всех детей от наследования, завещав имущество церкви.

Статья 90 открывает раздел Пространной Правды (ст. 90 – 95, 98 – 109), почти полностью посвященный вопросам наследственного права.

В нормах Правды о наследовании ярко выражены принципы права привилегии. Ближайшее их рассмотрение показывает, что они устанавливают два отличных друг от друга порядка наследования – один для смердов, другой для бояр.

Статья 92 носит общий характер и содержит в себе указания на наследование по завещанию. Здесь мы видим, что воля умершего главы семьи, выраженная в форме завещания, признается законом в качестве главного начала, устанавливающего способ наследования. Закон предоставляет завещателю полную, неограниченную свободу распоряжения. Из этого следует, что завещатель не был ограничен каким-либо определенным кругом наследников. Выбор их зависел только от его воли: как разделит он при жизни, так тому и быть. В том же случае, если умерший перед смертью не оставлял завещания, то согласно второй половине статьи все его имущество в порядке наследования по закону переходило его детям. При этом под детьми закон подразумевал только сыновей («сестра при братьях не наследница»). Исключение составляла лишь та часть имущества, которая подлежала передаче церкви («выделить только часть на помин души»).

Регулированию порядка наследования по закону Русская Правда уделяет первостепенное внимание.

Как отмечалось, ст. 92 к наследникам по закону относил только сыновей. На вопрос о том, могли ли наследовать дочери в случае, если у умершего не было сыновей, отвечают ст. 90 и 91, которые устанавливают два различных порядка наследования дочерьми – один для смердов, другой для бояр.

Статья 90 устанавливает порядок наследования имущества смерда. В соответствии со смыслом всей статьи имущество смерда могут наследовать только сыновья. Имущество смерда, не оставившего после себя сыновей, согласно закону признавалось выморочным и шло князю; лишь некоторая часть имущества выделялась незамужним дочерям, если таковые имелись; замужние же дочери умершего смерда вовсе ничего не получали.

Статья 91 устанавливает порядок наследования имущества феодала. Имущество умерших бояр и дружинников, не оставивших сыновей, не наследовалось князем, а переходило по наследству дочерям без всяких ограничений. В более позднюю эпоху, по мере дальнейшего развития феодализма в стране, применение постановления ст. 91 было расширено. Она стала распространяться не только на феодалов, но и на белое духовенство, купцов, ремесленников, свободных общинников.

Статья 95 так же, как и ст. 91 и 92, отразила процесс развития института частной собственности в связи с углублением процесса феодализации и разрушением в стране старых, общинных отношений. Первая часть этой статьи отражает еще старое правило, свойственное общинному праву наследования, по которому женщины (сестры, дочери) наследственными правами не пользовались. Этому общему правилу в тех условиях вполне соответствовала вторая часть статьи – «но братья обязаны ее выдать замуж сообразно с их достатком». В этом смысле женщина, лишенная права наследовать после отца, могла рассчитывать на выделение ей лишь известной части из этого имущества в виде приданого, если она была не замужем. Что же касается замужних дочерей, то они из отцовского имущества вообще ничего не получали. Но в случае отсутствия братьев, дочь уже являлась наследницей (ст. 91).

Статья 93, подобно другим статьям о наследовании, основана на обычном праве. Согласно этой норме жена не может являться главной наследницей основной массы имущества своего супруга. Не пользуясь имущественной самостоятельностью при жизни мужа, жена тем более не могла иметь прав на это имущество после его смерти. Но если после смерти мужа жена-вдова не пожелает вступить во второй брак, то ей, помимо приданного, надлежит выделить часть того имущества, которую ей сам муж назначил при жизни в виде подарков и т. п. Получив в свою собственность известную долю (выдел), жена-вдова приобретала право управлять остальной, основной частью имущества до наступления совершеннолетия детей как законных наследников этого имущества.

Сходные по смыслу ст. 103 и 106 устанавливают порядок наследования материнского имущества.

Статья 103 содержит гарантии сохранности имущества матери-вдовы от притязаний детей. Полученное при выходе замуж в виде приданого имущество, как и имущество, полученное впоследствии от мужа в виде подарков и прочего, находилось в полном распоряжении матери. В отличие от порядка наследования отцовского имущества наследование материнского имущества не подлежит никакому законному ограничению. Мать может распорядиться своим имуществом по завещанию так, как она найдет нужным, поскольку на ее часть дети не могут иметь никаких притязаний. При этом мать могла разделить его между всеми детьми, но могла отдать его тому, у кого она жила накануне смерти, независимо от того, был ли это сын или дочь. Вторая половина этой статьи устанавливает порядок наследования материнского имущества по закону на тот случай, если мать умрет, не оставив после себя завещательного распоряжения («без языка»). В последнем случае ее имущество поступало в пользу тех сыновей либо дочерей, в доме у которых она жила и, следовательно, на содержании которых она находилась.

Статья 106 дополняет и развивает изложенные в ст. 103 положения, гарантирующие имущественные права матери-вдовы. Вопрос о наследовании материнского имущества эта статья решает в зависимости от отношения детей к матери при ее жизни. Согласно закону мать отдает свое имущество тому, который был к ней добрее, независимо от того, сын это или дочь. Право наследования было в таком случае как бы вознаграждением за сыновнюю или дочернюю заботу о матери. Статья представляет известный интерес в том смысле, что она закрепляет за дочерями право наследования материнского имущества даже при наличии у нее родных братьев, не говоря уже о тех случаях, когда таковые отсутствуют.

Статья 94 указывает на факт наличия в Древнерусском государстве раздельной собственности супругов. Переживший супруг (муж) не мог претендовать на получение части имущества покойной жены в порядке наследования. Его право ограничивалось лишь управлением этим имуществом. Имущество (приданое) первой покойной жены наследуют ее дети, и только они имеют право на это имущество. Это правило действует даже в том случае, если отец таких детей передал имущество их матери своей второй жене (мачехе). Тем самым закон исходит из возможности существования отдельного имущества детей.

Статья 104 говорит о порядке наследования сводных братьев от одной матери, но разных отцов. Каждый из таких сводных братьев должен был наследовать имущество своего отца.

Статья 98 свидетельствует о том, что в вопросе наследования Русская Правда уже знала деление детей на законных и незаконных, под которыми в данном случае ст. 98 подразумевает детей рабыни-наложницы, рожденных ею от господина. Согласно буквальному смыслу этой статьи после смерти отца они не могли наследовать его имущество, но зато вместе с матерью получали свободу.

В отличие от западно-европейского феодального права, предоставляющего преимущество в наследовании старшему сыну, Русская Правда (ст. 100) отдает предпочтение младшему сыну, поскольку двор отцовский всегда поступает последнему. Можно предполагать, что младший сын получал отцовский двор потому, что ему более всех других необходима была помощь, тогда как старшие сыновья еще при жизни отца и, конечно, не без его помощи съезжали со двора и обзаводились семьями и жилищами.

Статьи 99, 101, 102, и 105 Пространной Правды регулируют институт опеки в Древней Руси. По общему правилу опека над оставшимися после отца малолетними детьми не назначалась, если в доме оставалась их мать – вдова умершего.

Статьи 101 – 102 предоставляют право вдове-матери после смерти мужа оставаться в его доме, несмотря на протесты детей, и распоряжаться их имуществом с тем, однако, непременным обязательством, чтобы сохранить это имущество до наступления совершеннолетия детей. Никакого раздела имущества при этом не производилось. Но с достижением сыновьями совершеннолетия и с выходом замуж дочерей управление матерью отцовским имуществом прекращалось, и оно поступало в распоряжение сыновей. При этом вдова-мать сохраняла себе часть, завещанную ей покойным мужем, или свой выдел из семейного имущества. Дети обязывались законом выделить матери указанную часть имущества, не оказывать никаких препятствий к проживанию ее в отцовском доме и, более того, оказывать ей всяческое повиновение.

Если мать после смерти отца выходила замуж и таким образом теряла право на управление отцовским имуществом своих детей от

первого брака (ст. 99), то для малолетних детей назначался опекун из числа ближайших родственников, очевидно, с отцовской стороны. Ближайший родственник, принявший на себя опеку над детьми-сиротами, брал в свое управление их имущество до наступления совершеннолетия опекаемых.

Это делалось в присутствии свидетелей. Опекун принимал на себя известные юридические обязанности: основанием опеки служил принцип, согласно которому вверенное опекуну имущество малолетних с прекращением опеки должно быть возвращено последним по достижении ими совершеннолетия в целости и сохранности со всем приплодом от рабов и скота, в противном случае опекун должен был возместить все убытки. В порядке исключения из этого общего правила прибыль, извлеченная от продажи либо отдачи в рост имущества опекаемых, поступала опекуну.

Русская Правда предусматривает случаи, когда в качестве опекуна мог выступить и отчим. Статья 99 содержит прямое указание на то, что отчим может принять детей с наследством на тех же условиях опеки и с теми же обязанностями, что и их ближайший родственник. Вверенное в управление отчиму-опекуну имущество малолетних детей должно быть возвращено последним в целости и сохранности по достижении ими совершеннолетия, в противном случае надо было возместить все убытки, понесенные пасынками за время его опеки. Более того, обязанность отчима по отношению к пасынкам переходила после смерти отчима даже к его наследникам, ибо имущество детей следовало возратить полностью согласно показаниям свидетелей. Сын отчима-опекуна, при своей жизни растратившего какую-либо часть имущества своих подопечных пасынков, вместе с имуществом своего отца наследует и его обязательства перед этими пасынками. После смерти отца он должен возместить убытки, которые причинил отчим имуществу своих пасынков – его сводным братьям.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что понимается под вещным правом в современной юридической науке?
2. Что является центральным институтом вещного права?
3. Что понимается под собственностью в Русской Правде?

4. Знает ли Русская Правда деление вещей на движимые и недвижимые?

5. Какими правомочиями обладал собственник по Русской Правде?

6. Различались ли по Русской Правде право собственности и право владения?

7. Кто мог быть субъектами права собственности?

8. Что могло выступать в качестве объектов собственности?

9. Что являлось недвижимой собственностью по Русской Правде?

10. Какие основания возникновения права собственности закреплены в Русской Правде?

11. Что такое вотчины и поместья? В чём между ними разница?

12. Какими путями возникает земельная собственность?

13. Что такое феодализм и в чём его сущность? Можем ли сейчас говорить о существовании феодальных отношений в Древнерусском государстве? Почему?

14. Что понимается под обязательственным правом в современной юридической науке?

15. Какие виды обязательств были закреплены в Русской Правде?

16. Какие характерные черты обязательств в древнерусском праве выделяет С. В. Юшков?

17. Какие требования к заключению договоров существовали в древнерусском праве?

18. Какие виды договоров знала Русская Правда? В чём их особенности?

19. Какие виды займа знала Русская Правда? Охарактеризуйте их.

20. Какие виды несостоятельности знает Русская Правда? Каковы их юридические последствия?

21. Что понимается под наследственным правом в современной юридической науке?

22. Какие формы наследования знала Русская Правда?

23. Чем отличается порядок наследования у бояр и у смердов?

24. Что такое принцип минората?

25. Какие варианты распоряжения наследственной массой были у наследодателя?

26. Кто мог выступать в качестве наследников?

27. Какое имущество могло стать выморочным?

28. Какие нормы об опеке содержались в Русской Правде?

2.3. Развитие уголовного права

Большая часть статей в Русской Правде посвящена уголовному праву.

В тексте Русской Правды используется устоявшаяся дефиниция для обозначения понятия преступления – обида (например, ст. 4, 7, 11 КП, 34, 46, 47 ПП). Под обидой законодатель понимает причинение физического, материального или морального вреда одним физическим лицом (группой лиц) другому физическому лицу. Преступление рассматривается в первую очередь как нарушение частного интереса, а не публичного.

Под объектом преступления понимается то, на что направлено посягательство, чему причиняется или может быть причинён вред в результате совершённого преступления. Большинство исследователей Русской Правды к числу объектов уголовно-правовой охраны относят личность (жизнь, здоровье, честь, достоинство) и имущество.

В Русской Правде нет указаний ни на государственные, ни на должностные преступления. Однако, как отмечают исследователи (например, Н. Калачов), это не означает, что выступления против княжеской власти не наказывались, поскольку выполнение княжеских предписаний – необходимое условие нормальной деятельности государственного механизма.

Объектом уголовно-правовой защиты является жизнь только свободного человека – «людина» или «мужа» (В. И. Сергеевич). В дополнение к свободным субъектам древнерусского общества иностранцы, которых на Русской земле называют варягами, колбягами, чужеземцами и по-другому, также могли быть потерпевшими.

Жизнь и здоровье холопов и челяди в силу их бесправного положения законом не охранялись (ст. 17 КП). Их убийство и нанесение им телесных повреждений рассматривалось как уничтожение или порча имущества.

Предметом преступления могли быть самые разные вещи и животные: конь, оружие или одежда (ст. 13 КП, ст. 34, 37 ПП), челядин (ст. 16 КП), копьё или щит (ст. 18 КП), конь княжеский и конь смерда, кобыла, вол, корова, приплод скотины (ст. 28 КП, 42, 45 ПП), борть, пчёлы, мёд (ст. 32 КП, ст. 76 ПП), ладья (ст. 35 КП), голубь, курица, утка, гусь, журавль, лебедь (ст. 36 КП), пёс, ястреб, сокол (ст. 37 КП),

бобр (ст. 69 ПП), сено или дрова (ст. 39 КП, ст. 83 ПП), хлеб (ст. 43 ПП) и др.

При этом законодатель различает вещи, украденные у князя и смерда (например, конь).

Вторым элементом состава преступления является объективная сторона. Под ней понимается внешнее выражение общественно опасного посягательства, т. е. акт волевого поведения, совершаемый в объективном мире и причиняющий вред объекту посягательства либо создающий угрозу причинения вреда.

Обязательным признаком объективной стороны является деяние. Все преступления, зафиксированные в Русской Правде, выражены в форме действия «как наиболее радикальной формы общественно опасного воздействия человека на внешний мир»²⁴. С физической стороны оно может проявляться в определённых телодвижениях, жестах, произнесении слов. Законодатель использует следующие глаголы: «убьёт» (ст. 1 КП), «отсечёт» (ст. 4 КП), «ударит» (ст. 30 ПП), «украдёт», «выбьет» и т. д.

Русская Правда не предусматривает преступлений, совершённых путём бездействия. Однако, как отмечают некоторые исследователи (В. Е. Лоба, С. Н. Малахов), бездействием можно считать отказ или уклонение общины от поиска или выдачи преступника, если преступление совершено в её пределах или к ней привёл след. В этом случае на общину накладывалась дикая вира (ст. 3, 4 ПП).

В отдельных составах преступлений в Русской Правде определено наступление общественно опасных последствий:

– ст. 5 КП: «если кто кого ударит по руке, *и рука отвалится или отсохнет*, то платит 40 гривен»;

– ст. 27 ПП: «если кто ранит руку так, *что рука отпадёт или усохнет, или так же ногу, глаз или нос*, за то платит полувирые – 20 гривен, а раненому за увечье – 40 гривен».

Другие статьи, напротив, не дают никаких ссылок на наступившие противоправные последствия: «Если ударит мечом, *не вынув его из ножен, или рукоятью меча*, то платит 12 гривен штрафа» (ст. 4 КП); «Если кто толкнет другого от себя или рванет его к себе, *или по лицу ударит, или жердью*, а двое очевидцев то покажут, – платит

²⁴ Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI – XII вв. (по данным Русской Правды) : монография. Армавир : РИО АГПА, 2011. С. 65.

3 гривны продажи; если же обвиняемый будет варяг или колбят, то должно вывести полное число очевидцев, которые должны принести присягу» (ст. 31 ПП).

В отдельных случаях мы сталкиваемся с факультативными признаками объективной стороны – это место, время, способ, обстановка, орудия и средства совершения преступления. Следует обратить внимание на следующие моменты:

– некоторые нормы содержат указание на место совершения преступления: хлев, клеть, гумно, яма, поле: «Если кто крадет скот из хлева или что-либо из клетки, с того вора, буде он один крал, взыскивать продажи 3 гривны и 30 кун» (ст. 41 ПП), «Если скот, овцы ли, козы ли, или свиньи были украдены на поле, платить 60 кун продажи (штрафа в пользу князя); ежели воров было много, с каждого взыскать по 60 кун» (ст. 42 ПП), «Если покрадут хлеб с гумна или из ямы, сколько бы ни было воров, взыскать с каждого по 3 гривны и 30 кун продажи» (ст. 43 ПП);

– различались татьба, совершаемая по ночам, и татьба, совершённая в дневное время: «Если вора убьют у клетки или во время какого воровства, за это его не судить как бы за убийство пса; если же вора додержат живым до рассвета, то надо отвести его на княжеский двор. Если же вора убьют, а сторонние люди видели его связанным, то платить за то 12 гривен продажи» (ст. 40 ПП);

– по свойствам травмирующего предмета телесные повреждения делят на причиненные тупыми либо острым предметами: «Если ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то платит 12 гривен штрафа» (ст. 4 КП), «Если ударит (мечом) по руке и отвалится рука или отсохнет, то платить 40 гривен» (ст. 5 КП), «Если кого ударит палкой, или чашей, ли рогом, или тупой стороной меча, то платит 12 гривен» (ст. 25 ПП);

– орудия совершения преступления: батог, жердь, ладонь, чаша, рог, тупая сторона острого орудия: «Если кто ударит кого-либо палкой, жердью, рукой, чашей, рогом или мечом плашмя, то он платит 12 гривен; если потерпевший не настигнет его и не отомстит, то виновный платит штраф, и этим дело кончается» (ст. 3 КП).

– способ совершения преступления: Русская Правда знает убийство, совершённое в «сваде», т. е. в ссоре, и убийство, совершённое в разбое.

Древнерусский законодатель начинает выделять стадии реализации преступного умысла соответственно правосознанию рассматриваемого периода. Русская Правда начинает различать покушение на преступление и оконченное деяние. Так, ст. 30 Пространной Правды говорит об ударе мечом, в результате которого пострадавший остаётся жив («Если кто ударит кого мечом, но не убьет до смерти...»). В данном случае можно говорить о такой стадии неоконченного преступления, как покушение на убийство, когда происходит недоведение преступного посягательства до стадии оконченного преступления. При этом причины, помешавшие довести начатое преступное действие до его логического завершения, в законе не указываются.

В то же время древнерусский законодатель не ведал понятия «приготовление к преступлению» в современной трактовке²⁵.

Русская Правда не упоминает преступлений, совершённых повторно (т. е. рецидива). Однако М. Ф. Владимирский-Буданов предполагает, что в статье о конокрадстве речь идёт о воре-рецидивисте, так как клетный тать платит штраф в 3 гривны (а имущество, находящееся в клети, может в несколько раз превышать стоимость коня), а коневой тать (конокрад) выдаётся на поток и разграбление – высшую меру наказания.

Говоря о *смягчающих и отягчающих наказание обстоятельствах* по Русской Правде, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что они относились к личности виновного и потерпевшего. Так, к смягчающим обстоятельствам древний закон относил состояние опьянения преступника: «Но за убийцу, вкладывавшего в вирные платежи общины за других, община платит по раскладке только тогда, когда он совершил убийство в ссоре или *на пиру явлено* (т. е. в состоянии алкогольного опьянения)» (ст. 6 ПП).

Современные ученые (например, О. И. Чистяков) по данному вопросу высказывают следующее суждение: в убийстве на пиру имело значение не состояние опьянения, а элемент простой ссоры между равными по социальному статусу людьми. «Больше того, Русская Правда знает случаи, когда опьянение вызывает повышенную ответственность. Так, если хозяин бьет закупа под пьяную руку, то теряет этого закупа со всеми его долгами; купец, пропивший доверенный

²⁵ Лоба В. Е., Малахов С. Н. Указ. соч. С. 65.

ему чужой товар, отвечает не только в гражданском, но и в уголовном порядке, притом весьма строго»²⁶.

Как объясняет Л. Н. Гумилев, истоки снисходительного отношения к состоянию опьянения идут от русского обычая князя делить трапезу с дружиной. Этот обязательный ритуал скреплял дружбу князя с воинами, что являлось немаловажным. Кроме того, славяно-росы привыкли к хмельным напиткам, так как вино и пиво снимали усталость походов, но строгий ритуал пиров не допускал «буйства во хмелю». Отказ от традиции совместных пиров сулил князю потерю дружины, которая усмотрела бы в этом оскорбительное пренебрежение²⁷.

К обстоятельствам, отягчающим наказание виновного, Русская Правда относила социальное положение потерпевшего, и чем выше было положение последнего в обществе, тем строже наказание за содеянное. Огнищане (бояре, члены старшей дружины), верхушка княжеских слуг (тиуны, старшие конюшие) стали пользоваться усиленной уголовно-правовой охраной. Законодатель видел в таких действиях оскорбление правительственной власти и вообще большую опасность для государства. Так, по ст. 1 Краткой редакции за убийство любого свободного человека назначалась вира в 40 гривен. Аналогичное наказание назначалось по ст. 11 Пространной редакции и за убийство младших представителей княжеской администрации.

Но уже за убийство огнищанина – главного управляющего княжеским хозяйством «в обиду» – ст. 19 Краткой Правды – с убийцы взыскивается двойная вира – 80 гривен с одновременным запретом верви оказывать помощь виновному в сборе денег для уплаты виры.

По Пространной редакции за убийство «княжа мужа» (ст. 3, 12), представителя высшей прослойки княжеских слуг, также вводится двойной штраф, что, безусловно, позволяет в удвоении штрафа видеть обстоятельство, усиливающее наказание.

К этому перечню следует отнести и совершение преступления ночью, а также корыстный умысел. В ст. 38 КП, ст. 40 ПП закреплена важная позиция древнерусского законодателя относительно права

²⁶ История отечественного государства и права. Ч. 1 : учебник / под ред. О. И. Чистякова. М., 2006. С. 69 – 70.

²⁷ Лоба В. Е., Малахова А. С. Русская Правда: обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2015. № 4. С. 44.

владельца убить вора на своем дворе, у клети или хлева, но с единственным ограничением: убить можно только ночью и нельзя убивать связанного вора. Как видим, законодатель начинает дифференцировать татьбу, совершенную ночью, от татьбы в дневное время, введением более строгих санкций в отношении «ночного вора».

Третьим элементом состава преступления является субъект. Под субъектом преступления в современной уголовно-правовой доктрине понимается лицо, совершившее преступление и способное нести уголовную ответственность, обладающее признаками, установленными в законе.

Субъектом преступления по Русской Правде могли быть любые физические лица (за исключением холопов), обладающие свободной волей и сознанием, независимо от половой принадлежности. Причём не только коренные жители, но и иностранцы.

Весьма важная правовая позиция об ответственности иностранцев высказана в ст. 11 Краткой редакции, регламентирующей ответственность за укрывательство иностранцами сбежавшего от хозяина челядина.

Деяние, совершенное холопами, не считалось преступлением и не влекло за собой наказания (так как холопы считались вещью, т. е. объектом). Правда, имелось преступление, которое имело последствия и для холопа. Это личная обида, нанесенная свободному человеку. Однако эта норма в редакциях имеет различные санкции. По тексту Краткой редакции господин обязан уплатить за него 12 гривен – цену, которой он откупался от мести, грозившей ему со стороны оскорбленного человека в случае невыдачи своего холопа. Что касается последнего, то при первой же встрече оскорбленный мог отомстить ему за обиду нанесением побоев и, поскольку закон не налагает при этом никаких ограничений, фактически вправе убить его. Но из ст. 65 Пространной редакции следует, что такого холопа можно публично высечь или взять с его господина гривну кун.

Русская Правда иногда защищает здоровье лиц с ограниченной правоспособностью. Ярким примером является ст. 62 Пространной редакции, согласно которой закуп может быть побуждаем к работе побоями. Если же господин злоупотребляет этим своим правом, то закуп может обратиться в суд, который должен взыскать с господина за самоуправство продажу как за избиение свободного.

Вне правового поля оказалась ситуация, связанная с ответственностью за убийство закупа. «Налицо парадокс: ответственность за избиение закупа предусмотрена, а за его убийство – нет. Как и чем был заполнен этот пробел, можно лишь гадать. Наиболее вероятным вариантом восполнения этого пробела могло быть обращение к использованию аналогии об ответственности за убийство закупа как за свободного человека»²⁸.

Русская Правда ничего не говорит о минимальном возрасте привлечения к уголовной ответственности. Многие исследователи древнерусского права (в частности, В. В. Момотов²⁹) приходят к выводу о том, что этот вопрос был тесно связан со средневековыми понятиями о возможности совершения греха. Для человека того времени грешить и совершить преступление значило фактически одно и то же. А по каноническому праву уже с 7 лет появляется способность грешить и, соответственно, отвечать за свои поступки.

Не исключено, что преступления, совершенные малолетними и лицами старческого возраста, в период действия Русской Правды и позже, вплоть до Уложения 1649 г., рассматривались церковным судом и по законам церкви.

Русской Правде был также известен и институт соучастия. Однако понимает она его в самом примитивном виде как преступление нескольких лиц, добровольно объединившихся для достижения общей преступной цели. Численность участников группового преступления законом определяется словами «много» и «а их будет 10...». Не выделяются формы и виды соучастия, ответственность соучастников не индивидуализируется, все они наказываются одинаково вне зависимости от их роли в совершении преступления (соисполнительство, пособничество, укрывательство) (ст. 121 ПП).

Русская Правда еще не знает понятия вменяемости – невменяемости.

Четвёртый элемент состава преступления – субъективная сторона. Под ней понимается психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям, характеризующееся виной, мотивом, целью.

²⁸ Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси XI – XII вв. (по данным Русской Правды) : монография. С. 77.

²⁹ Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв. М. : ЗЕРЦАЛО-М, 2003. С. 167.

Русская Правда знала две формы вины – умышленную и неосторожную. Различались:

- убийство огнищанина в обиду (ст. 19 КП);
- убийство «на разбой без всякой свады» (ст. 7 ПП), т. е. предумышленное разбойное действие;
- злостное истребление имущества (каралось достаточно высоким штрафом в 12 гривен);
- убийство «в сваде или в пиру явлено» (ст. 6 ПП), т. е. неумышленное, в состоянии алкогольного опьянения и др.

В тексте памятника отсутствует определение наказания и его целей. Анализ текста позволяет определить формулировку наказания как меру княжеского и частного воздействия, назначаемую за нарушение определенного запрета и состоящую в определенных неблагоприятных последствиях для виновного лица.

Общепризнанной является точка зрения, что первоначально целью наказания являлось возмездие, воздаяние за содеянное (равное за равное: око за око, зуб за зуб, кровь за кровь), а в последующем – восстановление нарушенного социального права. Судя по тексту Русской Правды, законодатель полагал, что нарушения права слишком грубы и слишком очевидны, поэтому нужно лишь найти только меру, которой бы определялась степень обиды. Нужно, чтобы эта мера была установлена твердо и постоянно.

В Русской Правде представлена система композиций, т. е. денежных возмещений родственникам убитого или потерпевшему за нанесенные ему телесные повреждения. При этом штраф выплачивался и в пользу князя.

Если их условно расположить от меньшей степени репрессивности к большей, то они могут быть представлены следующим образом: урок, продажа, головничество, вира, поток и разграбление, месть.

Урок – это установленное судом денежное взыскание в пользу потерпевшего за причиненный «обидой» ущерб.

Урок, равный 30 резанам, по Краткой редакции взимался, в частности, за хищение ладьи, утки, гуся, журавля, лебедя – ст. 35, 36 КП.

По Пространной редакции урочная плата, например, составляла: за отрубленную в вооруженной схватке руку, ногу или выколотый глаз, вследствие чего утрачена возможность ими пользоваться, –

10 гривен – ст. 27 ПП; отрубленный палец, удар мечом, не повлекший смертельного исхода – 1 гривна – ст. 28, 30 ПП.

В некоторых нормах отсутствует точная величина урочного платежа. Так, если кто безвинно убьет холопа, должен заплатить хозяину урочную цену – ст. 89 ПП. Видимо, в подобных случаях величина урока определялась судебским усмотрением исходя из ценности для хозяина холопа или рабы.

Продажа – денежное взыскание в пользу князя, размер которого определялся в зависимости от тяжести «обида». Продажа по Краткой редакции взималась, например, за хищение чужого пса, ястреба или сокола – 3 гривны – ст. 37 КП; голубя, курицы, сена, дров – 9 кун – ст. 36, 39 КП; ладьи, утки, гуся, журавля, лебедя, овцы, коз, свиньи – 60 резан – ст. 35, 36, 40 КП.

Размеры продаж в Пространной редакции следующие: за кражу чужого холопа, убийство связанного вора у клетки, убийство чужого холопа или рабы «без вины» – 12 гривен – ст. 38, 40, 89 ПП; оскорбление в форме вырывания волос из бороды – 12 гривен – ст. 67 ПП; нетяжкие преступления против здоровья – от 3 до 12 гривен – ст. 23, 25, 28, 29, 30, 31, 68 ПП; укрывательство чужого челядина, незаконное пользование чужим конем – 3 гривны – ст. 32, 33 ПП; угрозу обнаженным мечом – 1 гривна – ст. 24 ПП. Как видим, платеж продажи был различен, смотря по преступлению, но не превышал 12 гривен кун.

Головничество – денежное взыскание в пользу семьи убитого, если родственники отказывались от мести. Несомненно, что оно возникло из обычая, который именуют ее как «выкупать у обиженного свою вину»³⁰.

По мнению большинства исследователей, она соответствовала размеру виры – 40 гривен. При этом князь в любом случае также взимал с убийцы виру в размере 40 гривен.

Вира – денежное взыскание в пользу князя, которое назначалось за убийство свободного человека.

Диапазон вирных платежей составлял за огнищанина, подъездного княжи, княжого мужа, княжеского тиуна, старого конюха – 80 гривен – ст. 19, 22, 23 КП; тиуна боярского, гридина, купца, меч-

³⁰ Депп Ф. О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича. Историческо-юридическое рассуждение. СПб., 1849. С. 7.

ника – 40 гривен; княжеского сельского старосту, ратайного старосту, кормилицу и кормильчика – 12 гривен – ст. 24, 27 КП; княжеского и боярского рядовича, смерда, холопа – 5 гривен – ст. 25, 26 КП.

Величина виры по Пространной редакции постоянна: за княжего мужа, княжеского тиуна, огнищного и конюшего тиуна – 80 гривен – ст. 1, 3, 12 ПП; за лиц привилегированных – 60 гривен; за свободных людей, княжеского слугу, конюха и повара – 40 гривен – ст. 1, 11 ПП; за свободную женщину – 20 гривен – ст. 88 ПП; сельского и ратайного тиуна, ремесленника и ремесленницу, кормильца и кормилицу – 12 гривен – ст. 13, 15, 17 ПП; раба – 6 гривен – ст. 16 ПП; смерда, холопа, княжеского и боярского рядовича – 5 гривен – ст. 14, 16 ПП.

Вира взыскивалась не всегда с одного преступника, но иногда с общины – верви, на территории которой было совершено убийство; в таком случае она называлась «дикая» вира и взыскивалась в следующих случаях. Во-первых, если убийца неизвестен. Во-вторых, если убийца известен, но вервь не хочет его выдавать. В этом случае, вервь имела право платить дикую виру в рассрочку – ст. 3, 4 ПП. В-третьих, если убийца известен и является членом верви, ранее участвовавшим в денежной складчине для общих выплат от имени верви, тогда вервь помогает преступнику в выплате виры в 40 гривен или сама платит за него.

Поток и разграбление – высшая мера наказания по Русской Правде. Могла назначаться только за три преступления: убийство «в разбое» – ст. 7 ПП; за кражу коня – ст. 35 ПП, поджог гумна и дома – ст. 83 ПП. Чрезвычайно суровую правовую позицию древнерусского законодателя относительно двух последних деликтов М. Б. Свердлов справедливо объясняет тем, что в случае их совершения они угрожали пострадавшим гибелью, поскольку похищался тяглый рабочий скот земледельца, гибло зерно – основной продукт питания людей и их скота, в случае поджога дома люди оставались без крова³¹. Несомненно, что пожар для деревянных строений дома был поистине страшным бедствием. Последствием разгула огненной стихии являлось полное разорение двора.

³¹ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 153.

«Разграбление» безусловно означало конфискацию всего имущества преступника. По поводу понимания того, что являлось «потоком», существуют несколько точек зрения:

- изгнание из общины;
- превращение в холопа;
- смертная казнь.

Большинство авторов считают, что на ранних этапах формирования государства применялось изгнание из общины. На последующем этапе преступников стали превращать в холопов.

Исторически обусловленным является наличие в тексте Русской Правды мести как особого вида наказания.

Дело в том, что зарождающаяся государственная власть была еще слишком слаба, а стародавний обычай довольно силен. Этим и объясняется, что в какой-то период времени власть, считаясь с существованием мести – древнего обычая, трансформирует ее в месть – предписание закона.

Однако по мере того как создается идея соответствия между карой и родом обиды, постепенно суживается круг тех противоправных деяний, за которые можно мстить смертью.

Правовую основу сохранения древнего принципа кровной мести, уже носившую послесудебный характер, со строго персонифицированным кругом субъектов (родственников), имеющих право применять эту норму, составляет ст. 1 Краткой редакции (ст. 1 Пространной редакции).

В тех случаях, когда мстителей не было, устанавливается вира в размере 40 гривен и дается список лиц, за которых платится вира. За их пределами месть превращается в преступление. Русская Правда ничего не говорит о формах совершения кровной мести.

Норма, содержащаяся в ст. 2 Пространной редакции, свидетельствуют о том, что съездом Ярославичей (сыновей Ярослава Мудрого) кровная месть, ранее санкционированная властью, уступив времени и влиянию лучших нравственных и политических условий, была отменена и заменена денежными взысканиями при сохранении остальных юридических установлений Ярослава Мудрого.

Русская Правда выделяла лишь две родовые группы преступных деяний – преступления против личности и имущественные преступления. Отсутствовали указания на государственные, должностные и

другие преступления. Но каждая родовая группа включала разнообразные виды преступных деяний.

Среди преступлений против личности наибольшее внимание уделялось убийству. Статьи 1 – 21, 88 – 89 Пространной Правды устанавливают ответственность за убийство и закрепляют ряд важных процессуальных моментов, связанных с рассмотрением дел об убийстве.

Статьи об ответственности за убийство чрезвычайно ярко отражают те глубокие социальные сдвиги, которые произошли в жизни древнерусского общества ко второй половине XI в. в связи с дальнейшим развитием феодализма и углублением классовых противоречий.

В этих статьях ясно и четко выражены основные принципы феодального права – права привилегии.

Статья 1 (ср. ст. 1 КП) свидетельствует о том, что в течение известного периода князья вынуждены были считаться с существованием ряда древних обычаев славян и, в первую очередь, с обычаем кровной мести за убийство и некоторые другие обиды. Этим объясняется то, что правящая верхушка Древнерусского государства первоначально вынуждена была санкционировать альтернативную систему наказаний за убийство. Так, в принципе законодатель допускает самую возможность кровной мести за убийство, но в то же время уже ограничивает круг мстителей точным перечислением в законе ближайших родственников убитого. При отсутствии мстителей либо нежелании ближайших родственников убитого мстить убийце закон устанавливает денежный штраф за убийство – виру. Вира взыскивалась за убийство свободных людей и поступала в пользу князя. Но в отличие от древнейшей редакции Русской Правды – Правды Ярослава (см. ст. 1 КП), устанавливавшей равное для всех наказание за убийство всякого свободного человека независимо от его социальной принадлежности (денежный штраф в размере 40 гривен), ст. 1 Пространной Правды устанавливает уже разное наказание за убийство в зависимости от общественного положения убитого (денежный штраф в размере 40 или 80 гривен). Это явилось прямым результатом дальнейшего классового расслоения, углубления классовых противоречий и обострения классовой борьбы, происходивших в древнерусском обществе на протяжении всей первой половины XI в.

Статья 2 (ср. ст. 1 КП) знаменует собой новый крупный шаг на пути дальнейшего развития русского феодального права. Она говорит об отмене кровной мести и замене ее выкупом деньгами во второй половине XI в., после смерти Ярослава. При назначении денежного штрафа строго учитывалась классовая принадлежность убитого. Жизнь свободного человека, а тем более феодала, охранялась в несравненно большей степени, чем жизнь людей феодально-зависимых. Так, за убийство «княжа мужа», т. е. человека знатного, приближенного князя (ст. 3), а также и виднейших представителей дворцово-вотчинной системы управления – тиуна огнищного (управляющего княжеским хозяйством) и тиуна конюшего (управляющего княжескими конюшнями – ст. 12) устанавливалась двойная вира в размере 80 гривен. За убийство всех других свободных людей, а также младших княжеских дружинников, представителей княжеской администрации и младших княжеских слуг Пространная Правда предусматривает в качестве наказания простую виру, т. е. 40 гривен (ст. 1, 11). За убийство свободной женщины взыскивалась половина виры, предусмотренной за убийство свободного мужчины, т. е. 20 гривен (ст. 88).

Убийство феодально-зависимого человека влекло за собой значительно меньшее наказание (за смерда, рядовича, холопа – 5 гривен, рабыни – 6 гривен – ст. 14, 16). За убийство холопов, занимавших какие-либо должности – сельских или пашенных тиунов, воспитателей, кормилиц или знавших ремесло – предусматривалось повышенное возмещение – 12 гривен (ст. 13, 15, 17). За убийство всех категорий холопов взымалась не вира, а только денежное возмещение, поступавшее владельцу холопа (ст. 89).

Статьи 3 – 8 и 19 содержат постановления о «дикой», или «повальной», воре. Последняя взыскивалась не только с преступника, а и с верви, к которой он принадлежал.

Община уплачивала дикую виру, если при совершении убийства в разбое она отказывалась искать преступника (ст. 3). В этом случае уплата общинной виры рассрочивалась на несколько лет (ст. 4).

Но в принципе при разбое община не была обязана платить за убийцу, а должна была его вместе с женой и детьми выдать князю для наказания потоком и разграблением.

Община уплачивала дикую виру при совершении простого убийства, т. е. убийства в ссоре или на пиру открыто, если преступник состоял с членами верви в круговой поруке (ст. 6). В этом случае наступала обязанность верви платить сообща с преступником виру. Вознаграждение же потерпевшим (головничество) платил сам преступник (ст. 5).

Вервь освобождалась от уплаты виры, если на ее территории обнаружат мертвое тело неизвестного человека, которого никто не опознает (ст. 19).

Обязанность общины помогать преступнику в уплате виры наступала только тогда, когда преступник «вложился» в дикую виру, т. е. когда он и сам ранее участвовал в платежах дикой виры за других по раскладке (ст. 5, 6). Если он не «вложился» в дикую виру, то и ему в уплате виры община не помогает, а он сам ее платит (ст. 8). Стало быть, чтобы рассчитывать на помощь общины, надо было прежде всего быть лицом имущественно состоятельным.

Институт дикой виры был вовсе не известен Правде Ярослава. Появление и довольно подробная регламентация его в Правде Ярославичей были вызваны развитием феодализма и связанным с ним дальнейшим социальным расслоением общины.

Статьи 9 – 10 говорят о «Поконе вирном». Покон вирный – постановления Русской Правды о вознаграждении чиновников княжеско-административного аппарата. Здесь, как и в некоторых других статьях, перечислены источники доходов различных низших судебных и административных должностных лиц (вирников, мечников, метельников и др.), получаемых ими как деньгами, так и натурой – хлебом, пшеном, мясом, рыбой, фуражом для своих лошадей.

В отличие от ст. 42 Краткой Правды Пространная Правда увеличивает вдвое денежную пошлину вирнику в связи с установлением двойной виры (ст. 10), а также уточняет обязательства населения по поставке натурального довольствия агентам княжеского административно-судебного аппарата.

Статьи 18, 20, 21 и 22 регулируют ряд важных процессуальных вопросов, связанных с рассмотрением дел об убийстве, а в некоторых случаях и других видов преступлений.

Статья 18 говорит о «поклепной вире», т. е. об обвинении в убийстве по подозрению. «Поклеп» представлял собой начало обви-

нительного процесса по делам об убийстве, когда это обвинение не могло быть доказано обычным путем с помощью вещественных доказательств (поличного) либо свидетелей факта («видоков»). Чтобы отвести от себя обвинение, ответчик должен был представить семь свидетелей («послухов»), а если он будет иностранец, то достаточно и двух. Послухи опровергали обвинение в убийстве.

Статья 20 указывает на последствия «свержения виры», т. е. на последствия оправдания заподозренного в убийстве. В этом случае обвиняемый (ответчик) и обвинитель (истец) платили помощнику сборщика виры (отроку), разбиравшему их дело, судебную пошлину в размере одной гривны каждый. Помимо этого обвинитель платил посаднику, т. е. княжескому наместнику в городе или вирнику за обвинение в убийстве особую пошлину в размере 9 кун, называвшуюся «помечным».

Статья 21 посвящена одному из видов судебных доказательств – так называемым ордалиям, т. е. испытаниям железом и водой. В том случае, когда при поклепном иске об убийстве ответчик не найдет свидетелей, а истец продолжает поддерживать обвинение в убийстве, закон предписывает «решать их дело посредством испытания железом» как высшим судом божьим, минуя низшее – «роту» (присягу) и «воду» (испытание водой). Обвиняемый (ответчик), отвергая обвинение в смертоубийстве, должен был доказать свою невиновность испытанием железом и таким образом «свергнуть» виру.

Статьи 23 – 31, 65, 67 – 68 и 78 Пространной Правды содержат в себе постановления закона о телесной неприкосновенности и чести.

Русская Правда знает несколько составов преступления против телесной неприкосновенности: нанесение ран обнаженным мечом, удары обнаженным мечом, рукоятью меча (ст. 23 и 24), палкой, жердью, чашей, рогом, рукой и т. д. (ст. 25). Из всех известных ей видов телесных повреждений наиболее тяжким она признает членовредительство. Подобно другим кодексам эпохи феодализма Русская Правда довольно подробно регламентирует повреждение той или иной части человеческого организма, устанавливая уголовную ответственность за лишение либо повреждение руки, ноги, пальцев, носа, глаза (ст. 27 и 28).

В отличие от Правды Ярослава, которая еще в определенных случаях допускала кровную месть как за убийство, так и за членовре-

дительство и нанесение побоев, Правда Ярославичей окончательно запретила месть за какие бы то ни было обиды вообще, за членовредительство и нанесение побоев в частности. В то же время вместо штрафа в размере 40 гривен, предусмотренного в Краткой Правде, ст. 27 Пространной Правды назначает лишь «полувирье» в размере 20 гривен в пользу князя и 10 гривен потерпевшему за увечье.

Статья 29 (ср. ст. 2, 30 КП), основываясь в целом на ст. 2 КП, по сравнению с последней вводит много нового. В ней, как и в предшествующих статьях, штраф «за обиду» заменяется новым штрафом — «продажей» и предусматривается наказание зачинщику драки. Эта статья носит процессуальный характер и указывает на процессуальные моменты, связанные с рассмотрением данной категории дел. С процессуальной точки зрения в статье нетрудно различить две части: а) факты причинения увечья доказываются либо знаками на теле потерпевшего («знамение»), либо путем свидетельских показаний («видоков»); б) установление наказания действительному зачинщику драки, каковым признается тот, кто первый нанес удар. Если же избитый человек был зачинщиком драки, то вознаграждения ему не присуждалось.

Статьи 26 и 30 не основаны на нормах Краткой Правды и являются новыми.

Статья 26 освобождает от ответственности лицо, нанесшее удар мечом в отместку за нанесенную обиду.

Статья 30 устанавливает ответственность за нанесение ранений ударом меча: а) когда от удара меча смерть не наступала, виновный платил 3 гривны князю, гривну в пользу раненого и гривну на лечение; б) когда от удара меча наступала смерть, виновный платил виру, т. е. подвергался такому же наказанию, как за убийство.

Штраф в пользу князя («продажа») и материальная компенсация за увечье были также установлены за выбитие зуба (см. ст. 68).

Если все вышеперечисленные статьи о телесной неприкосновенности касались ответственности свободных людей, то ст. 65 и 78 устанавливают ответственность холопов и смердов за аналогичные преступления.

Статья 65 (ср. ст. 17 КП) принадлежит к нововведениям Ярославичей, принятыми ими после восстания 1068 — 1071 гг., и тесно связана с отменой права кровной мести. При Ярославе за раба,

нанесшего удар свободному мужу и скрывавшегося в хоромах своего господина, последний обязан был платить 12 гривен. Закон разрешал потерпевшему при последующей встрече с рабом убить обидчика. После смерти Ярослава убийство раба, ударившего свободного мужа, было запрещено. Такого раба уже нельзя было убить, но его можно было публично наказать либо взять за бесчестье штраф.

Статья 78 (ср. ст. 33 КП) говорит об ответственности за истязание смерда и огнищанина.

Смерды – общее наименование крестьян-общинников в Древней Руси. С разложением общинных отношений и установлением феодальной собственности на землю смерды к XI в. стали попадать в зависимость от феодалов – князей, бояр и церкви.

Статья 78 явилась результатом переработки ст. 33 Краткой Правды. Если ст. 33 Краткой Правды устанавливала ответственность за истязание смерда без княжеского повеления со стороны любого лица, то ст. 78 предусматривает ответственность лишь в случае истязания смерда со стороны смерда. Смерд, которого имеет в виду ст. 78, еще сохраняет свободное состояние в отличие от смердов, в ходе развития феодальных отношений утративших его и тем самым вышедших из-под княжеской юрисдикции. Всем этим защита от самоуправства сводилась только к тем случаям, когда оно исходило от представителя того же класса, к которому принадлежал и потерпевший. Открывая широкие возможности для произвола в отношении смердов со стороны феодалов и представителей государственной власти, закон одновременно устанавливает высокий уголовный штраф для смерда за покушение на честь и достоинство огнищанина, т. е. зажиточного человека.

Одной из особенностей Русской Правды, как и подавляющего большинства других феодальных кодексов вообще, являлось то, что причинение побоев она рассматривала как более тяжкое преступление, чем нанесение ран с помощью оружия. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить ст. 28 и 30 со ст. 25. Мы видим здесь, что за отсечение пальца или вообще нанесение раны мечом назначалось взыскание в размере трех гривен продажи, тогда как за нанесение удара палкой, чашей, рогом либо тыльной стороной меча, либо иным предметом виновный платил денежное вознаграждение в размере 12 гривен.

Из преступления против чести, к каковым обычно относятся оскорбление действием и оскорбление словом, Русская Правда в ст. ст. 31 и 67 указывает лишь на оскорбление действием. В этих статьях содержатся два вида оскорбления действием: а) толкание кого-либо к себе или от себя, нанесение удара по лицу и удар жердью (ст. 31); б) вырывание волос из бороды (ст. 67). В первом случае виновный наказывается трехгривенным штрафом, во втором – штрафом в размере 12 гривен.

Статья 31 содержит в себе и некоторые процессуальные моменты. Она указывает на то, что по искам, возникающим из драки, истец может перед судом доказывать свою обиду путем выставления двух «видоков». В случаях, когда потерпевшей стороной был иностранец («варяг» или «колбязг»), требовалось выставить требуемое для иностранца число свидетелей и принести присягу («роту»).

Статья 67 (ср. ст. 2, 8 КП) устанавливает ответственность за оскорбление личности, выразившееся в вырывании у кого-либо клок волос из бороды. Закон запрещает взыскивать штраф с ответчика только по одному подозрению и ставит удовлетворение иска о нанесении оскорбления в зависимость от наличия свидетельских показаний. Более того, законодатель требует свидетелей даже тогда, когда будут признаки («знамение»), что вырван клочок бороды, ибо одних знаков недостаточно для наказания.

Будучи кодексом феодального права, Русская Правда придает исключительное значение охране феодальной собственности. Это полностью относится как к уголовному и гражданскому праву, так и к процессу. Статьи 32 – 55, 69 – 77, 79 – 87 Пространной Правды устанавливают различные правовые формы охраны собственности феодалов, сложившиеся в Древнерусском государстве ко второй половине XI в.

Из имущественных преступлений Пространная Правда уделяет большое внимание краже. В связи с этим достаточно отметить, что из приведенных в этой группе 42 статей 17 посвящены краже (ст. 35 – 46, 69, 76, 81 и 82), тогда как Правда Ярослава говорила о краже всего только в двух статьях (см. ст. 13 и 16 КП). Это свидетельствует о том, что по сравнению с Краткой редакцией Пространная Правда явилась крупным шагом вперед на пути развития русского феодального уголовного права.

В указанных статьях законодатель предусматривает различные виды краж, прежде всего, в зависимости от характера и ценности похищенного имущества – конокрадство, кражу скота, хлеба, оружия, одежды и т. п. (ст. 34, 35, 37, 41, 42, 45, 69, 76, 79, 81, 82). В то же время установлена классификация краж и в зависимости от того, откуда было похищено имущество – со двора, из клетки, хлева, поля, гумна, ямы (ст. 40, 41, 42, 43).

Различные редакции Русской Правды устанавливают неодинаковые наказания за кражу. Так, согласно Правде Ярослава вор обязан был возвратить похищенную вещь и уплатить обиженному 3 гривны за нанесение обиды (ст. 13 КП), тогда как в правде Ярославичей мы уже находим указание на взыскание уголовного штрафа («продажи») в пользу князя (ст. 35, 36 и 37 КП). В Пространной Правде вознаграждение в размере трех гривен за обиду пострадавшему заменяется продажей. Что же касается удовлетворения интересов самого пострадавшего, то последний получает либо похищенную вещь, либо вознаграждение в виде «урока», равного цене похищенной вещи.

Признавая наиболее опасными видами краж конокрадство (ст. 35 ПП) и кражу из закрытых помещений (ст. 35, 40, 41, 43 ПП), Пространная Правда соответственно устанавливает за них и более суровые наказания, чем за все остальные известные ей виды краж.

Наряду с этим по сравнению с Краткой Правдой Пространная Правда усиливает уголовную репрессию за аналогичные действия и вводит новые нормы, неизвестные Краткой редакции. Так, если Правда Ярослава за конокрадство наказывала виновного тремя гривнами штрафа (ст. 13 КП), то Пространная Правда за то же преступление предусматривает высшее наказание – поток и разграбление (ст. 35 ПП).

Усиливая охрану феодальной собственности, ст. 40 предоставляет право убить ночного вора, застигнутого на месте преступления. Статья 40 направлена на ограничение самосуда и расширение княжеской юрисдикции: вор, не убитый ночью на месте преступления, должен был быть утром доставлен на княжеский двор. За убийство связанного вора полагалась 12-гривенная продажа в пользу князя.

Тем же духом усиления охраны феодальной собственности проникнуты и ст. 41 (ст. 31 КП) и 42 (ст. 40 КП). Если в Краткой редакции размер штрафа зависел от количества похищенного скота, то в Про-

странной Правде размер штрафа зависит, прежде всего, от того, где был украден скот: из закрытого помещения или с поля. Причем в первом случае величина штрафа была выше, чем во втором. При групповой краже одинаковый штраф взыскивался с каждого из воров независимо от их числа и степени участия. Это правило распространялось также и на случаи кражи хлеба из закрытых помещений (гумна или ямы) (ст. 43 ПП).

Статья 69 устанавливает ответственность за кражу бобра в размере 21 гривен продажи.

Статья 70 направлена на защиту владельца охотничьих угодий. Она запрещает охоту посторонних лиц на чужой территории.

Уголовная ответственность в виде наказания в размере 3-гривенной продажи и неизвестного Краткой Правде частного вознаграждения, равного в одних случаях 10 кунам, в других – 5, установлена ст. 76 за «выдерание» пчел. Наличие этой нормы обуславливалось тем, что в Древней Руси бортничество составляло один из важных источников богатства феодалов. Статья 79 ПП содержит постановление закона об ответственности за кражу «лодья», т. е. речных морских судов, в виде штрафа и частного вознаграждения потерпевшему. В отличие от сходной с ней ст. 35 Краткой Правды, ст. 79 различает уже виды похищенной лодьи: «морская» лодья, «набойная» лодья, «челн», «струг», и в зависимости от этого устанавливает различные уроки за них. Эта статья в то же время является показателем достигнутого Древней Русью прогресса в развитии строительства и судоходства по сравнению с эпохой Правды Ярославичей. Наконец статья говорит также о происшедшем повышении цен на суда. Так, вместо 30 резан стоимость суда достигла уже 2 – 3 гривен.

Высокие штрафы взыскивались за кражу разной птицы: за курицу – 9 кун, голубя – 9 кун, утку, гуся, лебедя, журавля – 30 кун. Особенно высокий штраф (3 гривны) установлен за кражу ястреба либо сокола (ст. 81). И это вовсе не случайно, так как охота в Киевской Руси составляла одну из самых прибыльных отраслей хозяйства, и ей занимались многие жители; соколиная охота являлась предметом особой страсти многих знатных людей.

Статья 82 (ср. ст. 39 КП) предусматривает ответственность за хищение сена и дров из незакрытого помещения, стало быть, за кражу без взлома. В отличие от ст. 39 Краткой Правды, устанавливавшей за

кражу сена и дров лишь частное вознаграждение потерпевшему, ст. 82 вводит уже уголовный штраф в размере трех гривен; частное вознаграждение в размере двух ногат сохраняется в виде дополнительного наказания.

В статьях 44 и 45 (ср. ст. 28 КП), которые отражают процесс дальнейшего развития русского права, устанавливается четкое понятие о неправомерном владении чужим имуществом. Статья 44 предъявляет владельцу строгое требование не только возвратить собственнику похищенную у него вещь, но и уплатить ему урок, т. е. возмещение за неправомерное пользование этой вещью. Украденная вещь должна возвращаться хозяину натурой. Если украденной вещи налицо не оказывалось, то возмещалась ее стоимость.

Давая перечень денежных штрафов за хищение различных видов скота, ст. 44 устанавливает повышенную ответственность за хищение княжеского скота. Усиливая охрану феодальной собственности, статья имела в виду пресечение покушений на нее в первую очередь со стороны смердов.

О посягательствах на частную собственность со стороны холопов говорит ст. 46, которая предусматривает ответственность господина за кражу, совершенную его холопом. Холоп стоял вне закона. Не являясь субъектом права, он не мог отвечать за свои действия по суду. Эта идея четко выражена в ст. 46: совершенная холопом кража уголовным деянием не признавалась. Именно поэтому закон вдвое увеличивал вознаграждение («урок») в пользу пострадавшего, взимаемое с господина холопа-вора, но продажа князю не взыскивалась.

Указание статьи на наличие холопов боярских и церковных является характерным в том смысле, что показывает развитие хозяйства светских и духовных феодалов к концу XI и началу XII в., а также свидетельствует об учащении случаев посягательства на их собственность со стороны холопов.

Статья 38 (ср. ст. 16 КП) предусматривает ответственность за особый вид кражи – кражу холопа (раба). Дело в том, что холопы в Киевском государстве не являлись субъектами права и как таковые феодальным законом рассматривались в качестве вещей своих господ. Господин имел неограниченное право распоряжаться холопом по своему усмотрению, как любой иной собственностью. Поэтому кража холопа расценивалась как имущественное преступление, направлен-

ное на нарушение права собственности феодалов, и потому наказывалась строго – 12 гривен продажи в пользу князя.

Статья 33 предусматривает ответственность за незаконное пользование чужим имуществом, в частности чужой лошастью, без разрешения ее владельца, за что виновное лицо обязано платить три гривны продажи.

Статья 34 определяет ответственность за хранение пропавшего чужого имущества, оружия или одежды. При обнаружении пропавшей вещи у кого-либо в своей городской общине собственник мог отобрать ее у незаконного владельца, а последний должен был за укрывательство уплатить собственнику имущества три гривны штрафа.

Статья 37 Пространной Правды устанавливает ответственность за продажу и покупку краденого имущества – коня, одежды, скотины. В случае обнаружения путем свода продавца краденого имущества покупатель этого имущества возвращал вещь ее собственнику. Если показаниями двух свидетелей или мытника была доказана добросовестность приобретения им этой вещи, он взыскивал с продавца краденого имущества ее стоимость. Продавец краденой вещи был обязан возместить ее стоимость (если вещь утрачена) собственнику и уплатить штраф (продажу) князю.

Статьи 71, 72 и 73 устанавливают ответственность за уничтожение и порчу межевых знаков. Высокий штраф (12 гривен) предполагает усиленную охрану законом самого принципа феодальной частной собственности.

Нет сомнений в том, что постановления ст. 71, 72 и 73 в первую очередь были направлены против основной массы сельского населения – смердов, ощущавших острую нужду в земле.

Русская Правда устанавливает суровые наказания за злостное истребление чужого имущества. Злостно зарезавший чужую скотину платит князю 12 гривен продажи и возмещает хозяину стоимость зарезанной скотины (ст. 84). Поскольку здесь речь идет о не простой краже коня или скота, а об их злостном истреблении, то штраф за это устанавливается в четыре раза выше, чем за кражу (ср. ст. 41 ПП). В злостном истреблении скота порой проявлялся народный протест против эксплуататоров-феодалов. В ответ на это феодальное государство стремится усилить уголовную репрессию, с тем чтобы таким путем пресечь попытки посягательств на устои частной собственности со стороны социальных низов.

К наиболее тяжким преступлениям против собственности закон относит поджог гумна и двора. Статья 83 за поджог гумна и двора устанавливает высшую меру наказания – поток и разграбление, т. е. такое же наказание, как за разбой и конокрадство (ср. ст. 7 и 35). Эта статья отсутствует в Краткой Правде и свидетельствует о резком обострении классовой борьбы, которая часто выражалась в поджогах усадьбы феодала и его гумна. Законодатель, идя навстречу феодалам, требовавшим усиления уголовной репрессии за поджоги, устанавливает специальную норму, карающую высшей мерой наказания представителей социальных низов, выступающих против произвола феодалов.

Вся группа статей Русской Правды об имущественных преступлениях в целом говорит о развитии экономики (и в первую очередь земледелия) в русском феодальном обществе в конце XI – начале XII в., резком увеличении числа посягательств на феодальную собственность, что явилось прямым следствием усиления социального неравенства и все большего обострения классовых противоречий. Ухудшение положения крестьянства, разорение его феодалами обусловили рост преступлений против частной собственности. Указанная группа статей отражает общую тенденцию: усиление защиты частной собственности феодалов, на которую покушается преступник – представитель социальных низов.

Многие исследователи выделяют отдельно категории преступлений, относящиеся к юрисдикции церковных судов (в соответствии с церковными уставами князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого):

а) нарушение церковных постановлений и обрядов (нарушение поста, попрошайничество, прошение милостыни, осуществление языческих обрядов («волхование»), колдовство, еретичество, изготовление «зелий» (народное врачевание), вырывание зубов, пострижение головы или бороды, необоснованное убийство домашних животных;

б) преступления против собственности церкви и церковнослужителей (церковная татьба (кража церковного имущества), надругательство над могилами, крестами, церковными зданиями);

в) преступления церковнослужителей (половая распущенность церковнослужителей, пьянство);

г) преступления против личности (массовые побоища (в качестве свадебного обычая или по договору), убийство, убийство матерью малолетнего ребёнка, самоубийство, доведение родителями своей дочери до самоубийства, насильно выдавая её замуж, изнасилование, кража женщин («умычка»), избивание женщин, оскорбление женщины);

д) против семьи и нравственности (проституция, скотоложество, избивание сыном родителей, полиандрия (сожителство двух братьев с одной женой), сожителство близких родственников, кумовьёв, беременность вне брака, измена мужа жене, двоежёнство, развод;

е) имущественные преступления (поджог, кража, совершённая супругами или одним из супругов).

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что Русская Правда понимала под обидой?
2. Отделяла ли Русская Правда преступления от других правонарушений (например, от деликтов)?
3. Что могло быть объектом преступления по Русской Правде?
4. Что могло быть предметом преступления по Русской Правде?
5. Чем характеризуется объективная сторона преступления по Русской Правде?
6. Знает ли Русская Правда преступления, совершённые путём бездействия?
7. Что Русская Правда относит к факультативным признакам объективной стороны?
8. Какие стадии совершения преступления знает Русская Правда?
9. Содержатся ли в Русской Правде нормы о рецидиве?
10. Какие смягчающие и отягчающие обстоятельства знает Русская Правда?
11. Кто мог быть субъектом преступления?
12. С какого возраста можно было привлекать человека к уголовной ответственности по Русской Правде?
13. Как Русская Правда регламентирует институт соучастия?
14. Какие элементы субъективной стороны преступления знает Русская Правда?
15. Какие формы вины знает Русская Правда?

16. Какова цель наказаний по Русской Правде?
17. Что собой представляет система наказаний по Русской Правде?
18. Какое наказание самое тяжкое? В чём его суть?
19. Что такое вира? Какие виды вир знает Русская Правда?
20. Что такое головничество, продажа, урок по Русской Правде?
21. Что собой представляет система преступлений по Русской Правде?
22. Какие преступления считались самыми тяжкими? Почему?
23. Какие составы относятся к церковной юрисдикции?

2.4. Развитие процессуального права

Судебные органы. Суд во времена Русской Правды не был отделен от администрации. Судебные функции выполняли органы власти и управления. Высший судебной инстанцией был великий князь. К подсудности суда великого князя относились наиболее важные дела, главным образом связанные с правонарушениями, которые допускали бояре и высокопоставленные должностные лица. «Без княжа слова», однако, нельзя было «мучить» не только огнищанина, но и смерда (ст. 33 КП, ст. 78 ПП). К князю и судьям его (ст. 55 ПП) мог пойти пожаловаться закуп. В «Поучении к детям» Владимир Мономах так говорит о себе как о судье: *«На посадников не зря, ни на бирючи, тоже худого смерда и убогие вдовицы не дал есми сильным обидети»*.

Летописи сообщали, что в отдельных случаях князь рассматривал дела совместно с вече, что свидетельствовало о том, что судебной юрисдикцией располагало и вече.

Наиболее важные дела князь решал совместно со своими мужами боярами, менее важные рассматривались представителями княжеской администрации. Обычное место суда – «княж двор» (резиденция в столице и дворы княжеских чиновников в провинции). На местах действовали *суды посадника (в городах) и волостеля (в сельской местности)*. В Русской Правде содержится богатый материал о вспомогательных судебных чиновниках: мечнике (княжеском дружиннике, слуге суда), вирнике, который собирал виру и продажу, его помощниках (отроках, метельщиках), детском, ябетниках (вероятно, так назывались лица, поддерживавшие обвинение). Русская Правда

(ст. 41 КП, многие статьи ПП) определяет и размеры этих сборов в пользу многочисленных судебных лиц из вспомогательного персонала (мечника, детского, метельника).

Помимо суда государственного (князя и его администрации) в Киевской Руси активно формировался *вотчинный суд* – суд землевладельца над зависимым населением. Он формируется на основе иммунитетных пожалований (князь жалует монастырю Св. Георгия село Буйцы «с данию, с вирами и с продажами»).

Можно назвать также *суд общины*, на котором могли решаться мелкие внутриобщинные дела. Но о функциях этого суда сведений в источниках не сохранилось.

Функции *церковного суда*, ведавшего семейно-брачными отношениями, боровшегося с языческими обрядами, осуществляли епископы, архиепископы и митрополиты. Делами монастырских людей занимался настоятель монастыря – архимандрит.

В целом ряде статей Правды (ст. 34 – 39, 66, 70, 74, 85 – 87, 96 – 97, 107 и 109) ярко выражены основные черты судебного права Киевского государства, характер и особенности процесса той эпохи. Они указывают на специфику некоторых исков, на особый вид взаимоотношений спорящих сторон до суда, на судебные доказательства, применявшиеся главным образом при рассмотрении исков, вытекающих из преступлений против собственности, а также на судебные и иные пошлины, дающие представление о развитии аппарата Древнерусского феодального государства.

В Киевском государстве не проводилось никаких различий между уголовным и гражданским правом. В связи с этим не было различий между уголовным и гражданским процессом.

Судебный процесс носил обвинительно-состязательный характер. Процесс представлял собой тяжбу сторон, их состязание перед судьей (отсюда и название состязательный). Судья выступал в роли арбитра, который на основании представленных сторонами доказательств выносил решение. Судебный процесс начинался по инициативе истца, который предъявлял претензии к противоположной стороне, обвинял ее в чем-либо. Истец и ответчик обладали равными правами. Судопроизводство было устным и гласным, специальных мест для проведения судебных заседаний не было.

В качестве доказательств использовались: показания видоков и послухов (видоки – свидетели, послухи – лица, которые слышали о случившемся от кого-либо, имели сведения из вторых рук, иногда послухами называли свидетелей доброй славы); «божий суд» (применение различного рода «ордалий»), судебный поединок – «поле», испытание водой или железом; «рота» – присяга; внешние признаки и вещественные доказательства.

Статьи 34 – 39 указывают на «заклич», «свод» и «гонение следа» как на особый вид отношений сторон до суда, имевший место в Киевском государстве. Свод заключается в отыскании истцом надлежащего ответчика путем «заклича», свода в собственном смысле слова и присяги. Он применялся в случаях похищения вещи или раба.

Статья 34 (ср. ст. 13 КП) устанавливает, что пострадавший должен сделать объявление на торгу о пропаже у него вещи либо раба. Это объявление называлось «закличем». В том случае, когда по истечении трех дней после заклича вещь либо беглый раб находились, то человек, у которого они были обнаружены, признавался ответчиком и обязан был возратить пострадавшему либо вещь, либо беглого раба и вместе с тем уплатить 3 гривны штрафа.

Статья 35 (ср. ст. 14 КП) открывает раздел, говорящий о «своде». Под сводом понимается процедура отыскания лица, незаконно присвоившего чужую вещь, либо беглого раба, а также возвращения вещи ее законному владельцу. Собственник, обнаружив у другого лица пропавшую у него вещь или беглого раба, обращается к их незаконному владельцу и зовет его на свод. Свод в данном случае заключается в том, что ответчик по требованию истца приводит его к третьему лицу, из рук которого он сам получил спорную вещь либо раба, ставших предметом иска. После этого третье лицо превращается в свою очередь в ответчика, которого истец вновь зовет на свод. Свод продолжается «до последней ссылки», т. е. до тех пор, пока не отыщется действительный либо предполагаемый вор, каковым законом признавался тот, кто не смог указать истцу, от кого именно он получил пропавшую у истца вещь либо раба. Отыскав такого ответчика, истец брал свое и, кроме того, вор должен был заплатить ему за то, что пропало у него вместе с похищенной вещью. При этом ст. 35, во изменение ст. 14 Краткой Правды, отменяет льготный срок (5 дней),

предоставлявшийся лицу, у которого была обнаружена пропавшая вещь или раб; ранее ответчик мог не являться на свод в течение 5 дней, сославшись на поручителей.

Статья 37 имеет в виду один из возможных вариантов исхода свода, когда обнаруживалось, что краденая вещь была кем-либо куплена на торгу, но продавец ее не был разыскан, либо она была кем-то подброшена. В этом случае задержанный с краденым был обязан предоставить двух свидетелей свободного состояния или мытника, в присутствии которых он купил эту вещь, а тот, у которого было обнаружено пропавшее, освобождался от ответственности и не считался виновным.

Таким образом анализ статей о своде показывает, что весь ход процессуальных действий в данном случае сводился к следующему. Если кто-либо обнаруживал краденую вещь у другого лица, то, не говоря ему «это моё», имел право требовать, чтобы задержанный с похищенной вещью указал ему, каким способом она им приобретена.

Задержанный мог при этом:

- 1) прямо признать себя виновным в краже;
- 2) заявить, что опознанную у него вещь он приобрел у определенно известного ему человека;
- 3) сказать, что он нашел ее или купил у неизвестного ему человека или что она ему подброшена.

В первом случае, т. е. при сознании в краже, истцу не было необходимости производить дальнейшее расследование, и виновный, будучи предъявлен судье, прямо подвергался наказанию. Во втором случае производился свод. В последнем случае свод становился невозможным, и ввиду этого требовались показания свидетелей или мытника.

Статья 38 (ср. ст. 16 КП) говорит об особом порядке свода при розыске челяди (рабов). В соответствии с этой статьей при розыске беглого (челядина) первоначальный владелец во всех без исключения случаях (ср. ст. 36 ПП) не мог идти дальше третьего свода, даже тогда, когда свод не выходил за пределы данного города. В этом случае не было особенной надобности в присутствии хозяина, поскольку челядин сам мог указать, какими путями он переходил от одного господина к другому. Третий добросовестный приобретатель обязан выдать

истцу своего раба, а сам получает украденного челядина и, основываясь на его показаниях, идя от одного покупателя челядина к другому, ведет свод дальше, вплоть до отыскания действительного виновника.

Статья 39 предусматривает особый случай, когда свод приводил к границам государства. Свод прекращался на границах своего государства, т. е. земли, принадлежащей городу и прилегающей к нему территории.

В случае, если в ходе свода становилось очевидным, что следы преступника ведут за пределы своего государства, вступало в действие правило, установленное ст. 37: добросовестный приобретатель вещи очищается от обвинения, если он укажет на двух свидетелей покупки или мытника. При этом присяга мытника, в обязанности которого входило собирание торговых пошлин и через которого происходила покупка, согласно закону заменяла присягу двух свидетелей.

В целом статьи о своде выражают черту важнейшего обвинительного (состязательного) процесса, свойственного Киевской Руси: весь процесс начинался и двигался заинтересованной стороной, а отнюдь не органами государственной власти, роль последней в данном случае сводилась к тому, чтобы при известных условиях оказывать истцу необходимое содействие. Свод – это следствие, производимое самим истцом при содействии официальных властей.

Статьи 66, 70, 85 и 87 содержат ряд весьма важных процессуальных моментов, указывающих на специфику некоторых исков, на особый вид взаимоотношений спорящих сторон до суда и на судебные доказательства, главным образом, при рассмотрении исков, вытекающих из преступлений против собственности.

Статья 70 (ср. ст. 77 III) в качестве своей основной цели имеет охрану интересов владельцев охотничьих угодий: она запрещает охоту посторонних лиц на территории чужих угодий. В условиях обвинительного процесса любая тяжба начиналась, как правило, по требованию истца, желавшего получить удовлетворение своей обиды. Если не было жалующегося, то не могло быть и суда. Сам процесс начинался с «поклепа», т. е. иска. Но, начиная процесс, истец обязан был знать лицо, к которому он предъявляет свой иск. Это общее правило полностью относилось даже к кражам, и из него закон допускал исключение лишь в очень ограниченных случаях, а именно: по делам об

убийстве, краже бобра и некоторым другим. В указанных составляющих исключение случаях для возникновения судопроизводства достаточно было наличия одного факта совершенного преступления, даже если преступник оставался неизвестным либо отсутствовал: на вервь возлагалась обязанность, если к ней ведет след преступника, независимо от воли частных лиц отыскать преступника и расследовать само преступление. Один из этих исключительных случаев как раз предусматривает ст. 70. Согласно этой статье если на месте кражи обнаружены следы в виде орудия ловли или сети, то они признавались достаточными доказательствами для того, чтобы на основании их, даже при неизвестности либо отсутствии вора, вервь отыскала в своей среде преступника, в противном случае она должна была уплатить продажу. Поэтому можно для этого случая употребить термин «дикая продажа» по аналогии с термином «дикая вира».

Если преступник был найден, ответственность с верви снималась.

Статья 77 указывает на порядок розыска скрывшегося вора и усиление ответственности общины (верви) за розыск преступника. В том случае, «если вор скроется, должно искать его по следу». Речь в данном случае идет о «гонении следа», заключавшемся в розыске преступника по его следам и являвшемся древнейшим обычаем славян, нашедшим свое выражение в их законодательстве. Из статьи 77 усматривается, что закон в данном случае исходит из предположения о том, что там, где теряются следы, там находится и вор. Гонение следа имело в качестве своего последствия для верви, на территории которой терялся след вора, необходимость самой разыскать и выдать преступника властям либо самой платить «дикую продажу». В том же случае, если след вора был потерян на большой торговой дороге или на пустыре, т. е. вне населенных пунктов, то розыски прекращались, а иск погашался сам собой.

Преследование вора по горячим следам и таким путем отыскание похищенной вещи по следу согласно закону производится самим истцом, но не иначе как с понятыми и свидетелями.

Статьи 66, 85 и 87 позволяют судить о некоторых особых видах судебных доказательств и их оценке в эпоху раннего феодализма. Они знакомят нас с двумя видами доказательств – свидетельскими показаниями и ордалиями.

Статья 85, носящая общий характер, открывает особый ряд норм, устанавливающих особый порядок приведения доказательств. Статья начинается с подтверждения старого правила о том, что свидетелем может быть только свободный человек. Таково общее правило. Однако, как видно из последующего текста, закон уже допускает исключение для холопа, но при непременном соблюдении для этого случая условий. Истец мог воспользоваться свидетельскими показаниями раба по своему желанию. Для этого ему надо было заявить ответчику: «Зову тебя в суд со слов холопа, но от своего собственного лица, а не от холопского». В статье говорится далее, что истцу, сделавшему такое заявление, предоставляется право требовать от ответчика, чтобы последний очистился от обвинения (оправдался) путем испытания железом. Указание на испытание железом как на один из видов ордалий составляет вторую очень важную особенность этой статьи. В том случае, если, по свидетельству раба, в результате испытания железом ответчик оказывался виновным, то он обязан был удовлетворить исковые требования истца. И, напротив, если ответчик в результате испытания железом оказывался невиновным, то истец обязан был платить ему гривну, поскольку вызвал его на это испытание по свидетельству раба.

Статья 66 (ср. ст. 85), подтверждая общее правило, по которому холоп не мог быть свидетелем, допускает исключение для боярского тиуна и закупа. Последние в порядке крайней необходимости могли быть допущены в качестве свидетелей в суде. Статья говорит о постепенном изменении правового положения боярских тиунов и закупов и отличии правового положения этих групп зависимого населения от положения основной массы холопов. Наконец, указание этой статьи на то, что в «малом иске и по нужде можно сослаться на закупа», дает основание полагать, что она, очевидно, органически входит в Устав о закупах.

Статья 87 в отличие от статьи 85 предусматривает случаи, когда истец вызовет кого-либо «на испытание железом либо по показанию свободных людей, либо по подозрению, либо по тому, что видели обвиняемого проходящим ночью, либо на каком-нибудь основании». Во всех перечисленных здесь случаях, если ответчик оправдает себя железом («не обожжется»), то от истца он за муку ничего не получает, но истец обязан уплатить только одну железную пошлину князю.

Русская Правда также регламентирует вознаграждения разного рода должностных лиц княжеской администрации и суда за осуществление ими судебных функций. Статьи 74, 86, 107 и 109 Пространной Правды косвенно знакомят нас с тем, какие доходы получали древнерусские кормленщики и как было организовано поступление этих доходов, а точнее – поборов с населения. В этих статьях обращает на себя внимание характерная для всех статей Пространной Правды черта: авторы этой редакции каждый тематический раздел сборника заключают постановлениями о судебных уроках и иных поборах в пользу представителей государственной власти. В статьях 9 – 10 мы это уже видели вслед за разделом о вирах, в ст. 20 – 21 вслед за разделом об уроках за убийство зависимых людей. Эта же черта свойственна ст. 74, 86, 96, 107 и 109. Статья 74 строго регламентирует размеры дополнительных расходов, причитающихся судебным чиновникам при взыскании «продажи» в сумме 12 гривен. Сбирать виру ездил вирник с отроком и писцом, а собирать «продажу» – емец или мечник с отроком и писцом. Как от «виры» вирник получал пятую ее часть, так от «продажи» в 12 гривен мечник соответственно получал пятую часть её и т. д.

Статья 86 устанавливает размеры пошлин, платившихся при испытании железом («железный урок») – в казну 40 кун, а также мечнику 5 кун и детскому полгривны, в присутствии которых это испытание происходило (ср. «вирник» и «метельник» в ст. 9 – 10 КП). Поскольку от правильности процедуры испытания железом зависел сам исход дела, то при этом испытании требовался судейский надзор. Можно полагать, что в таком случае заместителем судьи был мечник, а само испытание поручалось детскому. Помощниками судьи были судные отроки, среди которых, очевидно, мечник был старшим.

Статьи 107 и 109 содержат постановления об урочных судебных пошлинах.

Статья 107 (ср. ст. 108) свидетельствует об усложнении и дальнейшем развитии судебного аппарата Древнерусского государства. Эта статья определяет судебные пошлины, взимавшиеся со стороны, выигравшей дело (ср. ст. 9, 10, 20, 74 и другие ПП, устанавливающие пошлины, взимавшиеся с противной стороны). Судебные пошлины законом рассматривались как уплата судье за решение дела. Они со-

стояли в определенном денежном вознаграждении лиц, принимавших участие в судебном разбирательстве, независимо от того, были ли они вирниками или отроками – детскими, метельниками. Статья устанавливает размеры этих пошлин в зависимости от характера дела, а также указывает на круг должностных лиц, в пользу которых они поступают сообразно с их положением и той ролью, которую они играют в судебном разбирательстве (судья и его помощник – «метельник»). В Русской Правде мы впервые в истории русского права встречаем определение судебных пошлин с той, однако, особенностью, что они взимались с дела независимо от цены иска.

Статья 109 устанавливает размеры урочных пошлин, которые взимались при приведении к присяге свидетелей, истцов либо ответчиков. Наиболее высокие пошлины взыскивались по делам, связанным с обвинением в убийстве, по тяжбам о бортной и пахотной (ролейной) земле.

Выделение перечисленных в статье случаев свидетельствует о все возрастающем значении земледелия в Древней Руси, о том важном значении, которое придавало государство делам о земельных спорах, и, наконец, о наметившемся ослаблении рабства, проявлявшемся во все учащавшихся случаях отпущения на свободу холопов. Не подлежит сомнению тот факт, что уплата урочных пошлин законом возлагается на того, по чьему требованию свидетели приводились к присяге, причем он платит от числа свидетелей, приведенных им к присяге.

Статьи 96 и 97 определяют порядок взимания поборов в пользу представителей государственной власти, которые руководили в первом случае строительством городов, во втором – мостов. Надо думать, что согласно древним обычаям славян постройка городов («городовое дело»), а также постройка и починка мостов («мостовщина») рассматривались как повинности, возлагаемые на местное население. Исполнение этих повинностей происходило под надзором и руководством особых чиновников – «городников» и «мостников», для этого обладавших специальными техническими познаниями. Последние за свой труд получали вознаграждение деньгами и натурой, размер которого определяют эти статьи.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Был ли отделен суд от администрации в Древнерусском государстве?
2. Какие органы осуществляли суд?
3. Кто относился к вспомогательному судебному персоналу?
4. Какой характер носил судебный процесс по Русской Правде?
5. Что собой представляла досудебная стадия процесса?
6. С чего начинался суд?
7. Какие виды доказательств использовались в судебном процессе?
8. Кто такие видоки и послухи?
9. Что такое ордалии? В каких случаях они применялись?
10. Что такое рота? В каком случае она применялась?
11. Что такое поле? В каком случае оно применялось?
12. Что такое заклич? Как он регламентируется в Русской Правде? Каковы его юридические последствия?
13. Что такое свод? Как он регламентируется в Русской Правде? Каковы его юридические последствия?
14. Что такое гонение следа? Как оно регламентируется в Русской Правде? Каковы его юридические последствия?
15. Как происходит собственно суд? Как выносятся решение?
16. Как принятое судом решение приводится в исполнение?

Планы практических занятий

Занятие № 1

Вопросы

1. Теории происхождения государства Киевская Русь. Насильственный путь (норманская теория), естественное происхождение (антинорманизм). Неонорманизм. Современные теории. Предпосылки происхождения государства.

2. Деятельность первых киевских князей по укреплению древнерусской государственности.

- Расширение границ государства, заключение международных договоров, замена полюдья на систему уроков и погостов, создание единого свода законов Русская Правда.

- Крещение Руси (причины и предпосылки, выбор веры, ход христианизации, значение принятия христианства).

3. Государственный строй Киевской Руси. Органы власти, десятичная система управления, дворцово-вотчинная система управления, отношения сюзеренитета-вассалитета, посадники, наместники, волостели, система кормлений, общинное самоуправление.

4. Общественный строй Киевской Руси. Основания деления населения на группы, полная и частичная правоспособность, свободные, полузависимые и зависимые категории населения.

Феодалы: состав класса феодалов (ст. 24 КП, ст. 1, 13, 14, 46 ПП и др.), личные и имущественные права (ст. 1, 3, 11 ПП и др.).

Зависимые люди: смерды (ст. 16, 78, 90 ПП и др.), закупы, их личный и имущественный статус (ст. 56 и след.), рядовичи, холопы (источники холопства – ст. 57, 99, 110 и другие, статус холопов – ст. 98, 99 и др.).

Занятие № 2

Вопросы

1. Русская Правда – первый письменный свод законов на Руси. Время происхождения, авторство, источники, цели законодателя, структура (редакции, списки), содержание (общие положения), вид систематизации нормативного материала, рецепции, новации.

2. Вещное право. Объекты и субъекты вещного права, движимые и недвижимые вещи, правопривилегии, феодальное право, формы феодальной собственности (вотчина, поместье), основания приобретения права собственности, защита вещных прав.

3. Обязательственное право. Источники возникновения обязательств (из договоров, из деликтов), форма заключения договора, система договоров: купля-продажа (ст. 37, 38 ПП и др.); заем (виды займа – ст. 48, 50, 56, резы – ст. 50 и след.); поклада (ст. 49), личный наем (ст. 110), подряд (ст. 43 КП, 96, 97 ПП), перевозка (ст. 54), комиссия (ст. 55).

4. Наследственное право. Наследование по закону и по завещанию, круг наследников, социальные различия (ст. 90, 91 и др.).

Занятие № 3

Вопросы

1. Уголовное право:

- общее понятие преступления (ст. 23, 34, 46 ПП и др.), элементы состава преступления (объект – ст. 1, 33 ПП и др., объективная сторона – ст. 40 ПП и др., субъект – ст. 46 ПП и др., субъективная сторона – ст. 3, 6 ПП и др.);

- система преступлений:

- против личности (убийство – ст. 1 и следующие, телесные повреждения – ст. 27 ПП и др., оскорбление – ст. 23, 25 ПП);

- имущественные (татьба – ст. 35, 37, 40 ПП и др., истребление чужого имущества – ст. 75, 83, незаконное пользование чужим имуществом – ст. 33 ПП);

- система наказаний (поток и разграбление – ст. 7 ПП и др., вира – ст. 5, 6 ПП и др., головничество, продажа – ст. 23, 27, 45 ПП и др., урок).

2. Органы, осуществляющие правосудие. Суд великого князя, вотчинный суд, церковный суд, общинный суд. Вспомогательный судебный персонал.

3. Процессуальное право. Судебный процесс: стадии процесса, предварительные процессуальные действия (гонение следа – ст. 77 ПП и др., залич – ст. 32 ПП и др., свод – ст. 35 ПП и др.); доказательства (послухи и видоки – ст. 29 ПП и др., ордалии – ст. 85, 87 ПП и др., рота – ст. 52 ПП и др.); судебные пошлины (ст. 9 ПП и др.).

Казусы (задачи)

Задача № 1

Княжеский приказчик Первушка без свидетелей передал на хранение на месяц купцу Микуле 20 гривен. По истечении срока хранения приказчик Первушка заявил, что передавал купцу 25 гривен. Сколько должен был отдать купец Микула приказчику Первушке и почему?

Задача № 2

Если в семье после смерти отца остаются дети, которые еще не в состоянии заботиться о себе сами, а их мать снова выходит замуж, то они и их имущество попадают под опеку ближайшего родственника или отчима. Каким образом опекун должен распоряжаться прибылью, которая поступает от имущества детей?

Задача № 3

Купец Василько, житель Киева, взял заем 10 гривен у купца Дружины под определенный процент сроком на три месяца. Но в пути весь его закупленный товар был захвачен разбойниками, что привело его к банкротству. Какие последствия ожидают купца Василько по Русской Правде?

Задача № 4

В семье новгородского боярина Вышеслава была только дочь, сыновей не было. При жизни он не составил завещания. Кто получит наследство после его смерти?

Задача № 5

После смерти княжеского смерда Данилки остались у него три дочери. Одна из них была замужней, а две другие еще не вступили в брак. Каким образом будет разделено наследство Данилки? Получит ли имущество смерда князь?

Задача № 6

На Белоозере в деревне Высокое в драке был убит боярин Никифор. Убийцы найдены не были. Кто будет отвечать за совершенное преступление? Какое наказание последует за это преступление?

Задача № 7

В Киеве был ограблен и убит боярин Прокопий. Единственным свидетелем совершенного преступления был его слуга холоп Ивашка, который обвинил в убийстве своего господина боярина Мирослава. Примет ли суд во внимание показания Ивашки? Какое решение вынесет суд?

Задача № 8

В годы правления князя Ярослава Мудрого княжеский суд рассмотрел дело об убийстве. Вор, забравшийся ночью в клеть с товарами, был убит на месте хозяином товара – купцом Отеней. Какое решение должен принять суд по этому делу? Понесет ли наказание купец Отеня?

Задача № 9

В Киеве при Ярославе боярский холоп встретил на улице купца, ранее обманувшего его, ударил купца по лицу и скрылся в доме своего господина. На требования пострадавшего выдать ему холопа боярин ответил отказом. Купец обратился с жалобой к князю. Какое решение должно последовать по этому делу?

Задача № 10

Летом 1041 г. на княжеский двор в Новгороде пришел изгой Савка, тело которого было покрыто синяками и ссадинами, он обвинил в нанесении побоев своего соседа Василька. Ябетник потребовал привести на княжеский суд видока. Правильно ли поступил ябетник?

Задача № 11

В 1198 г. в Киеве, недалеко от двора византийского купца С. людин В. обнаружил труп своего друга. Придя на княжеский двор, он обратился к мечнику, обвинив С. в убийстве. Вызванный на суд С. привёл с собой двух послухов и «вывел виру». Оказавшись обязанным выплатить сумму, равную смертной гривне кун, возмущённый людин В. обратился непосредственно к князю с жалобой на мечника. Каково должно быть решение князя?

Задача № 12

Летом 1036 г. на торгу г. Новгорода купец И. объявил о пропавшем челядине. Через три дня он узнал, что похожего человека видели во дворе варяга С. Купец пришёл к С. и убедился, что это действительно его челядин. И. потребовал вернуть ему его беглого и заплатить за обиду. Справедливо ли требование купца?

Задача № 13

В 1058 г. в Суздале боярин В. со своими холопами попытался уничтожить межевые знаки и захватить земли, принадлежащие боярину Г., учинив наезд и грабёж. Обратившись к посаднику, Г. потребовал немедленного и одновременного разбирательства дела о нападении, грабеже и земельном споре. Так как требуемого состава суда в Суздале в это время не было, к рассмотрению дела приступили через полтора месяца и решили сначала земельный спор. Истец потребовал пересмотра дела с участием докладчиков. Имеются ли основания для пересмотра дела?

Задача № 14

В 1204 г. в г. Муроме умер «без ряду» боярин Б., оставив после себя богатое наследство. Из родственников боярина на него претендуют: сестра, два сына от первого брака, вдова (вторая жена), сын и дочь от второго брака и сын боярина и ключницы-холопки. Наследники обратились в суд. Каково должно быть решение суда?

Задача № 15

В 1168 г. во Владимире людин А. в разбое убил людина Б. Будучи членом верви и участвуя ранее в виевых выплатах, А. обратился к общине с просьбой не выдавать его князю и помочь ему выплатить виру и головничество. Как должна была поступить вервь?

Задача № 16

В 1208 г. в г. Чернигове закуп боярина А. украл из хлева людина Б. вола. Людин пришёл требовать к боярину возвращения своего вола

или выплаты его цены. Так как вол пал, а финансовые затруднения боярина не позволяли выполнить законных требований людина, был найден другой законом предусмотренный способ разрешения конфликта. Какая юридическая норма была применена?

Темы рефератов

1. Проблемы возникновения Древнерусского государства.
2. Основные теории возникновения Древнерусского государства.
3. Русская Правда как памятник древнерусского права.
4. Тип Древнерусского государства и его особенности.
5. Феодализм и феодальный способ производства: современные подходы.

ГЛОССАРИЙ

Безадница – выморочное имущество.

Бояре – на Руси IX – XVII вв. высшее сословие феодалов. В Древнерусском государстве – потомки родоплеменной знати, старшие дружинники – вассалы и члены княжеской думы, крепостные землевладельцы. В период феодальной раздробленности – наиболее богатые и влиятельные феодалы, соперники княжеской власти. При дворах великих князей ведали отдельными отраслями дворцового хозяйства (путные бояре) и управлением территорией. С XV в. – высшие чины служилых людей по отечеству, первые чины боярской думы, занимали главные административные, судебные и военные должности, возглавляли приказы, были воеводами. Звание боярина отменено Петром I в начале XVIII в. (слились с дворянским сословием).

Вервь – территориальная община, орган местного крестьянского самоуправления. К компетенции верви относились вопросы перераспределения земельных наделов, налогово-финансовые вопросы, полицейский надзор, решение судебных споров, расследование преступлений и исполнение наказаний.

Вече – собрание горожан в Древней и средневековой Руси. Возникло из племенных сходок. Вече в Новгороде (XII – XV вв.) и во Пскове (XIV – начало XVI в.) было юридически высшим государственным органом. Оно решало вопросы войны и мира, призвания и изгнания князей, выборов и смещения должностных лиц (посадников, тысяцких и других, а также архиепископа), заключения договоров с другими землями, наделения земель и привилегиями, принятия законодательных актов (например, Новгородской и Псковской судных грамот). Вече собиралось по мере необходимости высшими административными органами по звону вечевого колокола в определенном месте (в Новгороде – на Ярославовом дворище, в Киеве – во дворе Софийского собора). Решения принимались криком. Они были обязательны для подчиненных («младших») городов. Собирались вече и по частям города («кончанские» и «уличанские» веча в Новгороде). Верховодила на вече городская знать. С усилением власти князей в XIV в. вече утрачивает значение и перестает созываться. Дольше других существовало в Новгороде (до 1478 г.) и Пскове (до 1510 г.) до присоединения к Москве.

Вира – в Древней Руси уголовный (денежный) штраф за убийство или увечье свободного человека в пользу князя как представителя общественной власти. Известна с 996 г. (по Лаврентьевской летописи). По Правде Ярослава вира взимается в том случае, если нет мстителя. Вира взыскивалась не только с преступника, но иногда и с общин. Если убийца не был известен, община-вервь, на территории которой находили убитого, платила дикую виру. Этот обычай был распространен еще в XVI в. Сборщика штрафов называли вирником.

Вира дикая – особый вид виры, которая платилась всей вервью в случаях отказа выдать преступника на суд князя, а также в случае невозможности отвести от себя след.

Вира поклепная – особый вид виры, который налагался в делах, связанных с обвинением в убийстве при отсутствии прямых улик. Поэтому в ту пору нередко говорили «головой клепати», т. е. огульно возводить обвинение в убийстве.

Вирник – чиновник княжеской администрации, как правило, княжий холоп. Основная его обязанность – ездить по подвластной князю земле и собирать виры в его пользу.

Вода – *ordalia* как *rod media probationis*; испытание обвинённого водой при невозможности ему найти за себя послуха. Ответчика связанным бросали в воду, если он тонул, то считался свободным от обвинения. Вода назначалась по искам ценой свыше двух гривен. По искам меньшей цены назначалась рота или клятва, смотря по обстоятельствам дела.

Военная демократия – это общественная организация переходного периода (от родоплеменных отношений к соседским), которая характеризуется участием всех мужчин племенного союза в решении важнейших общественных проблем, особой ролью народного собрания как высшего органа власти, всеобщим вооружением населения.

Воинские артикулы заменили слово «татьба» словом «воровство», описывая означенное им действие словами «украдёт», «покрадёт», но практика общих судов следовала терминологии Уложения и для обозначения кражи в техническом смысле употребляла слово «татьба»: выражение «кража» скорее относилось к способу действия (украдкой), чем к особому виду преступления. Лишь указом 1781 г. выражение «татьба» как техническое окончательно было вытеснено и заменено выражением «воровство-кража»

Волость – область, древний вид территориально-административной единицы.

Вотчина (отчина) – наследуемое родовое владение. Исторически этот вид поземельной собственности возникает в русском праве в связи с разложением рода и выделением из него больших семей, что вело к дроблению старой общеродовой собственности. В древности в слово «отчина» (вотчина) вкладывался двойной юридический смысл. Во-первых, слово служило обозначением объёма публично-правовых прав, древний вотчич в этом смысле может быть сравним с сеньором Западной Европы, у вотчича было, например, право суда, сбора дани с населения своих владений. Во-вторых, отчина (вотчина) понималась как комплекс имущества (в основном недвижимости), свободный от обременений со стороны публичных властей, службы кому-либо.

Головничество – в Древней Руси денежный выкуп (взыскание), выплачивавшийся убийцей (головником) родственникам убитого.

Гонение следа – третья стадия судебного процесса в Древней Руси, заключающаяся в поиске доказательств и преступника. Ввиду отсутствия специальных розыскных органов и лиц гонение следа осуществляли потерпевшие, их близкие, члены общины и добровольцы.

Гости – 1) крупные купцы в феодальной Руси X – XVIII вв. Ввели межгородскую и зарубежную торговлю. Гости некоторых крупных городов объединялись в особые привилегированные корпорации: «Московское сто», «Ивановское сто», «Сурожане» и др. В XVI – XVIII вв. члены привилегированной корпорации купцов выполняли финансовые поручения правительства; 2) категория торговых людей, купечества. В Древней Руси в основном иноземцы. В XIV – XV вв. существовала группа отечественных гостей, торговавших со странами Востока (гости-«сурожане»). К середине XVI в. стали высшей категорией привилегированного сословия.

Государство – это политико-территориальная суверенная организация публичной власти общества, взимающая с населения налоги, издающая законы и обеспечивающая их реализацию.

Десятина – десятая часть урожая (или иных доходов), взимаемая с населения (из княжеского дохода) в пользу духовенства и храмов как налог в пользу Церкви. На Руси была установлена в X в., окончательно ликвидирована в России в конце XIX в.

Железо – *ordalia* как род *media probationis*. Испытание обвиняемого, особенно при поклепных делах, раскалённым железом (тот должен был взять его в руку и по оставшимся ожогам судили, виновен он или нет). Железо применялось в случае, когда обвиняемый не мог найти за себя послухов. Железо считалось высшей ордалией, поэтому полагалось его назначать только по делам, связанным с серьёзными преступлениями: поклёп, татьба и пр. Русская Правда даже приводит специальную шкалу цены исков, по которым полагалось назначать железо не ниже полугривны золотом.

Задница – наследуемое имущество, наследство; выморочное имущество; отказ.

Заклич – первая стадия судебного процесса. Состояла в объявлении в людном месте (при свидетелях, поэтому это чаще всего делалось на торгу) о состоявшемся правонарушении. Заклич использовался также в качестве первой стадии виндикационного иска в случае обнаружения ранее украденной вещи. Таким образом, смысл заклича состоял в том, что оспариваемая вещь должна была обязательно быть предъявлена на свод.

Закупы – категория людей (из разорившихся общинников), работающих в хозяйстве феодала за «купу», т. е. заем, в который могли включаться различные ценности – земля, скот, зерно, деньги и прочее. «Купу» (долг) следовало отработать, причем установленных нормативов и эквивалентов не существовало. Объем работы определялся кредитором.

Извод – 1) так назывался суд 12 мужей, производивших следствие в окончательной инстанции. Суд этот проводился, когда ответчик известен заранее, фактически после произнесения заклича; 2) изводом иногда в актах называется свод.

Изгои – 1) свободные люди, покинувшие вервь; 2) (от «гоить» – жить), на Руси XI – XII вв. люди, вышедшие («выжитые») в силу каких-либо обстоятельств из своего обычного общественного положения (крестьяне, ушедшие из общины, вольноотпущенные или выкупившиеся холопы и пр.). Церковный устав XII в. перечисляет среди людей, находившихся под покровительством Церкви: «изгои трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает, а се и четвертое изгойство к себе приложим – аще князь

осиротеет». Большинство изгоев происходило, видимо, из крестьян, порвавших с общиной, и из бывших холопов. Жизнь вне своего слоя, круга считалась страшной трагедией, к изгоям относились недоверчиво, как к чужакам, хотя и жалели.

Композиция (от лат. *compositio* – сочинение, составление, примирение; англ. *composition*) – в древнем праве возмещение причиненного вреда, обычно денежное возмещение родственникам убитого или потерпевшему за нанесенные ему телесные повреждения. Такое вознаграждение (в натуре или деньгах) уплачивалось виновным (обидчиком) и его родственниками. Размер вознаграждения обычно устанавливался по взаимному соглашению, позднее регулировался обычаями. Система композиций как пережиток первобытнообщинного строя сохранялась на ранних ступенях развития рабовладельческого и феодального общества. Постепенно система композиций была заменена различными видами наказаний.

Настав – вид процента по договору займа натуральных продуктов, преимущественно жидких.

Обида – преступление по Русской Правде – причинение морального или материального вреда конкретному лицу или группе лиц. При этом уголовное правонарушение не отграничивалось от гражданско-правового.

Огнищанин – княжеский слуга, занимавший среднее положение среди всего княжеского административного персонала.

Ордалии – Суд Божий в Русской Правде. Важнейшие формы ордалий следующие: поединок (на Руси – «поле»); испытание огнем: очищающийся от обвинения держал определенное время руку в огне, проходил через костер и т. д.; испытание водой: обвиняемый должен был достать из котелка с кипящей водой какой-нибудь предмет (например, кольцо) или его связывали и опускали на веревке в воду; если обвиняемый всплывал, это значило, что его «вода не принимает» (т. е. он не прав); жребий, применявшийся обычно при обвинениях в краже. Испытание (огнем, водою, железом) невиновности по обвинению – для оправдания, установления истины.

Отарица – имущество закупа. По своему режиму оно могло регулироваться как личная собственность закупа.

Погост – древнее обозначение административного пункта, место расположения финансовой и судебной власти.

Покон вирный – группа норм *ius publicum*, связанных между собой общим предметом регулирования – установлением тарифа пошлин для чинов княжеской администрации при исполнении ими своих обязанностей. Этот Покон, или Устав, содержится в ст. 40 и 42 РП Краткой редакции и ст. 7 и 8 РП Пространной редакции.

Поле – судебный поединок; состоял в формальном боевом столкновении с использованием оружия. Чаще всего поле присуждалось по искам, связанным с владением землёй. Поле было формой Божьего Суда, в ходе которого проигравшая сторона теряла иск в безапелляционном порядке, впрочем, стороны могли договориться биться друг с другом насмерть.

Полюдье («хождение по людям») – объезд в Киевской Руси князем и его дружиной подвластных областей и племен для сбора дани, позже – сама дань. Полюдье совершалось обычно осенью или зимой по окончании сбора урожая. После убийства во время полюдья князя Игоря (945 г.) на территориях, прочно вошедших в Древнерусское государство, полюдье было отменено. В Новгородской и Смоленской землях в XII в. фиксированная денежная повинность.

Посадник – один из крупнейших чинов княжеской администрации. Происходил, как правило, из состава старшей дружины. Посадников князя сажали (отсюда и название) по городам и крупным сёлам, с окрестностей которых, как и с них самих, они брали дань и отправляли правосудие.

Поток и разграбление – высшая мера наказания по Русской Правде, заключавшаяся в изгнании из общины (порабощении – обращение в холопство – преступника и членов его семьи) и разорении (конфискации) имущества. Применялась за разбой, поджог, конокрадство, кражу из закрытых помещений.

Приданое – имущество супруги, которое она приносит в семью для создания экономической основы последней.

Присоп – вид процента по договору займа натуральных продуктов, преимущественно сыпучих.

Продажа – в Древнерусском государстве наказание в виде денежного штрафа в казну князя (по Русской Правде до 12 гривен) за большую часть преступлений, кроме тех, которые карались вирой, потоком и разграблением.

Продажа – род денежного штрафа, вносимого в виде наказания за некоторого рода преступления: телесные повреждения, кражу и порчу имущества.

Редакция – группа текстов с существенным и целенаправленным изменением формы выражения и содержания как в целом, так и в их структурных и композиционных частях.

Рента – регулярно получаемый доход от находящегося в собственности имущества или земельного участка, не требующий от своих получателей предпринимательской деятельности.

Родовая община – это объединение людей, основанное на кровном родстве, а также на общности имущества и труда.

Рядовичи – 1) в Киевской Руси – люди, находившиеся в зависимости от господина/феодала по «ряду» (договору). По своему положению рядовичи были близки к закупам. По Русской Правде штраф за убийство рядовича равнялся штрафу за убийство холопа и смерда; 2) в русских городах XIV – XVI вв. члены корпорации владельцев лавок одной профессии на городском торгу («ряда»), а также жители рядка. Рядовичи сообща владели отведенной под лавки территорией, имели своих выборных старост, обладали особыми правами на сбыт своих товаров.

Свод – вторая стадия судебного процесса в Древней Руси. Лицо, у которого обнаружили пропавшую вещь, должно было указать, у кого она приобретена, – доказать добросовестность приобретения. Свод продолжался до тех пор, пока не доходил до человека, не способного дать объяснение, где он приобрел эту вещь. Таковой признавался татем (вором).

Скопище – преступление, совершенное группой лиц.

Смерды – обозначение всей массы сельского населения в Древней Руси (наиболее распространенное в литературе толкование этого термина). Положение смерда было двойственным. В отличие от раба он имел свою семью и имущество, платил штраф за совершенные проступки, но юридически был неполноправен; убийство смерда наказывалось таким же штрафом, как и убийство холопа. Его имущество наследовал князь.

Смилное – явное и открытое прелюбодеяние.

Снем – княжеские съезды в Древней Руси, не были учреждением постоянным или обязательным, но собирались по инициативе от-

дельных князей для решения дел, имевших общий интерес. Первый пример такого съезда князей мы видим в 1097 г. в Любече, когда князья собираются, чтобы покончить, начавшимися между ними усобицами.

Снем – съезд, совещание.

Сотский – должностное лицо общественного самоуправления Киевской Руси.

Список – это рукописная копия первоначального текста или его редакции. Им обычно присваиваются названия, связанные с наименованием летописи, местом находки, лицом, нашедшим тот или иной список (Академический, Троицкий, Карамзинский и др.). Самым ранним списком Русской Правды является так называемый Синодальный (по названию Синодальной библиотеки, где он хранился), датированный концом XIII в.

Тать клетный – вор, крадущий из хозяйственных построек и помещений.

Тать коневый – конокрад.

Татьба 1) в древнем русском праве преступное/корыстное похищение чего-либо или насильственное отнятие, не переходящее в разбой; 2) кража по Русской Правде. Видами татьбы были кража из закрытых помещений, конокрадство, кража холопа, головная татьба и пр.

Тиун – доверенное лицо своего князя, которому поручалось не только хозяйство, но и администрация с судом и расправой. Доверенное лицо князя или боярина – управитель.

Тысяцкий – избирался на вече сначала из низов, далее из знатных бояр. Он занимался вопросами торговли и торгового суда, возглавлял народное ополчение и решал другие вопросы управления, помогая посаднику.

Урок – 1) возмещение имущественного вреда; 2) пеня, взимаемая за незначительное правонарушение; 3) пошлина за совершение судебных действий.

Урок – по Русской Правде возмещение ущерба, который получал потерпевший из общей суммы штрафа по размеру причиненного вреда.

Фратрия – это экзогамная группа родственных родов, вступающая в брачные отношения с другими фратриями. Дуальная организация из двух фратрий составляла племя. Главной функцией дуально-фратриальной организации было регулирование брачных отношений. На поздних этапах развития деление на фратрии необязательно было дуальным, существовали трёхфратриальные племена. Поздняя фратрия могла быть не экзогамной. Члены фратрии, как правило, имели общие органы самоуправления, культ. Термин «фратрия» введён Л. Г. Морганом.

Холопы – наиболее бесправный субъект права, раб. Его имущественное положение особое – все, чем он обладал, являлось собственностью господина. Все последствия, вытекающие из договоров и обязательств, которые заключал холоп (с ведома хозяина), также ложились на господина. Личность холопа как субъекта права фактически не защищалась законом.

Ябетник – должностное лицо, мелкий чиновник, обязанность которого, по всей видимости, состояла в доведении до сведения властей о состоявшихся происшествиях и правонарушениях.

Правда Русская Краткой редакции (По Академическому списку)

1. Если муж убьет мужа, то мстит брат за убийство брата, сын за отца или племянник со стороны брата, или племянник со стороны сестры; если никто не будет мстить, то взыскивается 40 гривен за убитого. Если убитый – русин, гридин, купец, ябетник, мечник, или же изгой, или словенин, то уплатить за него 40 гривен.

2. Если придет на суд человек, избитый до крови или в синяках, то не надо искать свидетеля, но если не будет на нем никаких следов побоев, то он должен привести свидетеля. Если он не может привести его, то делу конец. Если потерпевший не может мстить за себя, то пусть возьмет с виновного 3 гривны и сверх того плату лекарю.

3. Если кто ударит кого-либо палкой, жердью, рукой, чашей, рогом или мечом плашмя, то он платит 12 гривен; если потерпевший не настигнет его и не отомстит, то виновный платит штраф, и этим дело кончается.

4. Если ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то платит 12 гривен штрафа.

5. Но если кто кого ударит по руке, и рука отвалится или отсохнет, то платить 40 гривен.

6. Если же ударит мечом по руке или по ноге и отсечет руку или она станет сохнуть, или нога останется цела, но начнет хромать, тогда пусть мстят его дети или с виновного взыскивается 40 гривен.

7. Если кто отсечет какой-нибудь палец, то платит 3 гривны штрафа.

8. А кто вырвет усы или бороду, платит 12 гривен.

9. Если кто обнажит меч, но не ударит, платит гривну.

10. Если пихнет муж мужа от себя или к себе, то должен платить 3 гривны, если на суд приведет двух свидетелей. При этом варяг или колбяг не приводит свидетелей, но сам идет к присяге.

11. Если челядин сбежит и скроется у варяга или у колбяга и тот не вернет его в течение трех дней, то господин, опознав его на третий день, может отобрать челядина, а с укрывателя взыскивается 3 гривны штрафа.

12. Если кто поедет на чужом коне без спросу, пусть уплатит 3 гривны.

13. Если кто украдет чужого коня, оружие или одежду и хозяин опознает пропавшее в своем миру, то он берет свое, а вор платит 3 гривны штрафа.

14. Если кто опознает у кого-либо свою пропавшую вещь, то нельзя отобрать ее, и не говори: «это мое», но скажи ему так: «пойди на свод, укажи где ты ее взял». Если тот не пойдет, пусть представит поручителя в том, что явится на свод не позднее 5 дней.

15. Если где будет иск к кому-либо об уплате займа, то идти ему на судебное разбирательство при 12 свидетелях. И если окажется, что должник злонамеренно не отдавал деньги, как следовало по условию, то с него взыскивается 3 гривны штрафа.

16. Если господин узнает своего пропавшего челядина и захочет его взять, то вести его к тому, у кого он был куплен, а тот пусть ведет к предыдущему продавцу, и когда дойдут до третьего, то скажи ему: «отдай мне своего челядина, а ты ищи своих денег при свидетеле».

17. Если холоп ударит свободного мужа и убежит в хоромы своего господина и тот не выдаст его, то господин может удержать его у себя, но должен заплатить за него 12 гривен, а затем пусть потерпевший побьет холопа, где его застанет.

18. А если кто ломает копье, щит или испортит одежду и захочет удержат у себя, то хозяин вещи получает доплату деньгами, если собственник отказывается от сломанной вещи, то пусть ему будет заплачено, сколько он дал при ее покупке.

19. Если убьют огнищанина в обиду, умышленно, но без корыстных намерений, то с убийцы взыскивается 80 гривен, а люди не обязаны помогать убийце в их уплате: за убийство княжеского подъездного также платить 80 гривен.

20. А если убьют огнищанина по-разбойничьи умышленно и с целью грабежа, а убийцу люди не ищут, то виру платит та вервь, где найден убитый.

21. Если убьют огнищанина у клетки, у коня, или у стада, или во время кражи коровы, то с убийцей можно расправиться немедленно. Тот же закон при убийстве тиуна.

22. А за убийство княжеского тиуна взыскивается с убийцы 80 гривен.

23. А за старшего конюха при стаде также 80 гривен, как постановил Изяслав, когда дорогобужцы убили его конюха.

24. За княжеского сельского старосту или смотрителя за полевыми работами платить 12 гривен.

25. А за княжеского рядовича 5 гривен.

26. А за убитого смерда или холопа 5 гривен.

27. Если убита рабыня-кормилица или кормилчич, то платить 12 гривен.

28. А за княжеского коня с пятном взывается 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны; за кобылу платить 60 резан, за вола гривну, за корову 10 резан, за трехлетку 15 кун, за годовалую скотину полгривны, за теленка 5 резан, за ягненка и барана по ногате.

29. А если уведут чужого раба или рабыню, то платить 12 гривен штрафа.

30. Если придет муж в крови или в синяках, то ему не надо искать свидетеля (послуха).

31. А если украдут коня или вола или будет кража из клетки, то вор платит 3 гривны и 30 резан, если он был один; если воров было 10, то каждый из них платит 3 гривны и 30 резан.

32. Если сожгут княжескую борть или выкрадут пчел, то платить 3 гривны.

33. За самовольное истязание смерда, без княжеского повеления, платить 3 гривны штрафа. За истязание огнищанина, тиуна или мечника платить 12 гривен.

34. А если распашут полевою межу или срубят межевой столб, то платить 12 гривен штрафа.

35. А кто украдет ладью, платит хозяину 30 резан за ладью и 60 резан штрафа князю.

36. А за голубя и курицу 9 кун. А за утку, гуся, журавля или лебедя платить 30 резан хозяину и 60 резан штрафа князю.

37. А если украдут чужого пса, ястреба или сокола, то платить 3 гривны штрафа.

38. Если убьют вора на своем дворе или у клетки, или у хлева, то за это не отвечают как за убийство, если же вора держали до рассвета, то привести его на княжеский двор на суд. Но если вора убьют, а люди видели его связанным, то надо платить за него.

39. Если украдут сено, то платить 9 кун, за дрова также 9 кун.

40. Если украдут овцу, козу или свинью и при том было 10 воров, то хотя бы они одну овцу украли, пусть каждый уплатит по 60 резан штрафа. А тому, кто их поймал, уплатить 10 резан.

41. А кто привел вора, получает 10 резан. При штрафе в 3 гривны сверх того мечнику платить 15 кун, за десятину – 15 кун, а князю – 3 гривны. При штрафе в 12 гривен, тот, кто привел виновного, получает с него 70 кун, а в десятину платить 2 гривны, а князю 10 гривен.

42. А вот устав для сбора вир: вирнику взять на неделю 7 ведер солоду, кроме того, барана или полтуши мяса, или деньгами 2 ногаты, а в среду резану и три сыра, в пятницу столько же; хлеба и пше-на сколько смогут съесть, а в скоромные дни давать по 2 курицы на день. Пусть поставит 4 коней, и давать им корма сколько смогут съесть. А вирнику взять 16 гривен, 10 резан и 12 вевериц (мелких денежных единиц), и при въезде в округ гривну. Во время поста дать ему рыбу или 7 резан. Все это составит 15 кун в неделю, а хлеба давать сколько смогут съесть, пока вирники соберут виры. Таков Устав Ярослава.

43. А такова плата мостникам: когда построят мост, то пусть возьмут по окончании своей работы ногату и от каждого устоя моста по ногате, столько же при починке ветхого моста, хотя бы несколькими досками.

Правда Русская Пространной редакции (По Троицкому I списку)

1. Если свободный человек убьет свободного, то мстит за убитого брат, или отец, или сын, или двоюродный брат, или племянник от брата. Если же некому будет мстить, то взыскивать за убитого 80 гривен, когда это будет княжий муж (боярин) или княжий тиун (приказчик). Если же убитый будет русин, или княжий воин (гридь), или купец, или боярский тиун (приказчик), или мечник, или изгой, или словенин, то взыскивать за убийство 40 гривен.

2. Но после Ярослава собрались сыновья его: Изяслав, Святослав и Всеволод, с боярами своими Коснячком, Перенегом и Никифором и отменили кровную месть за убийство, установив выкуп деньгами; во всем же прочем как судил Ярослав, так решили судить и сыновья его.

3. Если кто убьет княжесго мужа в разбое, и люди убийцы не ищут, то виру в 80 гривен платит та община, где найден труп. Если же будет убит простой человек, то община платит 40 гривен.

4. Если какая община начнет платить дикую (повальную) виру, когда нет налицо убийцы, то пусть уплатит ее во сколько лет может.

5. Если же убийца из той же общины и находится налицо, то община или помогает ему, так как и он приплачивал за других по общественной раскладке, или же платит дикую (повальную) виру в 40 гривен, сообща, а вознаграждение потерпевшим платит сам убийца, внося в виру только свою долю по раскладке.

6. Но за убийцу, вкладывавшего в вирные платежи общины за других, община платит по раскладке только тогда, когда он совершил убийство в ссоре или на пиру.

7. Кто же убил во время грабежа без всякой ссоры, то за разбойника община не платит виры, но выдает его князю с женою и детьми: пусть князь самого с семьей сошлет (поточит), а имение его конфискует.

8. Если кто не вкладывается в платеж дикой виры за других, тому и община не помогает в уплате виры за него самого, и он сам ее платит.

9. А вот пошлины вирные, какие были при Ярославе. Сборщику виры брать 7 ведер солоду на неделю, сверх того барана или полоть

мяса, либо деньгами 2 ногаты (5 кун) в среду – куну, да кроме того – сыр; то же в пятницу, а (в скоромные дни) по две курицы на день; а хлебов на неделю семь, до 7 мер пишена, столько же гороху, 8 головок соли; все это идет сборщику виры с помощником. Лошадей при них – четыре; им давать овса сколько съедят. Сверх того сборщику виры – 8 гривен да 10 кун перекладного; а метельнику (приставу) – 12 векош, да гривну съсадного.

10. Если вира будет в 80 гривен, то сборщику виры 16 гривен и 10 кун (перекладного) да 12 векош (приставу), а наперед съсадная гривна, да за голову (мертвое тело) – 3 гривны.

11. За убийство княжеского отрока, конюха или повара брать 40 гривен.

12. За княжеского приказчика (огнищного тиуна) или конюшего 80 гривен.

13. За княжеского приказчика сельского или земледельческого 12 гривен.

14. За княжеского рядовича 5 гривен, столько же и за боярского рядовича.

15. За ремесленника и ремесленницу брать 12 гривен.

16. За смерда и за холопа – 5 гривен, за рабу – 6 гривен.

17. За дядьку так же, как и за кормилицу, – 12 гривен, будут ли они холопы или свободные.

18. Если кого будут обвинять в убийстве, не имея прямых улик, тот должен представить семь свидетелей, чтобы отвести от себя обвинение; если же ответчик будет варяг или другой иноземец, то достаточно двух свидетелей.

19. А община не платит виры тогда, когда найдут одни кости или труп человека, про которого никто не знает, кто он и как его звали.

20. Если кто отведет от себя обвинение в убийстве, тот платит сметную гривну помощнику сборщика виры (отроку), обвинитель платит другую гривну, да 9 кун за обвинение в убийстве.

21. Если ответчик станет искать свидетелей и не найдет, а истец поддерживает обвинение в убийстве, тогда решать их дело посредством испытания железом.

22. Точно так же и во всех делах о воровстве по подозрению, когда нет поличного, принуждать к испытанию железом, если иск не менее полугривны золота: если же он меньше, то до двух гривен подвергать испытанию водой, а при еще меньшей сумме принести присягу за свои деньги.

23. Если кто ударит мечом, не обнажив его, или рукоятью меча, то платит 12 гривен продажи за обиду.

24. Если же обнажит меч, а не поранит, то платит гривну кун.

25. Если кто кого ударит палкой, или чашей, или рогом, или тупой стороной меча, то платит 12 гривен.

26. Если же обиженный, не стерпев, в отместку сам ударит мечом, то того в вину ему не ставить.

27. Если кто ранит руку, так что рука отпадет или усохнет, или также ногу, глаз или нос, за то платит полувирье – 20 гривен, а раненому за увечье – 10 гривен.

28. Если кто отсечет у кого палец, платит 3 гривны продажи (штрафа в пользу князя), а раненому – гривну кун.

29. Если на (княжеский) двор придет человек в крови или с синяками, то ему не нужно искать очевидцев, и виновный платит 3 гривны продажи; если же на истце не будет знаков, то он должен представить очевидцев, которые бы подтвердили его показание слово в слово; тогда зачинщику драки платить 60 кун истцу. Если же истец придет в крови, а явятся свидетели, которые покажут, что он сам начал драку, то сосчитать ему то за платеж, как с зачинщика, хотя его и побили.

30. Если кто ударит кого мечом, но не убьет до смерти, платит 3 гривны, а раненому – гривну за рану, да еще за лечение; если же убьет до смерти, то платит виру.

31. Если кто толкнет другого от себя или рванет его к себе, или по лицу ударит, или жердью, а двое очевидцев то покажут, платит 3 гривны продажи; если же обвиняемый будет варяг или колбяз, то должно вывести полное число очевидцев, которые должны принести присягу.

32. Если скроется холоп, и господин заявит о нем на торгу, и до третьего дня никто не приведет холопа, а господин на третий день опознает его, то может взять своего холопа, а кто укрывал его, тот должен платить 3 гривны продажи.

33. Если кто сядет на чужого коня без спросу, платит 3 гривны.

34. Если у кого пропадет конь, оружие или одежда и он заявит о том на торгу, а после опознает пропавшее у кого-нибудь в своей же городской общине, то взять свою вещь, а тому платить хозяину пропавшей вещи за ее укрывательство 3 гривны.

35. Если кто, без явки на торгу, отыщет что-либо пропавшее или украденное – коня, одежду или скотину, – то нельзя сказать: «это мое», надо заявить ответчику: «иди на свод и объяви, у кого взял». Кто не оправдается, на того и падет ответственность за воровство; тогда истец возьмет свое, а виновный ему платит и за то, что тот потерпел вследствие пропажи. Если это будет конокрад, выдать его князю; пусть князь сошлет (поточит; другие переводят: продаст в рабство на чужбину). За воровство же чего-либо из клети платить вору 3 гривны продажи (штрафа в пользу князя).

36. Если при ссылках на своде ответчиками будут являться члены одной с истцом городской общины, то истец ведет дело сам до конца. Если же будут ссылаться на членов какой-либо внегородской общины, то истец ведет дело только до третьего лица. И третий ответчик, заплатив истцу деньги за его вещь, с этой вещью ведет дело до конца. А истец ждет окончания дела. Установленный похититель все платит: и убытки истца, и убытки третьего ответчика, и продажу князю.

37. Кто купит на рынке что-нибудь краденое: коня, одежду или скотину, тот должен представить в качестве свидетелей двух свободных людей или торговых пошлин сборщика (мытника); если при этом окажется, что он не знает, у кого купил вещь, то свидетелям идти за него к присяге, а истцу взять свою вещь. Ответчик теряет свою вещь и деньги, потому что он не знает, у кого купил вещь. А когда узнает, у кого купил вещь, то взыщет свои деньги с этого продавца, который заплатит и хозяину вещи, и князю продажу.

38. Кто опознает своего украденного холопа и задержит его, тому вести этого холопа до третьей очной ставки покупателя с продавцом; у третьего ответчика взять его холопа, а ему дать украденного – пусть идет с ним до конца, ибо холоп не скотина, про него нельзя сказать: «не знаю, у кого купил», но по его указаниям нужно идти до последнего ответчика, – и когда будет найден настоящий вор, краденого холопа вернуть его хозяину, третьему ответчику

взять своего холопа, а убытки ему платит уличенный в краже. А князю платить 12 гривен продажи за кражу холопа.

39. Если краденая вещь была приобретена у человека, приехавшего из других мест, то ответчик должен представить свидетелей либо торговых пошлин сборщика (мытника), при которых он купил краденую вещь; тогда истец берет свою вещь; а со всем прочим, что потерял, он должен проститься. А ответчик теряет заплаченные за вещь деньги.

40. О татьбе. Если вора убьют у клетки или во время какого воровства, за это его не судить как бы за убийство пса; если же вора держат живым до рассвета, то надо отвести его на княжеский двор. Если же вора убьют, а свидетели видели его связанным, то платить за то 12 гривен продажи.

41. Если кто крадет скот из хлева или что-либо из клетки, с того вора, если он один крал, взыскивать продажи 3 гривны и 30 кун. Если же крали вместе несколько воров, с каждого взыскивать по 3 гривны и 30 кун.

42. Если скот, овцы ли, козы ли, или свиньи были украдены на поле, платить 60 кун продажи (штрафа в пользу князя); если воров было много, с каждого взыскать по 60 кун.

43. Если крадут хлеб с гумна или из ямы, сколько бы ни было воров, взыскать с каждого по 3 гривны и 30 кун продажи.

44. Если краденое окажется налицо, то потерпевший возьмет свое да взыщет еще с каждого вора по полугривне за лето.

45. Если же украденного налицо не будет, а украден был княжеский конь, то платить за него три гривны, а за кражу смердьевого коня две гривны. А вот урочная плата за покражу скота: за кобылу 60 кун, за вола гривну, за корову 40 кун, за трехлетку (кобылу или корову) 30 кун, за двухлетку полгривны, за теленка 5 кун, за свинью 5 кун, за поросенка ногату, за овцу 5 кун, за барана ногату, за жеребца неезженого 1 гривну кун, за жеребенка 6 ногат, за коровье молоко 6 ногат. Вот урочные цены, которые взыскиваются в пользу потерпевших за украденный скот вместо поличного, когда воры будут простые свободные люди, которые платят князю продаже.

46. Если же воры будут холопы княжеские, боярские или монастырские, которых князь не карает продажей, потому что они не

свободные люди, то за холопью кражу платить двойные урочные цены в вознаграждение за убытки.

47. Если заимодавец потребует уплаты долга, а должник начнет отпираться, то заимодавец обязан представить свидетелей, которые пойдут к присяге, и тогда он получит свои деньги. Если должник не отдавал ему долг много лет, то платить ему еще 3 гривны в вознаграждение за убытки.

48. Если купец купцу даст деньги в оборот из барыша или на торговлю, то должнику не обязательно получать деньги при свидетелях; присутствие свидетелей здесь не требуется, но заимодавец пусть сам идет к присяге, если должник станет запираться.

49. Если кто передает кому-нибудь свое имущество на хранение, свидетель при этом не нужен; а если собственник начнет искать больше, чем сколько отдал, то принявший на сохранение должен идти к присяге, говоря: «ты мне столько и отдавал, не более»; ведь ответчик добро делал собственнику, что хранил его имущество.

50. Кто отдает деньги в рост, или мед в настав, или хлеб в присып, тому надлежит представить свидетелей; и как он при них договорился, так ему и брать проценты.

51. Месячный рост при краткосрочном займе брать заимодавцу по соглашению; если же долг не будет уплачен в течение целого года, то считать рост с него на два третий (50 %), а месячный рост отвергнуть.

52. Если не будет свидетелей, а долг не превышает трех гривен кун, то заимодавец должен идти к присяге в своих деньгах; если долг больше трех гривен кун, то сказать заимодавцу: «сам виноват, если не ставил свидетелей, давая деньги».

53. По смерти Святополка Владимир Всеволодович созвал в селе Берестове свою дружину – тысяцких Ратибора Киевского, Прокопья Белгородского, Станислава Переяславского, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича, боярина Олегова (князя черниковского Олега Святославича), – и на съезде постановили: кто занял деньги с условием платить рост на два третий, с того брать такой рост только два года, и после того искать лишь капитал; а кто брал такой рост три года, тому и не искать и самого капитала. Кто берет по 10 кун роста с гривны в год, то это не воспрещается.

54. Если купец, взяв товары или деньги в кредит, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то нельзя сделать ему какое-либо насилие или продать его в рабство, но необходимо предоставить ему рассрочку платежа на несколько лет, потому что это несчастье от бога, а он не виноват в нем. Если же купец вверенный ему товар или пропьет, или проиграет, или истратит по глупости, то доверители поступают с ним, как им угодно: хотят – ждуют, хотят – продадут в рабство, на то их воля.

55. Если кто будет многим должен, а купец, приехавший из другого города или из другой земли, не зная про то, поверит ему товар, а тот будет не в состоянии и с ним расплатиться за товар, да и первые заимодавцы также станут требовать уплаты долгов, не давая займы для уплаты гостю, в таком случае вести должника на торг и продать, причем наперед выплатить долг пришельца, а остаток поделить между своими местными заимодавцами. Также, если он будет должен князю, то взыскать наперед деньги князя, а остальное в раздел. Но если кто взял уже много роста, тот лишается своего капитала.

56. Если закуп убежит от своего господина, то становится полным холопом. Если же он отлучился явно или бежал к князю или к судьям, не стерпя обиды своего господина, то не обращать его в рабство, но дать ему суд.

57. Если у господина живет земледельческий закуп, а погубит военного коня, то ему за то господину не платить. Но если господин, от которого он получает ссуду, даст ему плуг и борону, то за пропажу их он должен заплатить; но он не платит за хозяйскую вещь, им взятую, если она пропадет без него, когда господин пошлет его на другую работу.

58. Закупу не платить за скотину, увведенную из хлева; но если он потеряет ее в поле, или не загонит на двор, или не затворит в хлеве, где ему велит господин, или же утратит ее за своим делом, то закупу во всех этих случаях платить.

59. Если господин обидит закупа, отнимет у закупа данную ему ссуду или его собственное имущество, то по суду все это он обязан возвратить закупу, а за обиду заплатить 60 кун.

60. Если господин возьмет с закупа больше денег, чем полагалось, то ему следует возвратить назад взятые сверх положенного деньги и заплатить князю 3 гривны штрафа.

61. Если же он совсем продаст его, как своего полного холопа, то закуп свободен от всех долгов, а господин платит за обиду 12 гривен продажи.

62. Если господин бьет закупа за дело, он за то не отвечает; если же он бьет его пьяный, сам не зная за что, без вины, то должен платить за обиду закупа, как платят за оскорбление свободного.

63. Если полный холоп уведет чью-нибудь лошадь, то (господину) платить за то 2 гривны.

64. Если закуп украдет что-нибудь на стороне, то господин отвечает за него. Но он может, когда найдут вора, заплатить за лошадь или другое украденное им имущество и закупа взять себе в полное холопство, а может и продать его, если не хочет за него платить, и тогда он должен наперед заплатить за то, что взял наемит чужого, будет ли то лошадь, вол или какая-нибудь вещь. А что останется после уплаты, то взять себе.

65. Если холоп ударит свободного человека и скроется в доме, а господин не выдаст его, то он платит за холопа 12 гривен. А если после того потерпевший встретит где-нибудь холопа, который ударил его, то Ярослав определил было убивать его, но сыновья Ярослава, по смерти отца, определили на выбор: либо раздев, высечь виновного холопа, либо взять за бесчестье гривну кун.

66. На свидетельство холопа (при судоговорении) ссылаться нельзя; но если нет свободного (человека), то по нужде можно сослаться на боярского тиуна, но ни на кого более. А в малом иске и по нужде можно сослаться на закупа.

67. Если кто вырвет у кого клоч бороды, и знак останется, и очевидцы то подтвердят, то взыскать с обидчика 12 гривен штрафа (в пользу князя), но если очевидцев нет, по одному подозрению штрафа с ответчика не взыскивать.

68. Если кто у кого выбьет зуб, так что кровь будет видна во рту, а очевидцы подтвердят, то взыскать с обидчика 12 гривен штрафа (в пользу князя) да за выбитый зуб пострадавшему гривну.

69. Если украдет кто бобра, то взыскивать 12 гривен.

70. Если земля будет разрыта, или останутся признаки ловли, или сеть, то общине или найти у себя вора, или платить штраф (продажу).

71. Если кто уничтожит бортные знаки, то платит 12 гривен.

72. Если кто срубит бортную межу или распашет межу полевую, или перегородит дворовую, то платит 12 гривен штрафа.

73. Если кто срубит дуб со знаком или межевой, то платит 12 гривен штрафа (продажи).

74. Размеры дополнительных при взыскании продажи расходов. А вот накладные расходы, которые полагаются при 12-гривенном штрафе в пользу князя: отроку брать 2 гривны и 20 кун, судье с отроком ехать на двух лошадях; на последних овса сколько могут съесть, а самим в пищу брать барана или полоть мяса, а из других кормов, сколько двое съедят; песцу давать 10 кун; перекладного 5 кун, да за мех 2 ногаты.

75. Если срубят борть, платить три гривны штрафа, а за дерево хозяину полгривны.

76. Если выдерут пчел, то три гривны штрафа, а хозяину, буде мед еще не был вынут – 10 кун, буде же вынут – 5 кун.

77. Если вор скроется, нужно искать его по следу. Если след приведет к селу или к какой-нибудь торговой стоянке, и если жители или хозяева не отведут от себя следа, или не пойдут на след, или станут отбиваться, то платить им за покраденное вместе с продажей за воровство. А след продолжают вести с чужими людьми и свидетелями. Если след приведет на большую торговую дорогу, или на пустырь, где нет ни села, ни людей, то не платить ни продажи, ни цены украденного.

78. Если смерд бьет смерда без княжеского повеления, то платит 3 гривны штрафа, а за истязание гривну кун. Если кто побьет княжого мужа (огнищанина), то платит 12 гривен штрафа, а гривну самому потерпевшему.

79. Если кто украдет ладью, то 60 кун штрафа, а ладью вернуть, за морскую ладью – 3 гривны, за набойную – 2 гривны, за челн – 20 кун, а за струг – гривна.

80. Если кто перерубит веревку в перевесе, то платит 3 гривны штрафа, за веревку хозяину – гривну кун.

81. Если кто украдет в чьем-нибудь перевесе ястреба или сокола, платит штраф в 3 гривны, а хозяину – гривну, за голубя – 9 кун, за курицу – 9 кун, за утку, гуся, лебедя и журавля – по 30 кун.

82. За покражу сена или дров – 9 кун штрафа, а хозяину за каждый украденный воз по 2 ногаты.

83. Если кто подожжет гумно, то выдается головою князю со всем имением, и наперед вознаграждается убыток хозяина, остальным располагает по своей воле князь, также поступать и с тем, кто двор подожжет.

84. Если кто по злобе зарежет чужого коня или другую скотину, тот платит 12 гривен штрафа, а хозяину за причиненный ущерб урочную цену.

85. Все изложенные тяжбы разбираются по свидетельствам свободных людей. Если же случится быть свидетелем холопу, то он не может выступить на суде. Но истец, если хочет, может воспользоваться свидетельством раба, сказав ответчику: «зову тебя в суд со слов холопа, но от своего собственного лица, а не от холопского», может требовать от ответчика, чтобы тот оправдался испытанием железа. Если последний окажется виновным, то истец получает с него свое; если же он будет невинным, то истцу платить за муку гривну, так как вызвал его на испытание железом по холопым речам.

86. Пошлины при испытании железом платить 40 кун, мечнику 5 кун, княжескому отроку – полгривны: то – урочная высота пошлины, взимаемой при вызовах на испытание железом.

87. Если же истец вызовет кого на испытание железом либо по показанию свободных людей, либо по подозрению, либо потому, что видели обвиняемого проходящим ночью, либо еще на каком-нибудь основании, то ответчик, если не обожжется, не получает ничего с истца за муку, но истец платит только одну железную пошлину.

88. Если кто убьет свободную женищину, то подлежит такому же суду, как и убийца свободного мужчины, если виновен, то взыскать с убийцы полвиры, т. е. 20 гривен.

89. За убийство холопа и рабы виры не уплачивается. Но если кто убьет безвинно, должен заплатить господину за холопа или рабу урочную цену, а князю – 12 гривен штрафа (продажи).

90. Если смерд умрет бездетным, то наследует князь; если остаются в доме незамужние дочери, то выделить на них некоторую часть; если же будут замужем, то не давать им части.

91. Если умрет кто из бояр или дружинников, то князь не наследует, а получают наследство дочери, если сыновей не останется.

92. Если кто, умирая, разделит свое имущество между детьми, то последние обязаны последовать воле умершего. А умрет кто, не уговорившись с детьми, то получают наследство все они, выделив только часть на помин души.

93. Если жена по смерти мужа не выходит замуж, то на нее выделить часть, а что ей муж определил при жизни, тем она, кроме того, владеет. А до мужнина наследства жене нет дела.

94. Если останутся дети от первой жены, то они возьмут то (что причитается) их матери; если даже их умерший отец завещал (это имущество второй) жене, все равно они возьмут себе (причитающееся) их матери.

95. Если остается в доме незамужняя дочь при братьях, то до отцова наследства ей дела нет, но братья обязаны ее выдать замуж сообразно с их достатком.

96. А вот пошлины при закладке городских стен. Вот урочные пошлины в пользу строителя города: при закладке стены брать куну, а по окончании ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кун на неделю, 7 хлебов, 7 уборов пшена, 7 четвериков (лукон) овса на четыре лошади – что и получать городнику, пока не будет город срублен. Солоду давать ему на все время 10 четвериков (лукон).

97. Пошлины для строителей мостов. А вот урочные пошлины в пользу строителей моста: по построении нового моста брать с 10 локтей по ногате. Если же будет починен только старый мост, то сколько частей будет починено, брать со всякого по куне. Строителю моста с помощником приехать на работу на двух лошадях; на коих брать им по 4 четверика овса на неделю, а на пищу им, сколько они съестъ смогут.

98. Если, по смерти отца, остаются дети, прижитые с работой, то они права наследования не имеют, а получают свободу вместе с матерью.

99. Если остаются в доме малолетние дети, которые еще не в состоянии заботиться о себе сами, а мать их пойдет замуж, то

ближайший родственник берет их вместе с имением под опеку до совершеннолетия. А имущество отдавать в присутствии посторонних людей, и что тем товаром наживет, продавая или отдавая в рост, то опекун берет себе, а имущество полностью возвращает опекаемым; прибыль он потому берет себе, что кормил и заботился о них. Приплод от челяди и скота отдает весь детям, также в случае утраты чего-либо за все им платит. Если же примет детей вместе с наследством отчим, то условия опеки те же.

100. Но двор отцовский, оставшийся без хозяина, всегда поступает к младшему сыну.

101. Если жена, обещавшись сидеть во вдовстве по смерти мужа, проживет имение и пойдет замуж, то обязана возвратить детям все прожитое.

102. Если же она, оставаясь вдовой, захочет жить в одном доме с своими детьми, а дети не захотят того, то в подобном случае творить волю матери, а не детей, и что дал ей муж и что следовало получить ей на свою часть из имущества, оставшегося после мужа, то составляет ее достояние.

103. На часть матери дети не могут иметь никакого притязания; но кому ее назначит, тому и взять; назначит всем – то и разделить между всеми; если же она умрет без завещания, то у кого она жила и кто ее содержал, тому и взять ее достояние.

104. Если будут дети разных отцов, но одной матери, бывшей за двумя мужьями, то наследуют одни одного, другие другого отца имущество.

105. Если второй муж растратит что-либо из имущества первого отца своих пасынков и умрет, то его сын должен вознаградить своих единоутробных братьев за растрату, сделанную его отцом, сколько ее покажут свидетели; а что затем у него останется из отцовского наследства, тем он и владеет.

106. Что касается до матери в этом случае, то она отдает свое мнение тому сыну, который был добрее, не разбирая того, с которым мужем прижит ею; а если сыновья все были злы, то она вправе отдать имение и дочери, которая ее содержит.

107. А вот урочные пошлины судебные. А вот обычные пошлины судебные: от присуждения к платежу виры судье – 9 кун, помощнику (метельнику) – 9 векош; с дела о бортной земле 30 кун, а во всех про-

чих тяжбах с того, кому присудят, судье брать по 4 куны, а помощнику (метельнику) – по 6 векош.

108. Если братья станут между собой судиться о наследстве перед князем, то детский, посланный для их раздела, получает гривну кун.

109. А вот урочные пошлины за принесение на суде присяги. А вот обычные пошлины с дел, присягою решаемых: от дел по обвинению в убийстве – 30 кун; с тяжбы о бортной и пахотной земле – 27 кун; от дел об освобождении из холопства – 9 кун.

110. Холопство полное – трех видов: первое, когда кто купит человека, хотя бы и за полгривны, и поставит свидетелей, и отдаст ногату, при самом холопе. Второе холопство, когда кто женится на рабе без всякого условия, а если женится с условием, то он остается на тех правах, как было условлено. А вот третье холопство, когда кто без условия же пойдет в тиуны или в ключники; если же было заключено условие, то остается на тех правах, как было условлено.

111. А срочный работник не холоп, и не следует обращать в холопство ни за прокорм, ни за приданое. Если работник не дослужит до срока, он обязан вознаградить хозяина за то, чем тот одолжил его; если же он дослужит до срока, то ничего не платит.

112. Если холоп убежит, и господин о побеге его заявит, и, если кто, зная что холоп беглый, даст ему хлеба или укажет дорогу, то платит господину за холопа 5 гривен, а за рабу – 6 гривен.

113. Если кто задержит чужого холопа и даст о том знать господину, то взять ему за это гривну кун. Если же, поймав беглеца, не устережет его, то платит господину за холопа 4 гривны, а за рабу – 5 гривен; в первом случае пятая, а во втором шестая следует ему за то, что он поймал беглого.

114. Если кто сам дознается, что его холоп находится в каком-либо городе, а между тем посадник не знает об этом, то он имеет право взять у посадника отрока, дабы вместе с ним связать беглеца, за что и даст ему 10 кун. Но если преследователь упустит раба, то пусть жалуется на себя самого.

115. Если кто по неведению встретит чужого холопа, окажет ему помощь, а беглец покинет его, то должен присягнуть, что по неведению поступал таким образом с беглецом, а платежа в том нет.

116. Если холоп обманом возьмет у кого деньги в кредит под именем вольного человека, то господин его должен или заплатить, или отказаться от холопа; но если веритель, зная, что он холоп, дал ему деньги, то лишается своих денег.

117. Если кто дозволит своему холопу торговать, и холоп тот берет деньги в долг, то господин обязан платить за него долги, но не может от него отступиться.

118. Если кто купит чужого холопа, не зная того, настоящему господину взять своего холопа, а покупщику возвратить деньги под присягой, что он купил холопа по незнанию. Если же окажется, что он купил заведомо чужого холопа, то теряет свои деньги.

119. Если холоп, будучи в бегах, приобретет себе имение, то и приобретение, сделанное им, принадлежит господину вместе с холопом.

120. Если холоп, убежав, унесет с собой что-либо из принадлежащего соседу или товар, то господин обязан заплатить за унесенное им по урочной цене.

121. Если холоп обокрал кого-нибудь, то господин обязан или заплатить за него, или выдать его головою вместе с другими участниками воровства, бывшими при деле или прятавшими краденое, кроме их жен и детей. Если же принимали участие в краже свободные люди, то таковые платят князю штраф (продажу).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в пособии теоретические и практические материалы, не претендуя на исчерпывающую полноту (в рамках данного формата невозможно подробно рассмотреть все аспекты становления и развития государства и права Киевской Руси), помогут студентам в освоении дисциплины «История государства и права России».

Ответы на вопросы, частично раскрытые либо не затронутые в пособии, можно найти в источниках, представленных в рекомендательном библиографическом списке.

В любом случае сведения, изложенные в учебном пособии, окажут заинтересованному читателю несомненную помощь в изучении истории государства и права России и помогут выпускнику-юристу получить определенные знания для успешной профессиональной деятельности практического или научного характера.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. *Белковец Л. П., Белковец В. В.* История государства и права России : курс лекций. Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 2000. 216 с.
2. *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России: социально-экономические проблемы. М. : Мысль, 1980. 342 с.
3. *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М. : Спарк, 2001. 119 с.
4. История отечественного государства и права : учебник / отв. ред. И. А. Исаев. М. : Проспект, 2012. 432 с.
5. История России IX – XX вв. : курс лекций / под ред. д-ра ист. наук, проф. Б. В. Леванова. М. : ЗелО, 1996. 750 с.
6. История России с древнейших времён до второй половины XIX века : курс лекций / под ред. акад. Б. В. Личмана. Екатеринбург : Урал. гос. техн. ун-т, 1995. 304 с.
7. *Климов И. П.* История отечественного государства и права : учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2008. 496 с.
8. *Лоба В. Е., Малахов С. Н.* Уголовное право Древней Руси XI – XII вв. (по данным Русской Правды) : монография. Армавир : РИО АГПА, 2011. 176 с.
9. Памятники российского права. В 35 т. Т. 1. Памятники права Древней Руси : учеб.-науч. пособие / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова. М. : Юрлитинформ, 2013. 528 с.
10. *Рубаник В. Е.* История государства и права России : учеб. для бакалавров / под общ. ред. В. Е. Рубаника. М. : Юрайт, 2014. 876 с. Серия: Бакалавр. Углубленный курс.
11. *Чернявская Т. А.* Русская Правда (с комментариями) : учеб. пособие. Н. Новгород : Вектор Т и С, 1998. 56 с.
12. *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. Т. 1. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 544 с.
13. *Сандулов Ю. А.* История России: народ и власть / оформ. обл. А. Олексенко, С. Шапиро. СПб. : Лань, 1997. 448 с.

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК*

1. *Агафонов, А. В.* О рецепции византийского законодательства в Киевской Руси / А. В. Агафонов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 4.
2. *Анохин, Г. И.* Новая гипотеза происхождения государства на Руси / Г. И. Анохин // Вопросы истории. – 2000. – № 3.
3. *Буганов, В. И.* Эволюция феодализма в России: социально-экономические проблемы / В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. – М. : Мысль, 1980.
4. *Вернадский, Г. В.* История России. Древняя Русь : пер. с англ. / Г. В. Вернадский. – М., 1996.
5. *Владимирский-Буданов, М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – М., 2005.
6. *Власов, В. И.* Организация розыска преступников в России в IX – XX вв. / В. И. Власов, Н. Ф. Гончаров. – Домодедово, 1997. – Ч. 1.
7. *Греков, Б. Д.* Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М., 2005.
8. *Он же.* Крестьяне на Руси. / Б. Д. Греков. – М., 1952. – Кн. 1.
9. Древнерусское единство. Парадоксы восприятия (материалы «круглого стола») // Родина. – 2002. – № 11 – 12.
10. *Егоров, В. С.* История уголовного наказания в период становления российского права / В. С. Егоров // Государство и право. – 2006. – № 5.
11. *Еремян, В. В.* Муниципальная история России. Древняя Русь (от общины-рода к общине-государству) / В. В. Еремян. – М., 2005.
12. *Зимин, А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV века) / А. А. Зимин. – М., 1973.
13. *Исаев, М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М. А. Исаев. – М., 2001.
14. История государства и права России в документах и материалах. С древнейших времен по 1930 г. – Минск, 2003.
15. История государства и права славянских народов : учеб. пособие / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. – М., 2004.

* Приводится в авторской редакции.

16. История отечественного государства и права. Ч. 1 / под ред. О. И. Чистякова. – М., 2006, 2008.
17. Коновалов, И. А. История государства и права : учеб. пособие / И. А. Коновалов, А. А. Маручек, Т. Ф. Ящук. – Омск, 1998.
18. Кудимов, А. В. Источники права Древней Руси / А. В. Кудимов, М. М. Шафиев // История государства и права. – 2006. – № 10.
19. Куликов, В. И. История государственного управления в России : учебник / В. И. Куликов. – М., 2001.
20. Кутафин, О. Е. Первый суд / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин // Российская юстиция. – 2005. – № 3.
21. Кутафин, О. Е. Судебная власть в России: история, документы : в 6 т. / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин ; науч. консультант проекта Е. А. Скрипилев. Т. I. Начала формирования судебной власти / отв. ред. Н. М. Золотухина. – М., 2003.
22. Кучкин, В. А. Своя рубашка ближе к телу / В. А. Кучкин // Родина. – 2002. – № 11 – 12.
23. Лукин, П. В. Упоминания веча/вечников в ранних славянских памятниках / П. В. Лукин // Отечественная история. – 2006. – № 4.
24. Минникес, И. В. Выборы князя в русском государстве / И. В. Минникес // История государства и права. – 2003. – № 6.
25. Назаренко, А. Две Руси IX века / А. Назаренко // Родина. 2002. – № 11 – 12.
26. Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. – М., 1992.
27. Оспенников, Ю. В. О значении штрафа в 12 гривен в русском праве XII – XV вв. / Ю. В. Оспенников // История государства и права. – 2006. – № 4.
28. Петров, А. Мечты о золотом столе / А. Петров // Родина. – 2006. – № 4.
29. Петров, И. В. Государство и право Древней Руси / И. В. Петров. – СПб., 2003.
30. Полубинский, В. И. Сыск на Руси / В. И. Полубинский // Журнал российского права. – 1997. – № 11.
31. Поляков, А. Н. Древнерусская цивилизация: основные черты социального строя / А. Н. Поляков // Вопросы истории. – 2006. – № 9.
32. Пресняков, А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь / А. Е. Пресняков. – М., 1993.

33. *Родионов, К. С.* Была ли в Договоре 911 г. Киевской Руси с Византией норма о выдаче? / К. Родионов // Государство и право. – 2006. – № 3.

34. Российское законодательство IX – XX вв. В 9 т. Т. 1 / под ред. О. И. Чистякова. – М., 1998.

35. *Свердлов, М. Б.* От Закона Русского к Русской Правде / М. Б. Свердлов. – М., 1988.

36. *Семенова, О. П.* Развитие семейно-брачных отношений в Древнерусском государстве / О. П. Семенова // История государства и права. – 2006. – № 11.

37. *Сенин, А. С.* История российской государственности : учеб. пособие / А. С. Сенин. – М., 2003.

38. *Серегин, А. В.* Юридический анализ причин возникновения Древнерусского государства / А. В. Серегин // История государства и права. – 2006. – № 7.

39. *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов. – Л., 1980.

40. Хрестоматия по истории государства и права России / под ред. Ю. П. Титова. – М., 2004.

41. *Цечоев, В. К.* История отечественного государства и права России с древнейших времен до 1861 г. : учеб. пособие / В. К. Цечоев, В. И. Власов, О. В. Степанов. – Ростов н/Д., 2000.

42. *Щепетев В. И.* История государственного управления в России : учебник / В. И. Щепетев. – М., 2003.

43. *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. – М., 1949.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ГОСУДАРСТВО КИЕВСКАЯ РУСЬ	4
1.1. Теории возникновения государства Киевская Русь.....	4
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	<i>12</i>
1.2. Объективные предпосылки возникновения Древнерусского государства.....	13
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	<i>35</i>
1.3. Государственный строй Киевской Руси	37
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	<i>43</i>
1.4. Общественный строй Киевской Руси.....	44
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	<i>54</i>
Глава 2. ПРАВО КИЕВСКОЙ РУСИ	55
2.1. Источники права.....	55
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	<i>65</i>
2.2. Развитие гражданского права.....	65
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	<i>88</i>
2.3. Развитие уголовного права.....	90
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	<i>113</i>
2.4. Развитие процессуального права	114
<i>Вопросы и задания для самоконтроля</i>	<i>123</i>
Планы практических занятий	124
Казусы	126

Темы рефератов	129
Глоссарий	130
Правда Русская Краткой редакции (По Академическому списку)	139
Правда Русская Пространной редакции (По Троицкому I списку)	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	157
СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК.....	158
РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	159

Учебное издание

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО КИЕВСКОЙ РУСИ

Учебное пособие

Авторы-составители:

БОРИСОВА Ирина Дмитриевна
ОШМАРИН Александр Александрович

Редактор А. А. Амирсейидова

Технический редактор С. Ш. Абдуллаева

Корректор О. В. Балашова

Компьютерная верстка Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор Е. В. Невская

Подписано в печать 30.09.20.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 9,53. Тираж 50 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.